

Вячеславъ Зайкинъ.

УЧАСТИЕ СВѢТСКАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ
ЦЕРКОВНОМЪ УПРАВЛЕНИИ, ВЫБОР-
НОЕ НАЧАЛО И „СОБОРНОСТЬ“ ВЪ
КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІІ
ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.

Варшава. Синодальная Типографія.
1930.

В я ч е с л а въ З а и к и нъ.

**УЧАСТИЕ СВѢТСКАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ
ЦЕРКОВНОМЪ УПРАВЛЕНИИ, ВЫБОР-
НОЕ НАЧАЛО И „СОБОРНОСТЬ“ ВЪ
КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІЇ
ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ.**

**Варшава. Синодальная Типографія.
1930.**

I. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО СТРОЯ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ ВЪ XVI-XVII вв. ВЪ СОВРЕМЕННОЙ НАУКѢ И ПУБЛИЦИСТИКѢ.

Исторія Западно-Русской (Украинско-Бѣлорусской) Православной Церкви XVI-XVII ст.,—во многихъ отношеніяхъ интересная и поучительная,—несмотря на сравнительное богатство историческихъ материаловъ, относящихся къ этой эпохѣ, до сихъ поръ не нашла необходимаго всесторонняго научнаго освѣщенія 1). Наиболѣе ощущительнымъ въ настоящее время является недостатокъ специальныхъ научныхъ изслѣдований по истории церковнаго устройства Западно-Русской Церкви въ XVI-XVII вв., въ особенности въ связи съ попытками нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей положить историческія традиції Западно-Русской (Украинско-Бѣлорусской) Церкви XVI-XVII ст. въ основу желаемыхъ ими реформъ въ организації современной Православной Церкви въ Польшѣ. Правда, въ цѣнныхъ и солидныхъ трудахъ по общей церковной исторіи „Западной Руси“ (т. е. Укра-

1) Срв. замѣчанія по этому поводу І. І. Соколова въ предисловії къ его работѣ: „Про відносини Української Церкви до грецького Сходу на прикінці XVI та на поч. XVII ст. за нововиданими матеріалами“ („Зап. Іст.-Філ. Відділу УАН“, 1919, кн. 1, с. 53).

ины и Бѣлоруссії) Митрополита Макарія, В. Б. Антоновича, Ореста Левицкаго, И. И. Малышевскаго, С. А. Терновскаго, С. Т. Голубева, прот. Ф. И. Титова и др. удѣлено много вниманія церковному устройству и церковно-административной жизни Киевской Митрополії XVI-XVII вв. Но специальныхъ церковно-юридическихъ изслѣдований, изображающихъ съ надлежащею ясностью и полнотой церковно-правовую организацію Зап. Русской Церкви въ XVI-XVII вв., нѣтъ почти совсѣмъ.—За послѣдніе годы, несмотря на пробудившійся живой интересъ къ церковной исторіи и особенно къ исторіи церковного строя Украины и Бѣлоруссии въ XVI-XVII ст., не появилось ни одной научной работы о церковномъ строѣ Западной Руси XVI-XVII вв., за исключеніемъ очень интереснаго, хотя и не вполнѣ удачнаго, очерка проф. Н. Чубатаго („Юридическомъ положеніи Церкви въ казацкомъ государствѣ”— во львовскомъ греко-католич. журналѣ „Богословія“, 1925 г., кн. 1—3) 2). Между тѣмъ, въ до-

2) Ср. рецензію обѣй этой работѣ др. Чубатаго: акад. проф. Н. Василенко—въ „Працях Комісії для вивчення західно-руського та вкраїнського права УАН“, вип. III, сс. 461-468, і нашу—въ „Елпіс“, кн. I, сс. 110-117. — Какъ отмѣчаєтъ акад. Василенко, работа проф. др. Чубатаго не можетъ быть признана „изслѣдованіемъ“: „она мало отражаетъ на себѣ самостоятельной работы. Литература вопроса далеко не исчерпана“. Акад. Василенко указываетъ цѣлый рядъ важныхъ работъ, касающихся положенія Церкви на Украинѣ въ XVII-XVIII в., ускользнувшихъ отъ вниманія проф. Чубатаго. Кроме указаныхъ акад. Василенкомъ, проф. Чубатый не использовалъ и нѣсколько другихъ важныхъ трудовъ, въ томъ числѣ и такой солидный трудъ, какъ „Киевская Митрополія-епархія въ XVII-XVIII вв.“ проф. прот. Ф. И. Титова (т. II его капитального изслѣдованія „Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII-XVIII вв.“, являющагося вмѣстѣ съ знаменитымъ трудомъ проф.

въльно многочисленныхъ статьяхъ по вопросамъ внутренняго устройства Православной Церкви въ Польшѣ довольно часто дается одностороннее и ошибочное освѣщеніе церковно-правового строя украинскихъ и бѣлорусскихъ земель XVI-XVII ст. Подходя къ освѣщенію прошлаго съ предвзятою цѣлью, не имѣя въ рукахъ специальныхъ историко-юридическихъ изслѣдований о внутреннемъ строѣ Западно-Русской Православной Церкви XVI XVII в. и не ориентируясь въ обширной русской церковно-исторической литературѣ, а иногда и вовсе ея не зная,—авторы этихъ статей ча-

Голубева „Митрополитъ Петръ Могила“..., тоже не использованнымъ пр. Чубатымъ, значительнейшимъ изслѣдованиемъ по истории Православной Церкви на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи въ XVII-XVIII вв.).—Въ части своего сочиненія, посвященной „выборно-му началу“, д-ръ Чубатый въ основаніе своихъ разсужденій и выводовъ кладеть не вполне здѣльную кандидатскую работу Г. И. Маркевича „Выборное начало“..., въ которой, правда, собрано много цѣннаго материала, но не меныше и совершенно произвольныхъ выводовъ и прямо-таки вздорной болтовни. Между тѣмъ др. Чубатый пользуется именно въводами Маркевича, не прозѣряя ихъ своею критикой. Въ результатѣ встрѣчаемъ у проф. Чубатаго нѣкоторыя явно ошибочные выводы—о происхожденіи выборного начала въ Церкви отъ древней верви и вѣча о роли идей пресловутаго „дезаропапизма“ въ великорусско-украинскихъ церковныхъ отношеніяхъ и т. п. (на эти недостатки указываетъ и акад. Василенко) Вообщѣ, д-ръ Ч. часто ограничивается,—какъ отмѣчаетъ акад. Василенко—только общими разсужденіями и не приводить примѣровъ, чтобы доказать свои мысли“. Наконецъ, пр. Ч. совершенно не учитываетъ значенія соціально-экономического фактора въ развитіи церковнаго строя на Украинѣ въ XVII-XVIII вв.—Въ виду всѣхъ этихъ недочетовъ, несмотря на несомнѣнную талантливость изложенія и нѣкоторыя весьма цѣнныя и интересныя сужденія проф. Чубатаго, его работа не даетъ правильнаго представленія о церковно-правовомъ строѣ Украины въ XVII-XVIII ст., его образованіи и развитіи. Когда же работаютъ проф. Чубатаго стали пользоваться нѣкоторые „новоизбѣненные историки“, у нихъ получилось уже явное искаженіе исторіи

сто принимаютъ чаемое ими въ настоящемъ за существовавшее въ прошломъ, замѣчаютъ одни факты и упускаютъ изъ вида или игнорируютъ другие, тѣсно съ ними связанные, наконецъ, нѣкоторыя темныя и прискорбныя явленія нашего церковнаго прошлого, вносившія въ нашу Церковь раздоръ, дезорганизацію, развалъ, не только оправдываютъ, но даже идеализируютъ. Какъ далеко иногда удаляются отъ истины современные публицисты, пишущіе объ историческихъ „традиціяхъ“ въ устройствѣ Украинско-Бѣлорусской Церкви въ Польшѣ, видно хотя бы, напр., изъ того, что нѣкоторые изъ эгихъ публицистовъ замѣчательнѣйшимъ носителемъ и выразителемъ демократическихъ, „соборноправныхъ“, выборныхъ и т. п. началъ и „традицій“ считаютъ нашего великаго церквинааго дѣятеля Митрополита Петра Могилу, который — въ дѣйствительности — былъ рѣшительнымъ сторонникомъ твердой и неограниченной митрополичьей власти, вельупорную борьбу съ чрезмѣрнымъ вмѣшательствомъ свѣтскихъ элементовъ въ управлениѣ Церковью, съ правомъ „подаванья“, выбирнымъ началомъ, сломилъ автономію ставропигіальныхъ братствъ и монастырей, вводилъ строгую дисциплину и т. д.

.Характерной чертой въ правовой жизни Православной Церкви на Украинѣ (и въ Бѣлоруссіи) въ XVI, XVII и XVIII вв.* очень часто считаются новѣйшие авторы „проникновеніе общественныхъ элементовъ въ церковную жизнь, своего рода, такъ сказать, „общественный папизмъ“: Православная Церковь на Украинѣ пишеть, напр., д-ръ Чубатый, не изолируется отъ вліянія свѣтскаго общества, наоборотъ, предоставляетъ ему

голосъ даже въ чисто-церковныхъ дѣлахъ, не всегда съ пользой, когда дѣло касается ненарушенности каноновъ Церкви. Свѣтскій общественный элементъ проникаетъ у насъ во всѣ церковные установленія; онъ сильно вліяетъ на замѣщеніе духовныхъ должностей, а иногда даже на рѣшеніе чисто-религіозныхъ проблемъ "... Это „особый типъ (правового строя Церкви), свойственный лишь украинской землѣ, какъ странѣ, находящейся на пограничье двухъ церковно-религіозныхъ воззрѣній на отношенія между духовной и свѣтской властью—западно-европейскимъ, католическимъ и восточно-европейскимъ, православнымъ"... . Начальъ обычая, что общество решаетъ также церковныя дѣла, надо искать въ старомъ вѣчевомъ строѣ, который на каждомъ шагу придаетъ особую окраску нашей правовой жизни въ древнемъ земскомъ періодѣ"... (Д-ръ М. Чубатый. „Про правне становище Церкви въ ко-зацькій державі „Богословія“, 1925., т. III, кн. 1-2, сс. 22, 29, 30). — Другой „изслѣдователь“ (являющійся собственно, спеціалистомъ по палеотипіи и исторической фонетикѣ, но осмѣлившійся выступать съ „научнымъ“ докладомъ по исторіи церковнаго строя, о которой онъ имѣеть весьма смутное понятіе) устанавливаетъ такія главныя „традиції“ въ строѣ Украинской Православной Церкви, „которыя въ ней царили, какъ во времена Великаго Княжества Кіевскаго, такъ равно и во времена Княжества Литовскаго и Короны Польской“: 1) „полную независимость Церкви отъ государства“, 2) „соборное устройеніе жизни Православной Церкви, соборноправность, когда всѣ важнѣйшия вопросы передавались на разсмотрѣніе Помѣстныхъ Соборовъ“, 3) „избираемость каж-

дой духовной особы, начиная съ Митрополита и кончая сельскимъ дьячкомъ, причемъ въ выбо-
рахъ участвовали не только духовныя лица, но и свѣтскій элементъ³⁾. Этотъ „ультра-демократи-
ческій“, „соборнoprавный“ строй Украинской (правильнѣе было бы сказать, Западно-Русской или Украинско-Бѣлорусской) Церкви новѣйшими „изслѣдователями“ и публицистами обычно про-
тивопоставляется „недемократическому“ строю Великорусской Церкви, въ которой господство-
валъ „цезаропапизмъ“, пресловутый „самодер-
жавно-синодально консисторскій режимъ“ и т. д.
„Демократический“ строй Украинской Церкви уни-
чтожили, по мнѣнию этихъ публицистовъ и из-
слѣдователей, „съ одной стороны—Унія во имя
принципа, что лишь іерархи должны управлять Церковью, а съ другой стороны—Москва во имя
государственнаго цезаропапизма“... Такое изобра-
женіе основъ и развитія церковнаго строя Укра-
ины (и Бѣлоруссіи) является не только односто-
роннимъ, но въ значительной степени прямо и с-
кажающимъ исторію⁴⁾. Поэтому потребность въ объективномъ, чуждомъ всякой
тенденціи изображеніи церковнаго строя Украины и Бѣлоруссіи въ XVI-XVII вв. кажется намъ въ настоящее время весьма настоятельной.

Совершенно не касающійся вопроса о допусти-
мости или цѣлесообразности какихъ либо реформъ

3) См. отчеты объ этомъ „научномъ“ докладѣ въ газетахъ „Нова Зоря“ (1929, №№ 16 и 17) и „За Свободу“ (1929, №№ 25 и 26).

4) На неправильность нѣкоторыхъ основныхъ выводовъ проф. Чубатаго уже обратилъ вниманіе въ своей рецензіи о его работѣ акад. Н. Василенко („Праці для вивчув. зах.-рус. та україн. права“, в. III, сс. 461-463).

во внутренней правовой организаціи нашей Церкви, мы постараемся дать краткій об'єктивный очеркъ исторіи церковнаго строя, въ частности, участія свѣтскаго элемента въ церковномъ управлениі и т. н. „соборнаго и выборнаго начальъ“ въ Кіевской Митрополіи (или, какъ часто говорятъ, „Западно-Русской Церкви“) XVI-XVII ст., объединявшій въ то время почти всѣ украинскія и бѣлорусскія земли. Задача эта нелегкая, т. к. церковный строй Кіевской Митрополіи въ XVII ст. подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ, никакихъ „традицій“, никакихъ прочно установившихся начальъ въ церковномъ устройствѣ и управлениі Кіевской Митрополіи въ XVI-XVII в. не было; наоборотъ, мы видимъ въ то время въ Западно-Русской Церкви постоянныя коллизіи и борьбу разныхъ начальъ; въ нѣкоторые моменты наблюдаемъ даже почти полный хаосъ, полное разстройство нормального церковнаго управлениія, вызванныя отчасти внѣшними, отчасти же внутренними причинами. Болѣе подробное изложеніе исторіи церковнаго строя Западно-Русской (Украинско-Бѣлорусской) Церкви мы посвящаемъ специальное пространное изслѣдованіе, первую часть которого подготовляемъ нынѣ къ печати въ специальномъ научномъ изданіи. Здѣсь же, сообразуясь съ рамками „Воскреснаго Чтенія“, мы постараемся вкратцѣ освѣтить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые важные и интересные моменты изъ исторіи церковнаго строя Кіевской Митрополіи XVI-XVII ст.; причемъ для разъясненія возникновенія нѣкоторыхъ явлений церковноправовой жизни XVI-XVII в. намъ придется коснуться и болѣе раннихъ періодовъ.

II. ЦЕРКОВНО-ПРАВОВОЙ СТРОЙ И УЧАСТИЕ СВѢТСКАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ ЦЕРКОВНОМЪ УПРАВЛЕНИИ ВЪ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРИОДѦ.

Церковно-правовой строй Кіевской Митрополії XVII ст. и въ частности такія явленія, какъ широкое участіе свѣтскихъ элементовъ въ церковныхъ дѣлахъ, „выборное начало“ и т. п., особенно широко развившіяся въ началѣ XVII ст. до вступленія на митрополичій престолъ Петра Могилы и затѣмъ въ эпоху „Руинъ“ (въ Зей четверти XVII в.), утвердились сравнительно поздно. Минѣе проф. Чубатаго, И. Огіенка и др.. будто „началь обычая, что общество рѣшаетъ также церковныя дѣла, надо искать въ старомъ вѣчевомъ строѣ“ и вообще „въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ“, совершенно неосновательно и невѣрно. Какъ мы уже неоднократно указывали въ рецензіи о работѣ проф. Чубатаго и въ нашихъ работахъ о началѣ христіанства на Руси, христіанство во всѣхъ восточно-славянскихъ и въ частности въ украинскихъ земляхъ, распространялось, главнымъ образомъ, благодаря заботамъ и стараніямъ князей и высшихъ слоевъ общества. Аналізъ сціально-политической эволюціи восточно славянскихъ земель доказываетъ, что христіанізація ихъ происходила, по видимому, параллельно съ соціально-политическими реформами, содержаніе которыхъ заключалось въ замѣнѣ простого демократическо-вѣчевого строя болѣе сложнымъ аристократическо-монархическимъ. Во всякомъ случаѣ, въ первый періодъ исторіи христіанства въ восточно-славянскихъ, и въ, особенности въ украинскихъ,

земляхъ главными союзниками, защитниками и покровителями Церкви были князья, а не вѣча. Въ теченіе XI-XIV вв. въ южной Руси (Украинѣ) —отличавшейся вообще болѣе аристократическимъ соціальнымъ строемъ, чѣмъ сѣверная Руслань (Великороссія)—мы видимъ дальнѣйшее, постепенное паденіе вѣча и демократіи и одновременное усиленіе аристократическихъ феодальныхъ началь 5). Въ эту эпоху князья сохраняютъ и даже усиливаютъ свое вліяніе и опеку въ церковныхъ дѣлахъ; съ другой стороны, никакихъ фактіевъ, свидѣтельствующихъ о какомъ-либо вліяніи вѣча на церковную жизнь украинскихъ земель, источники наши не сообщаютъ. Князья во всѣхъ восточно-славянскихъ земляхъ, кроме Новгородской, принимали непосредственное участіе въ важнѣйшихъ церковно-административныхъ актахъ: въ учрежденіи новыхъ епархій, въ перенесеніи Епископскихъ каѳедръ изъ одного города въ другой, въ назначеніи Епископовъ и т. п.; часто князья прямо посыпали своихъ кандидатовъ въ Кіевъ къ Митрополиту для посвященія ихъ во Епископы 6). Извѣстны, также, неоднократные случаи назначенія князьями кіевскихъ Митрополитовъ —то безъ вѣдома и согласія Константинопольского Патріарха (Иларіона — въ 1051 г.,

5) О сравнительно сильномъ развитіи аристократическихъ началь въ южной Руси (Украинѣ), начиная съ древнѣйшихъ временъ, достаточно ясные и исчерпывающіе выводы см. у Ключевскаго („Боярская дума древней Руси“), Владимира Булавова („Обзоръ исторіи русскаго права“), Максимійка („Русская правда“, т. I, и „Лекціи по исторіи русскаго права“) и др.

6) Н. Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. 5-ое изд. М. 1913, с. 92-93; Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви, т. I, под. 1. М. 1880, с. 300-301.

Клима Смолятича въ 1147 г., Григорія Цамблака въ 1416 г. и т. д. 7), то съ согласія Патріарха, который, начиная съ пол. XIII в., большою частью сталъ посвящать въ Митрополиты («кіевскіе» и галицкіе) кандидатовъ, назначаемыхъ князьями. Больше того, князья — особенно князья кіевскіе — издавали приказанія и распоряженія даже относительно дѣлъ чисто-религіозныхъ, какъ, напр., канонизаціи святыхъ и перенесенія мощей 8). Наконецъ, извѣстны попытки нѣкоторыхъ князей (напр., Изяслава I и Ярополка-Петра) рѣшать совершенно самостоятельно, свою волею и такие важные церковные вопросы, какъ возсоединеніе Русской Православной Церкви съ Римско-Католическою 9). Но, какъ ни замѣтно выражалось иногда вліяніе княжеской власти на церковныя дѣла, все же «цезаропапизма» въ доевне-русской Православной Церкви не было; Митрополитъ съ соборомъ Епископовъ, стоять болѣе прочно и въ большей степени имѣть значеніе центра русского церковнаго устройства, чѣмъ власть даже наиболѣе сильныхъ изъ рус-

7) По догадкѣ проф. Ст. Томашевскаго (срв. его статью въ „Зап. ЧСВВ.“, т. II, в. 3-4, и брошюры „Ruski epizod Soboru Lwowskiego“ и „Петро, незнаний Митрополит русский“), къ числу такихъ Митрополитовъ, поставленныхъ, повидимому, на Руси безъ сношеній съ Константинопольскимъ Патріархомъ долженъ быть отнесенъ еще Петръ Акеровичъ (сред. XIII в.).—Назначеніе Григорія Цамблака подтверждено было собранными в. кн. Витовтомъ для этой цѣли князьями, папами и духовными лицами (см. ниже).

8) Сурововъ. Op. cit., c. 93.

9) W. Abram. Powstanie organizacji Kościoła Jacińskiego na Rusi, t. I. Lwów, 1904, стр. 19 сл.; срв. Т. Б. Русл. Византія и Римъ въ XI-XIII вв. „Кітеж“, 1928, № 7-10; см. также нашу статью: „Св. Степан, Епископ Володимирський... Зап. ЧСВВ.“, т. III, в. 1-2.

скихъ князей¹⁰⁾.—Съ другой стороны никакого „общественного папизма“ ни въ украинскихъ, ни въ бѣлорусскихъ, ни въ южно-великорусскихъ земляхъ въ ту эпоху не существовало. Никакого вліянія въ чна на церковныя дѣла въ восточно-славянскихъ земляхъ (кромѣ съверно-великорусскихъ) не было. Церковные Соборы въ древней Руси несомнѣнно были и собирались повидимому постоянно, періодически; но это были Соборы Епископовъ, безъ участія низшаго духовенства и мірянъ. Равнымъ образомъ, повсемѣстно въ древней Руси собирались ежегодно, большею частью въ „сборное воскресенье“ (т. е. первое воскресенье великаго поста) епархиальные съѣзды духовенства, конечно, также безъ участія мірянъ¹¹⁾. Эти съѣзды тоже назывались часто Соборами, главное значеніе этихъ епархиальныхъ „Соборовъ“ заключалась, какъ кажется, въ преподаніи на нихъ приходскому духовенству указаний и распоряженій Епископами, въ нѣкоторомъ контролѣ приходского духовенства Епископами и т. п. Никакой „соборности“ или „соборноправности“ (въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляютъ обычно теперь) въ древне-русской Церкви не было. Поставленіе Митрополитовъ зависѣло до конца XIV в. отъ константинопольскихъ Патріарховъ и отъ князей; постановленіе Епископовъ—во всѣхъ восточно-славянскихъ земляхъ, кромѣ новгородской — отъ Митрополитовъ и князей. Ни въ чне, ни вообще свѣтское общество до конца XIV ст. въ постановленіи Митрополитовъ и Епископовъ участія не принимали (за ис-

10) Суворовъ. Op. cit., с. 93.

11) Ibid., стр. 111.

ключеніемъ Новгорода). О приходской жизни на Руси, о положеніи приходскихъ священниковъ, діаконовъ и церковно-служителей, отношеніи ихъ къ приходу, способахъ ихъ назначенія и т. п. въ первые вѣка существованія у насъ христіанства свѣдѣній мы не имѣемъ¹²⁾. Неоднократно, правда, высказывалось предположеніе, что въ древней Руси уже въ до-татарскій періодъ установленся обычай избранія приходского духовенства прихожанами; но это лишь предположеніе, опирающееся не на факты, а на правдоподобныя априорныя сужденія. Во всякомъ случаѣ, рѣбъ исконно-демократическихъ, „соборноправныхъ“ и т. п. „традиціяхъ“ Украинской Православной Церкви, восходящихъ ко временамъ „Великаго Княжества Киевскаго“ и вѣчевого строя, серьезно говорить нельзя.—Демократическая начала въ церковной жизни, вліяніе вѣча на церковныя дѣла, избраніе вѣчемъ Епископовъ и даже иногда случавшееся низложеніе вѣчемъ Епископовъ мы встрѣчаемъ въ древней Руси только въ *сѣверной Великороссіи*, центромъ которой былъ Новгородъ, и которая уже съ X-XI в. имѣла совершенно особый соціально-политической укладъ, діаметрально противоположный общественно-политическому строю Киевской Руси - Украины¹³⁾.

12) Ibid., стр. 125.

13) Проф. Н. А. Максименко („Русская Правда“, т. I, М. 1914) доказываетъ совершение различіе соціально-политическаго строя Киевской Руси-Украины и Новгорода (уже въ XI ст.).

III. УЧАСТИЕ СВѢТСКАГО ЭЛЕМЕНТА ВЪ ЦЕРКОВНОМЪ УПРАВЛЕНИИ ВЪ СЪВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Въ концѣ XIV—нач. XV в. въ связи съ общими экономическими, социальными и политическими измѣненіями въ разныхъ областяхъ Руси, подвергается существеннымъ видоизмѣненіямъ также церковно-правовой строй. Въ великорусскихъ земляхъ, старательно собираемыхъ въ XIV-XV ст. московскими князьями въ единое Московское государство, сильное вліяніе во всѣхъ сферахъ церковной жизни—и въ высшемъ церковномъ управлени, и въ епархиальной организаціи и въ приходскомъ быту—пріобрѣтаетъ свѣтской элементъ. Мѣсковскіе государи-самодержцы, начинаящіе со временъ Иоанна III считать Себя преемниками римскихъ и византійскихъ императоровъ, усваивають византійскія идеи царского гла-венства и превосходства царской власти надъ духовно-іерархической и не только фактически, но въ значительной степени и de jure возглавляютъ Великорусскую Церковь 14). Верховенство

14) Вѣнчнее наглядное выраженіе этой идеи далъ Иоаннъ III, воспользовавшись при возведеніи на митрополичій престолъ Московскаго Митрополита византійскою формулой: „Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ всея Русіи государство, подаетъ тебѣ сей святый великий престолъ архіерейскій митрополіи всея Русіи“.—По, отмѣча верховенство и даже „гла-венство“ монарха въ Великороссійской, а съ нач. XVII ст. во Всероссійской Церкви (срв.: Суворовъ, ор. cit., сс. 210 216, 500, 502-505), считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что русскіе цари (и императоры, за исключеніемъ очень немногихъ, гл. обр. Петра III и Екатерины II, время правленія которыхъ было наиб. темной страницей въ исторіи церковной политики русскаго правительства) большую частью „дѣйствовали въ упраздненіи церковномъ... по сознанію долга служить Богу и Церкви всѣми могущественными средствами, находящимися въ распоряженіи царя, ибо за неисполнение этого долга самому царю грозилъ гибель“ (Суворовъ. Ор. cit., с. 500).

царя сохранилось и послѣ учрежденія патріаршества: цари избирали патріарховъ, назначали епископовъ, созывали церковные соборы и составъ, утверждали или отвергали ихъ постановленія, имѣли постоянный надзоръ за высшимъ церковнымъ и епархиальнымъ управлѣніемъ и т. д. 15). — Въ то же время, подвергся въ Великороссіи, важнымъ перемѣнамъ и епархиальный строй, вслѣдствіе проникновенія въ него сектскаго элемента, свѣтскихъ служилыхъ людей, получавшихъ въ кормленіе и управление церковныя земли съ ихъ населеніемъ, а затѣмъ сдѣлавшихся помощниками архіереевъ въ разныхъ областяхъ епархиального управлѣнія и, наконецъ, совершенно оттѣснившихъ на задній планъ духовныхъ лицъ въ епархиальномъ управлѣніи 16). — Въ приходскомъ быту около того же времени широко развились, возникшія неизвѣстно когда, „выборное начало“ и полная зависимость приходского духовенства отъ прихожанъ. Отношеніе горожанъ и прихожанъ къ духовенству въ Великороссіи въ эту эпоху, какъ замѣчаетъ авторитетнейший изслѣдователь русскаго церковнаго права проф. Н. С. Суворовъ,—представляется въ такихъ формахъ, которыя граничили съ отсутствіемъ всякаго церковнаго порядка. Столгавый соборъ призналъ за прихожанами право выбора духовенства, опредѣливъ, что „по всѣмъ святымъ церквамъ, въ митрополіи, въ архіепископіяхъ и епископіяхъ, избираютъ прихожане священниковъ и діаконовъ и діаковъ искусныхъ и грамотѣ гор-

15) Н. А. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Сер.-Посадъ, 1912, т. II, с. 50 и сll.

16) Суворовъ. Op. cit., c. 111-112.

раздыхъ и житіемъ непорочныхъ"... Но въ дѣй-
ствительности прихожане и горожане не только
избирали, а и увольняли духовенство. Сплошь и
рядомъ, вместо наличного священника, прихожа-
не принимали къ себѣ на службу другое лицо,
коль скоро имѣли какое-либо основаніе предпо-
чтать послѣднее первому. Въ результатѣ, отно-
шенія прихожанъ къ причту получили видъ най-
ма: священникъ и другіе члены причта заключа-
ли съ прихожанами договоръ, облекавшійся въ
форму порядной записи и обязывавшій одну сто-
рону совершать въ теченіе извѣстнаго времени
богослуженія и церковныя требы, а другую— до-
ставлять условленную ругу, т. е. средства къ со-
держанію (обыкновенно натурой). Наймообраз-
ные отношенія къ духовенству и въ то же вре-
мя отсутствіе какихъ-либо нормальныхъ штатовъ,
которые ограничивали бы число посвящаемыхъ
архіереями духовныхъ лицъ, привели къ образо-
ванію обширнаго класса т. н., „волочащихся по-
повъ“, бродячаго беззмѣстнаго духовенства, кото-
рое, бывъ разъ посвящено въ духовный санъ,
странствовало по русской землѣ, то отставляе-
мое своими прихожанами, то по собствѣн-
ной иниціативѣ ищущее болѣе питательныхъ
местъ¹⁷⁾... — Какъ видимъ, проникновеніе свѣт-
скаго элемента въ церковное управлениѣ, нѣко-
торыя „демократическія“ основы въ церковной,
славнымъ образомъ, городской и приходской
жизни, „выборное начало“ и т. п. широко рас-
пространились и довольно прочно утвердились
въ XV-XVII ст. и въ Великороссіи. Но послѣд-
ствія „выборнаго начала“ и „демократическихъ“

17) Op. cit., стр. 127-128.

отношений горожанъ и прихожанъ къ духовенству въ Великороссіи XV-XVII вв. (тяжелое, необезпеченное и совершенно зависимое положение священнослужителей, нерѣдко изгоняемыхъ безъ основательныхъ причинъ прихожанами, толпы „волочащихся поповъ, часто изголодавшихся, покинувшихъ семьи, бродящихъ на бойкихъ мѣстахъ, на „крестцахъ“ въ Москвѣ или странствующихъ невѣдомо куда по лицу земли русской) едва-ли покажутся кому-нибудь положительными и отрадными явленіями¹⁸⁾.

IV. ВЛІЯНІЕ ФЕОДАЛИЗМА НА ЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ УКРАИНСКИХЪ И БѢЛОРУССКИХЪ ЗЕМЕЛЬ ВЪ XV-XVII ВВ.

.Въ юго-западныхъ русскихъ епархіяхъ¹⁹⁾ въ XIV-XV ст. церковно-административный строй, въ силу иныхъ экономическихъ и политическихъ отношений, а отчасти также „подъ вліяніемъ непосредственного сосѣдства и ближайшаго знакомства съ епархиальнымъ строемъ Римско Католической Церкви, который всегда былъ проникнутъ клерикальнымъ принципомъ, сравнительно долго „не подвергался такому вторженію со сто-

18) Наконецъ, вторженіе свѣтскаго элемента въ церковные дѣла въ Великороссіи произвилось, также, въ формѣ опеки помѣщиковъ надъ сельскими церквами, находившимися въ ихъ имѣніяхъ. „Опека“ эта иногда вырождалась въ произволъ и даже въ угнетеніе сельского духовенства, причемъ съ течениемъ времени положеніе сельского духовенства все болѣе ухудшалось, вслѣдствіе все возраставшей власти и значенія помѣщиковъ (особенно во 2-ой пол. XVIII и 1-ой пол. XIX в.!) См. ниже примѣч. 51).

19) Op. cit., стр. 114, 115, 116 слл.

роны мірского элемента, какъ въ Московскомъ государстввѣ”¹⁹⁾). Когда же „особыя историческія обстоятельства, которыя переживала юго западная Русь, вызвали и здѣсь участіе мірского элемента въ управлениі духовными дѣлами”, главнымъ образомъ, въ формѣ братствъ, изъ которыхъ львовское получило даже „право обличать и отлучать отъ Церкви самихъ епископовъ”, — это чрезмѣрное усиленіе свѣтскаго вліянія на церковную жизнь встрѣтило энергичный отпоръ со стороны духовенства; причемъ менѣе устойчивые, мѣнѣе сильные элементы духовенства — чтобы освободить Церковь отъ разлагавшаго ее „общественного папизма” пошли въ унію съ Римско-Католическою Церковью (Брестская унія и затѣмъ единичные переходы въ унію — Кассіана Саковича, Мелетія Смотрицкаго и др.); наиболѣе же энергичные, стойкіе и талантливые архипастыри, въ особенностяхъ Петръ Могила и Варлаамъ Ясинскій, собственными силами повели успѣшную борьбу съ чрезмѣрными свѣтскими вліяніями — братствѣ и „патроновъ”, децентрализацией церковной власти, „выборнымъ началомъ” и прочими особенностями тогдашняго церковнаго быта, вызывавшими крайнее разстройство правильной церковной жизни. Когда воспитанники Киево Могилянской Академіи украинцы Стефанъ Яворскій, Єодосій Яновскій, Іоаннъ Прокоповичъ и другіе стали во главѣ всей Русской Церкви, возсоединившей почти всѣ и великорусскія, и украинскія, и бѣлорусскія земли,—они, продолжая въ этомъ отношеніи дѣятельность кіевскихъ митрополитовъ Іова Борецкаго, Петра Могилы, Варлаама Ясинскаго, повели борьбу съ „демократическими” основами, „выборнымъ началомъ” и т. п. явленіями во всей

Русской Церкви—и въ Великороссіи, и на Украинѣ, и въ Бѣлоруссіи.

Вторженіе свѣтскаго элемента въ управление церковными дѣлами на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи тѣсно связано съ развитіемъ въ нихъ феодализма, зачатки котораго относятся еще къ періоду до-татарскому, а наиболѣе полное развитіе—ко времени вхожденія украинскихъ и бѣлорусскихъ земель въ составъ Польско-Литовскаго государства (причёмъ замѣтное вліяніе феодализма на церковный строй и церковную жизнь въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ обнаруживается только въ литовско-польскій періодъ, главнымъ образомъ, уже въ XVI в.).—Со вступленіемъ Церкви въ феодальный строй—не только въ Польско-Литовскомъ государствѣ, но и почти во всей Западной Европѣ—при общей, широчайшей децентрализаціи государственной власти и характерномъ для феодализма смѣшаніи государственноправовыхъ и частноправовыхъ отношеній, епископы, настоятели монастырей и проч., получая въ управлениѣ и распоряженіе земли, принадлежащія епископскимъ каѳедрамъ, монастырямъ и т. п., вмѣстѣ съ населяющими эти земли людьми, приобрѣтали и довольно широко (иногда—даже очень широкія) права свѣтскаго характера. (а въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ, напр. въ Германіи, становились прямо настоящими монархами-вассалами императора); такимъ путемъ естественно устанавливалась своеобразная государственноправовая связь высшихъ духовныхъ лицъ и начальниковъ монастырей со свѣтской государственной властью. Съ другой стороны, на положеніе епископовъ, начальниковъ монастырей и пр. и вза-

имоотношения ихъ съ государственной властью существенное вліяніе имѣло то обстоятельство, что вся земля въ эпоху феодализма считалась находящеюся въ „верховной собственности“ (dominium-eminens) свѣтского главы государства (императора, короля) и раздавалась имъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми правительственными правами свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ. А такъ какъ при этомъ духовную должность не различали отъ тѣхъ свѣтскихъ регалій, которые съ нею связывались, то выходило, что монархъ епископскими, настоятельскими и т. п. духовными должностями распоряжался, какъ своею собственностью. Само собою разумѣется, что при такомъ замѣщеніи обычно менѣе всего обращалось вниманіе на нужды и интересы Церкви и религіи; гораздо большее значеніе имѣли заслуги кандидатовъ передъ государствомъ и особенно монархомъ, преданность ихъ монарху, личныя отношенія и связи, политическія соображенія и т. п.; притомъ въ широкихъ размѣрахъ практиковалась симонія. Болѣе того, при назначеніи епископовъ и настоятелей монастырей часто не обращалось вниманія на каноническую квалификацію назначаемыхъ; иногда назначались лица, которые безусловно не могли получить никакого посвященія. Нерѣдко назначаемые и не старались получить посвященія и иногда долгіе годы будучи свѣтскими людьми, пользовались доходами и правами епископовъ-„номинаторовъ“ или настоятелей монастырей. Иногда монархъ переуступалъ свое право замѣщенія той или иной епископіи или настоятельства другимъ свѣтскимъ лицамъ; иногда одну и ту же епископію или настоятельство предостав-

ляль двумъ лицамъ²⁰⁾. Такъ было въ разныхъ странахъ Западной Европы, не въ одномъ только Польско-Литовскомъ государствѣ²¹⁾; причемъ въ Польшѣ и Литвѣ короли дѣйствовали подобнымъ образомъ не только въ отношеніи православныхъ, но и въ отношеніи католическихъ духовныхъ должностей (такимъ образомъ, это вовсе не была политика угнетенія Православія, какъ иногда нѣкоторые думаютъ). Такое примѣненіе императоромъ и королями права замѣщенія духовныхъ должностей, конечно, вызывало рѣшительное сопротивленіе со стороны Церкви (до-

20) Ср.: Суворовъ. Ор. сіт., с. 893; Г. Маркевичъ. Выборное начало..., сс. 43-48.

21) Въ Московскомъ государствѣ и вообще въ Великороссіи не было феодализма въ полномъ смыслѣ этого слова; но нѣкоторыя явленія, аналогичныя западно-европейскому феодализму, возникли и въ Великороссіи, напр. отдача „государевыхъ“, а также церковныхъ и монастырскихъ угодій и имѣній въ „корылѣ“ Какъ мы уже отмѣчали, передача церковныхъ и монастырскихъ имѣній свѣтскимъ лицамъ, сопровождавшаяся затѣмъ поручениемъ этихъ лицамъ церковно-административныхъ функций привела къ сильному „обмирщению“ епархиального управления, вызвавшее сильное недовольство великорусского духовенства. Съ другой стороны, въ Великороссіи также утверждалось, хотя вытекавшее изъ иныхъ мотивовъ и причинъ, назначеніе митрополитовъ, епископовъ и даже патріарховъ свѣтской властью. Но, несмотря на нѣкоторое сходство этихъ порядковъ и отношеній на Западѣ и въ Великороссіи, все-таки это были явленія по существу различные, и въ Великороссіи они не вызвали такихъ безобразныхъ и уродливыхъ послѣдствій, какія имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ Запада. Значительные недостатки въ великорусской церковной жизни обнаруживались только въ изу, въ сельскомъ церковно-приходскомъ быту, вслѣдствіе крайняго развитія выборного начала при замѣщеніи сельскихъ священническихъ должностей и отчасти вслѣдствіе „опеки“ комѣзиковъ надъ сельскими церквами.

стачоно вспомнить упорную борьбу за инвести-
туру въ средніе вѣка въ Западной Европѣ).

Православная Церковь въ Польско-Литов-
скомъ государствѣ чувствовала особенно остро
и болѣзненно назначеніе королемъ Митрополи-
товъ, Епископовъ, архимандритовъ и иногда нѣ-
которыхъ протопоповъ и др. духовныхъ лицъ, т.
к. назначеніе это исходило отъ короля-иновѣрца.
Съ другой стороны, и сами польскіе короли и
великіе князья литовскіе при замѣщеніи право-
славныхъ духовныхъ должностей иногда стара-
лись подтвердить сдѣланное ими назначеніе рѣ-
шеніемъ собора православныхъ епископовъ, или,
что случалось чаще, сообразовали такія назначе-
нія съ желаніями наиболѣе вліятельныхъ пред-
ставителей православной аристократіи (нпр. кня-
зей Острожскихъ), или даже предоставляли пра-
вославнымъ (большую частью, духовенству сов-
мѣстно съ князьями, панами и шляхтой) самимъ
избирать себѣ Митрополита, Епископа, архиман-
дрита, иногда даже давали соответствующіе „при-
вилей“ постоянного характера, подтверждав-
шіеся обычно и слѣдующими королями (нпр.,
„привилей“ Кіево-печерскому монастырю 1522 г.)
но систематически нарушавшіеся и самыми
выдавшими привилеи и ихъ преемниками; такъ
что въ видѣ общаго правила установилась въ
XVI ст. произвольная и ничѣмъ неограниченная
раздача духовныхъ должностей — архіерейскихъ
каѳедръ, архимандрій, значительнѣйшихъ прото-
попій и проч. королями, какъ „подателями сто-
лицъ духовныхъ“, получившая неоднократно и
внѣшнее, формальное выраженіе въ заявленіяхъ
королей, нпр. въ отвѣтѣ Сигизмунда-Августа Ми-
трополиту Іонѣ Протасовичу въ 1568 г., Сигиз-

мунда III православному шляхетству въ 1594 г. и т. п. 22).

По аналогии съ королевскимъ правомъ „подаванья всѣхъ столицъ духовныхъ“, развилось такое же право „подаванья“ пановъ-землевладѣльцевъ, которые были въ своихъ владѣніяхъ какъ бы малыми „королями“. Это землевладѣльческое „право подаванья“ слилось съ „правомъ патроната“, развившимся—по мнѣнію проф. Н. С. Суворова—въ юго-западной Руси, какъ и право подаванья, „подъ вліяніемъ сосѣдства съ католическими церковными порядкомъ“ и приведшимъ въ концѣ концовъ къ тому, что землевладѣльцы—„фундаторы“ и „патроны“ церквей и монастырей стали распоряжаться замѣщеніемъ въ нихъ духовныхъ должностей и вообще хозяйствовать, устраяя иногда всякое архіерейское вмѣшательство 23). Къ концу XVI в. пользованіе этимъ „правомъ“ выродилось въ почти повсемѣстное самовластное и безконтрольное господство землевладѣльцевъ надъ церквами, находившимися въ ихъ владѣніяхъ, и духовенствомъ, состоявшимъ при этихъ церквяхъ; а такъ какъ громадное большинство православныхъ церквей на украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ въ XVI и первой пол. XVII в. находилась во владѣніяхъ пановъ и шляхты, то громадная часть православныхъ церквей и большинство духовенства были, можно сказать, „всецѣло въ зависимости отъ „ласки и неласки“ владѣльцевъ.

Совершенно особое положеніе въ Польско-Литовскомъ государствѣ, какъ и въ Западной

22) См. подробнѣе ниже: гл. V.

23) Суворовъ. Ор. cit., с. 129.

Европѣ въ эпоху феодализма, занимали города, получившіе „магдебургій“ и пользовавшіеся весь-
ма широкимъ самоуправлениемъ. Развитіе широ-
каго самоуправленія „городовъ на магдебургскомъ
правѣ“ сопровождалось съ другой стороны уве-
личеніемъ значенія городской мѣщанской общи-
ны во всѣхъ областяхъ общественной, а въ зна-
чительной степени и частной жизни въ городахъ; извѣстно нпр., какъ тщательно регулировались
городской общиной всѣ отрасли экономической
жизни. Этотъ ростъ городского самоуправленія
отразился и на положеніи Православной Церкви
въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ въ XVI-
XVII вв. Подобно тому, какъ въ городовъ, поль-
зовавшихся магдебургскимъ правомъ, громадное
вліяніе на церковныя дѣла въ частности наза-
мѣщеніе церковныхъ должностей, въ силу „пра-
ва поданья“ и „права патронатскаго“, пріобрѣли
король и землевладѣльцы, въ самоуправляющихъ
городахъ ссовершенно аналогичныя права при-
своили православные мѣщане. Общества право-
славныхъ мѣщанъ становились какъ бы коллек-
тивными „патронами“ городскихъ церквей и то-
же произвольно (хотя часто и съ лучшими намѣ-
реніями) распоряжались церковными должностя-
ми и самими церквами въ городахъ, особенно во
Львовѣ и въ Вильнѣ. Виленское мѣщанство нпр.
старалось устранить даже всякий контроль со
стороны высшей духовной власти надъ вилен-
скими церквами, которая оно считало своею соб-
ственностью; львовское мѣщанство старалось
установить свое вліяніе и на всю львовскую епар-
хію, на замѣщеніе львовской епископіи и т. д.
На этой почвѣ въ послѣдней четверти XVI в.
возникли въ городахъ организованныя брат-

ствъ, которые пріобрѣли весьма широкія права и вліянія въ Православной Церкви, особенно въ нач. XVII ст.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ феодаль-
ныхъ отношеній въ государственной жизни и
развитія городского самоуправленія на украин-
скихъ и бѣлорусскихъ земляхъ въ XVI ст. наблю-
даемъ широкое вторженіе въ церковныя дѣла
свѣтскаго элемента въ видѣ королевскаго „пода-
ванья столицъ духовныхъ“, широкаго распростра-
ненія „патроната“, въ частности „патроната“ част-
новладѣльческаго, и господства городскаго мѣ-
щанскаго православнаго общества надъ правос-
лавными церквами въ городахъ, вылившагося
затѣмъ въ организованное братствѣ. Но это втор-
женіе свѣтскихъ элементовъ въ церковную ад-
министрацію Кіевской Митрополіи XVI в. не при-
вело къ ея „демократизації“: въ тѣхъ слу чаяхъ,
когда захватывались свѣтскимъ элементомъ функци-
ціи церковнаго управлениія, замѣщенія духовныхъ
должностей и т. п., устанавливалась не „демо-
кратическая“ церковная организація, а господство
или широкое вліяніе—короля, пановъ, знатной
и богатой шляхты и мѣщанъ. Да при той соци-
альной организаціи, какая существовала въ Поль-
ско-Литовскомъ Государствѣ въ XVI в. и невоз-
можна была дѣйствительная „демократизація“
церковнаго строя Кіевской Митрополіи. Для большей
ясности мы разсмотримъ теперь нѣсколько
 подробнѣе каждую изъ этихъ трехъ формъ вмѣ-
шательства свѣтскаго элемента въ церковное
управлениѣ, постараемся точнѣе представить, во
что именно каждая изъ нихъ вылилась въ дѣй-
ствительности въ церковной жизни Кіевской Ми-
трополіи XVI, а отчасти и XVII ст.

V. КОРОЛЕВСКОЕ ПРАВО ПОДАВАНЬЯ.

Первые весьма значительные попытки вмѣшательства въ церковное управление и даже въ самое „устроеніе“ Православной Церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ со стороны монарха мы видимъ уже въ первой половинѣ XV в. Это вмѣшательство стоитъ въ тѣсной связи съ политическимъ переустройствомъ Литовско-Русского государства, совершающимся около того времени. Въ XIV ст. Литовско-Русское государство только начинало слагаться изъ отдѣльныхъ мало связанныхъ между собою литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ земель и до Витовта представляло собою не болѣе, какъ конфедерацию (союзъ) отдѣльныхъ княжествъ. Но Витовтъ совершилъ преобразованіе этой конфедерации въ единое Литовско-Русское государство (хотя съ другой стороны, отчасти самъ посодѣйствовалъ развитію въ немъ феодальныхъ начальъ).

Совершая это преобразованіе, стремясь къ созданію единаго и независимаго Литовско-Русского государства, Витовтъ—конечно въ цѣляхъ политическихъ — желая устранить всякия возможныя иностранныя вліянія, особенно вліянія Москвы, на православное населеніе созидающей имъ державы (составлявшее въ немъ громадное большинство), рѣшилъ отдѣлить Православную Церковь Литовско-Русского государства отъ Православной Церкви Великороссійской и Константинопольской и создать автокефальную Литовско-Русскую Православную Митрополію, особую и независимую и отъ Константинополя и отъ Москвы. Съ этой цѣлью онъ и наименовалъ особыго Митрополита для Литовско Русской Пра-

вославной Церкви болгарины Григорія Цамвлака²⁴⁾. Но въ виду полуфеодального характера Литовско-Русского государства, новизны самаго дѣла, въ виду того также, что самъ Витовтъ былъ не православнымъ, а католикомъ, актъ назначенія митрополита Григорія Цамвлака Витовтомъ сопровождался подтвержденіемъ его не только Епископами, игуменами и другими значительными православными духовными лицами, созванными для этой цѣли въ Новогрудкѣ Витовтомъ, но и „всѣхъ князей Литовскихъ и Русскихъ земель,... и бояръ, и вельможъ“. Однако образованіе особой Западно-Русской Митрополіи Витовту не удалось: послѣ кратковременного раздѣленія (1416—1419), со смертью Григорія Цамвлака, единство Русской Митрополіи возстановилось. Но литовскіе великие князья продолжали оказывать влияніе на высшее управление Православной Церкви въ своихъ земляхъ, и въ 1433 г. снова возвведенъ былъ въ митрополиты кіевскіе — для всей Руси, Западной и Восточной,— „номинатъ“ великаго князя литовскаго Герасимъ, впослѣдствіи сожженный своимъ же патрономъ, за подозрившимъ его въ измѣнѣ. Так. обр., уже въ первой половинѣ XV в. мы видимъ попытки великихъ князей литовскихъ взять въ свои руки распоряженіе „кіевскимъ“ митрополичьимъ пре-

24) Въ своей грамотѣ объ образованіи Литовско-Русской Митрополіи, отдалной отъ Великороссійской и независимой отъ Константинопольского Патріарха, Витовтъ подчеркивалъ, что эту Митрополію онъ учредилъ, „хотячи, чтобы Раша (т. е. православная) вѣра не меншала, ни угыбала, и церквамъ вашимъ бы строеніе было..., чтобы русская честь вся стояла на своей землѣ“ (Ак. З. Р., т. I, № 24); но вся эта мотивировка, конечно, лишь прикрываетъ политический цѣль.

столомъ.—Но въ сред. XV ст. мы встрѣчаемъ два случая замѣщенія кіевскаго митрополичьяго престола, независимо отъ великаго князя литовскаго (назначенія: митр. Исидора самостоительно Константинопольскимъ Патріархомъ и митр. Григорія Болгариновича въ періодъ существованія уніи, установленной Флорентійскимъ соборомъ, по указанію Ватикана).—Исторія Западно-Русской Церкви во второй половинѣ XV в. представляется вообще очень неясной. Одинъ изъ главыѣшихъ церковно-историческихъ документовъ этого періода—письмо митрополита Мисаила, будто бы посланное имъ папѣ Сиксту V въ 1476 г., признается подлиннымъ далеко не всѣми изслѣдователями: митрополитъ Макарій (Булгаковъ) и проф. С. Т. Голубевъ считаютъ это „письмо“ фальсификациатомъ нач. XVII в.²⁵⁾). Впрочемъ, имѣемъ свѣдѣнія, что напр. митрополитъ Іона Глезна (1488—1494) былъ возведенъ на кіевскій митрополичій престоль по соизволенію короля и западно русскихъ князей, митрополитъ Іосифъ Солтанъ—по волѣ короля Александра²⁶⁾.—Гораздо болѣе ясной и изученной является исторія Западно-Русской Церкви въ XVI в. Въ XVI ст. великие князья литовскіе, являющіеся въ то же время королями польскими, усвоивъ себѣ наименование „верховныхъ подателей столицъ духовныхъ“, распоряжаются свободно и кіевскимъ митрополичьимъ престоломъ и западно русскими православными епископскими каѳедрами, архимандріями и др.

25) Митрополитъ Макарій. Исторія русской церкви, т. IX, сс. 43—53; С. Т. Голубевъ. Кіевский митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I, гл. III.

26) Митр. Евгений. Описание Кіево-Софійского собора... (1825), с. 113.

православными духовными должностями. Такъ нпр. въ 1519 г. Сигизмундъ I, по желанію своей невѣстки княгини Елены Ioанновны (дочери Ioана III, вел. князя московскаго) возводить на кіевский митрополичій престолъ Іону ²⁷⁾. Равнымъ образомъ своею властью раздаетъ Сигизмундъ I и православныя епископіи и архимандри; въ томъ числѣ, свободно распоряжается онъ и богоугоднейшій архимандрией кіево-печерской, совершиенно игнорируя имъ же самимъ выданную привилегію (1522 г.), которою утверждалась въ кіево-печерскомъ монастырѣ община „водле обычая и закону греческаго“, устранилось вмѣшательство свѣтской власти въ управлениѣ монастыремъ и предоставлялось право старцамъ того монастыря вмѣстѣ съ князьями, панами и земянами земли Кіевской самимъ обрати себѣ архимандрита“. Такъ, уже въ 1524 г. (черезъ два года послѣ выдачи привилегіи!), *при жизни кіево-печерского архимандрита Игнатія, повидимому, любиваго и уважаемаго братію и князьями, панами и земянами земли Кіевской*, Сигизмундъ, выполния желаніе своей матери корыстолюбивой Боны, отдалъ кіево-печерскую архимандрию нѣкоему Антонію ²⁸⁾; но этотъ ставленникъ Боны Антоній не только въ томъ монастырѣ общину не держалъ, але еще и конца ее сказилъ; въ виду этого братія монастыря, поддержанная кн. Конст. Ив. Острожскимъ, добилась (въ 1525 г.) *изложенія Антонія и возстановленія Игнатія* ²⁹⁾; но, менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, Сигиз-

27) *Акты Зап. Россіи*, т. II, № 112.

28) *Ibid.*, т. II, № 126 и 185.

29) *Ibid.*, т. II, № 135.

мундъ снова отдалъ кіево-печерскую архимандрию тому же Антонію³⁰). Безцеремонность Сигизмунда I простиралась до того, что онъ переуступалъ свое право „подаванья“ кіево-печерского монастыря другимъ лицамъ; такъ нпр. онъ далъ князю Юрію Семеновичу Слуцкому „привилей“, гласившій, что „гды теперешняго архимандрита Геннадія въ животѣ не станетъ, тогда мати князь Юрій оный монастырь къ рукамъ своимъ взяти и дати его тому держати, кому воля его закону греческаго будетъ“³¹). Подобнымъ же образомъ поступалъ Сигизмундъ — часто подъ вліяніемъ своей матери Боны—и въ отношеніи епископскихъ каѳедръ. Иногда даже сама Бона давала „привилеи“ на православныя епископії. Сохранился нпр. привілей, данный Боною архимандриту Макарію на епископію турковскую и пинскую³²). Повидимому, Бона прямо-таки торговала епископіями и богатыми архимандриями.

При преемникахъ Сигизмунда I Сигизмундъ-Августъ, Стефанъ Баторіи, а также и въ первый періодъ правленія Сигизмунда III—самовластнаго королевскаго распоряженія кіевскимъ митрополичіямъ престоломъ не наблюдаемъ. Митрополиты стали избираться князьями, панами радою, шляхтою, епископами, архимандритами и т. д. (словомъ, высшимъ духовенствомъ и настоятелями значительнейшихъ монастырей совмѣстно съ аристократіей и шляхтой, но, конечно, не нар-

30) Акты Ю. и З. Россіи, т. I, № 82.

31) Акты, относящіеся къ исторії кіевской митрополії издаваемые редакціею „Кіевскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей“ с. 41 (за С. Т. Голубевымъ, оп. cit., т. I., с. 246).

32) Акты Ю. и З. Р., т. I, № 126.

домъ”³³), а затѣмъ уже утверждаться королемъ и получать „сакру“ отъ Константинопольского Патріарха. Эта норма получила утвержденіе со стороны сейма въ 1543 г. Впрочемъ, и послѣ этого встрѣчаемъ въ Западно-Русской Церкви нарушенія этой нормы, нпр. при жизни Митрополита Іоны Протасовича (1768—1577), по соглашенію самого Митрополита Іоны съ нѣкоторыми „радными панами“, утвержденному королемъ, былъ „наименованъ“ его преемникъ дворянинъ Илія Куча, который и получилъ соотвѣтствующій „листъ“, скрѣпленный королевскимъ „привиліемъ“ по преемство кіевскаго митрополичьяго престола по смерти Митрополита Іоны (Акты З. Р., т. III, № 65). Епископіями же и богатыми архимандріями Западно-Русской Православной Церкви преемники Сигизмунда I распоряжались, пожалуй, еще болѣе свободно и произвольно, чѣмъ самъ Сигизмундъ I. Несмотря на то, что они нѣсколько разъ подтверждали „привилегію“ 1522 г., представившую Кіево Печерскому монастырю автономію и право свободнаго избранія архимандриата (Ак. З. Р., т. III, № 110; Ак. Ю. и З. Р., т. II, № 147), эта привилегія ими систематически нарушалась, и на кіево-печерскую архимандрію ими назначались, вопреки волѣ „чернцовъ и обыва-

33) Болтовня Маркевича („Выборное начало“..., стр. 63, 64) объ „общинѣ, всенародномъ выборѣ“ Митрополитовъ въ „юго-западной Руси“ въ XVI в. является очевидно недѣйствіемъ и наглядно опровергается, между прочимъ, и приводимыми имъ же самими въ его книжкѣ (на тѣхъ же стр. 63, 64) выдержками „Палладионій“ изъ Захарія Колыстенского и изъ сеймового постановленія 1543 г., изъ которыхъ ясно видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Кіевскій Митрополітъ въ XVI в. не назначался королемъ, а избирался, участіе въ его избраніи, кроме духовныхъ лицъ, принимали князья, паны рада, шляхта, а не „весь народъ“.

телей земли Кіевской", люди недостойные и ко-
рыстолюбивые, которые — по выражению современника—, держачи тотъ монастырь, великия зни-
щенья и шкоды ему чинятъ, беручи платы и до-
ходы, дѣтей и кровныхъ тамъ запомогаютъ, за
чимъ вже тотъ монастырь за ихъ знищеньемъ
наконецъ зъубожалъ, и церковъ Божая опала" (А. З. Р., т. III, № 10). Подобнымъ образомъ по-
ступали короли и съ другими значительными ар-
химандрями, а также и съ епископскими кафед-
рами. Сигизмундъ-Августъ прямо заявлялъ Мит-
рополиту Іонѣ Протасовичу въ 1568 г., что „не
митрополитъ ани владыка маютъ вряды духовные
або достоинства отбирати и подавати", а „его ко-
ролевская милость... отдавати будетъ тѣмъ, под-
логъ воли своей господарской, кому ся будетъ годи-
ти" (А. З. Р., т. III, № 43). Придерживаясь тако-
го взгляда, короли нерѣдко раздавали богатые
монастыри и даже епископіи въ видѣ награды за
услуги, оказанныя Рѣчи Посполитой на государ-
ственной службѣ, нпр., въ судѣ на войнѣ (!);
такъ нпр., въ 1592 г. Сигизмундъ III далъ еписко-
пію полоцкую ротмистру Богдану Сеницкому въ
награду за военные подвиги ³⁴⁾). Такой „порядокъ"
раздачи духовныхъ должностей (и связанныхъ съ
ними доходовъ) привелъ къ тому, что богатые
монастыри и епископіи, вообще, стали разсмат-
риваться, какъ доходные статьи, какъ средства
скорой и вѣрной наживы. Епископій и богатыхъ
архимандрій домогались, прибѣгая часто къ са-
мымъ непозволительнымъ средствамъ, родови-
тые шляхтичи, исключительно занятые вопросами
о церковныхъ имѣніяхъ. Обыкновенно еще при

34) А. З. Р., т. IV, прим. къ № 64; срв. также: т. III №№ 20, 29, 47, 54.

жизни престарѣлаго епископа или архимандрита, такие знатные соискатели церковныхъ имуществъ начинали свои хлопоты, упрашивали короля, сенаторовъ, пускали въ ходъ свои родственныя и прочія связи, платили деньги и тѣми или иными путями добивались королевскихъ „привилеевъ“, дававшихъ имъ право на „преемство“ епископій или монастырей 35). Иногда купленное или иными не вполнѣ достойными способами пріобрѣтеннное епископство или архимандрія на „соответствующихъ“ условіяхъ переуступалась другимъ лицамъ 36). Бывали и случаи, что „привилей“ на архимандрію пріобрѣтался отъ короля при жизни архимандрита съ тѣмъ, чтобы немедленно отобрать ее въ свои руки, пустивъ въ ходъ тѣ или иные средства 37). Не разъ случалось, что архимандрія или епископія предоставлялась королевскими „привилеями“ сразу двумъ или нѣсколькимъ соискателямъ, что вызывало, конечно, между ними борьбу, переходившую иногда въ настоящую „феодальную“ войну. Особенно известна и скандальна была борьба, перешедшая въ „войну“, между шляхтичемъ Іоанномъ Борзобогатымъ Красенскимъ и холмскимъ епископомъ Феодосиемъ Лозовскимъ, получившими королевские „привилеи“ на ту же самую епископію владимірскую (владиміро-волынскую 38). Получивши въ свое вѣдѣніе и управление епархію или бо-

35) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. I, ч. 1, с. 111; см. еще: С. Т. Голубевъ. Op. cit., т. I, с. 245 сл.; X. Biskup E. Likowski. Op. cit., ss. 33, 34 сл.

36) X. Biskup E. Likowski. Op. cit., с. 34.

37) Срв. выше: о двукратномъ назначеніи Антонія (въ 1524 и 1526 г.) при жизни печерского архимандрита Игнатія.

38) Архивъ Ю.-З. Р., т. I, ч. 1, № 12.

гатый монастырь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искомые доходы, „нареченные епископы“ или „архимандриты“ нерѣдко цѣлые годы, иногда до самой смерти, не принимали посвященія. Напрасно старателънѣйшіе изъ Кіевскихъ Митрополитовъ, нпр. митрополитъ Іона Протасовичъ на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г., добивались сеймового постановленія, чтобы „достоинства духовныя людямъ свѣтскимъ не были даваемы, а кому бы свѣтско-му врядъ духовный дано, а онъ далѣе трехъ мѣсяцевъ стану и вряду духовнаго на себя принятии не хотѣль, у таковыхъ абы епископы въ своихъ епископіяхъ, а архіепископъ въ своей архіепископіи, оные достоинства и хлѣбы духовные отбирали и людямъ духовнымъ подавали“; этому воспротивился король, и изъ этихъ стараній ничего не вышло 39). Впрочемъ, и, принявъ посвященіе, именитые шляхтичи, ставшіе духовными лицами ради церковныхъ доходовъ, обычно не проникались религіозно-церковнымъ духомъ и нерѣдко продолжали жизнь знатныхъ магнатовъ, иногда—по обычаямъ магнатской и шляхетской среды тѣхъ временъ—совершали наезды во главѣ вооруженныхъ отрядовъ, съ пушками, на со-сѣднихъ владѣльцевъ свѣтскихъ или духовныхъ, вели какъ-бы „феодальные войны“ 40), а подчасъ и просто совершали грабежи на большой дорогѣ (что не считалось въ тѣ времена особенно предосудительнымъ среди магнатовъ, шляхтичей, рыцарей и, увы, также среди начальствующихъ духовныхъ лицъ 41). Нерѣдко короли раздавали

39) Ак. З. Р., т. III, № 43.

40) Арх. Ю.-З. Р., т. I, ч. № 4, 5, 12.

41) Ibid., т. I, ч. 1, № 6.—М. б., нeliшнимъ будетъ напомнить здесь еще разъ, что подобного рода явленія имѣли мѣсто

монастыри и церкви прямо свѣтскими людьми, съ правомъ суда надъ „попами, монахами, чернцами и всѣмъ станомъ духовнымъ“ чрезъ духовныхъ намѣстниковъ, которыхъ назначали сами „державцы“ монастырей и церквей и которые отъ нихъ всецѣло зависѣли⁴²⁾). Да и сами епископы, вышедши изъ шляхетской среды и получавши иногда за свое „добroe служеніe“ или по протекціи, или, наконецъ, за деньги одинъ монастырь за другимъ⁴³⁾, часто не имѣли возможности непосредственно управляться съ ними и отдавали монастыри или монастырскія церкви въ аренду свѣтскимъ лицамъ⁴⁴⁾. Попытки нѣкоторыхъ Митрополитовъ, напр. Іоны Протасовича, а впослѣдствіу и лучшихъ представителей православной шляхты⁴⁵⁾ пресѣчь или, по крайней мѣрѣ, ограничить подобныя извращенія королевскаго права

не въ одномъ лишь Польско-Литовскомъ государствѣ, но и широко распространены были въ Западной Европѣ въ эпоху господства тамъ феодализма. — Съ другой стороны, въ виду того, что у одного изъ уважаемыхъ сербскихъ польскихъ церковныхъ историковъ мы встрѣчаемъ попытки выставить подобные явленія, въ томъ числѣ и „войну“ между Иоанномъ Красенскимъ и Феодосиемъ Лазовскимъ, какъ специфические недостатки, свойственные Западно-Русской Православной Церкви, подчеркиваемъ, что все эти явленія менѣе всего свойственны Восточной Православной Церкви, занесены были они на наши украинскія и бѣлорусскія земли вмѣстѣ съ западнымъ феодализмомъ, и ответственность за нихъ менѣе всего падаетъ на Православіе вообще и Западно-Русскую Православную Церковь, лучшее доказательство чему даетъ Православная Церковь Великороссійская, почти совершенно свободная отъ вліяній западного феодализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ его прискорбныхъ отражений въ церковной жизни.

42) А. З. Р., т. III, № 28.

43) Ibid., т. III, № 94, 98.

44) Ibid., т. IV, № 152.

45) Ibid., т. IV, № 48.

„опеки“ и „подаванья“ встрѣчали рѣшительное сопротивлѣніе королей.

VI. ВЛАДѢЛЬЧЕСКІЙ ПАТРОНАТЪ.

Королевское право „подаванья столицъ духовныхъ“, хотя и имѣло большое значеніе въ церковной жизни украинскихъ и бѣлорусскихъ земель въ XVI ст., касалось все-таки главнымъ образомъ „верховъ“ Западно-Русской Церкви, право „патронатское“ простиравлось до „глубинъ“ церковной жизни, охватывало громадное большинство церквей въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ, затрагивало религіозно церковные интересы и религіозныя чувства самыхъ широкихъ слоевъ православнаго населенія. Основываясь на правѣ владѣльческаго патроната, паны и шляхтичи разсматривали всѣ находившіеся въ ихъ помѣстьяхъ церкви и монастыри, въ особенности церкви, какъ свою собственность. Слѣдствія такого положенія вещей бывали разныя — иногда очень благопріятныя, иногда весьма неблагопріятныя. Благочестивые князья и паны усердно заботились о поддержаніи и благолѣпіи находившихся въ ихъ имѣніяхъ храмовъ и монастырей, нерѣдко щедро надѣляли ихъ утварью и угодьчими; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми дѣлами находившихся въ ихъ помѣстьяхъ церквей они распоряжались, какъ безконтрольные хозяева: назначали по своему усмотрѣнію священниковъ и другихъ членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и даже безъ увѣдомленія мѣстнаго епископа смыкали „провинившихся“ или просто не угодившихъ имъ священниковъ и клириковъ, свободно и безконтрольно распоряжа-

лись церковной собственностью и т. п. Но еще хуже бывало, когда „патронами“ оказывались лица неблагочестивые, съ дурными наклонностями, а такихъ было среди тогдашней шляхты много и даже очень много. Съ другой стороны, очень много—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше—среди владѣльцевъ - „патроновъ“ православныхъ церквей и монастырей было иновѣрцевъ - католиковъ, кальвинистовъ, социніанъ. Ради „славы міра сего“, черезъ брачныя и родственныя связи, изъ моды, подъ вліяніемъ воспитанія, которое нерѣдко получалось въ иновѣрческихъ школахъ, подъ вліяніемъ западной цивилизаціи и разныхъ другихъ причинъ, украинскіе, бѣлорусскіе и литовскіе княжескіе, панскіе и шляхетскіе роды, бывшие ранѣе гордостью и оплотомъ Православной Церкви, отпадали отъ Православія и становились въ лучшемъ случаѣ индиферентными въ отношеніи всего православнаго, а въ томъ числѣ и православныхъ храмовъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ, въ худшемъ же случаѣ—врагами и даже гонителями Православія. Въ такихъ случаяхъ „патронатъ“ пановъ и шляхтичей превращался нерѣдко въ гнетъ и преслѣдованіе православныхъ священниковъ и мірянъ, находившихся въ ихъ помѣстьяхъ (особенно въ періодъ, когда разгорѣлись религіозныя страсти, въ нач. XVII ст. 46).

Печальную картину угнетенія православнаго духовенства въ Польско-Литовскомъ государ-

46) Срв.: Голубевъ. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила..., т. II, К. 1898, сс. 219-228, 507-590 — Разумѣется, впрочемъ, что и среди шляхтичей иновѣрцевъ иногда встречались люди, благожелательно или, по крайней мѣрѣ, лояльно относившіеся къ находившимся въ ихъ помѣстьяхъ православнымъ церквамъ и причту (См. напр.: Голубевъ, Ор. cit., Прил., № 73.

ствѣ въ XVI в. „патронами“ - панами и шляхтичами. въ томъ числѣ нерѣдко шляхтичами, „которы się Rusią być ozywają“, и возмутительного вмѣшательства ихъ въ религіозно-церковные дѣла изображаетъ авторъ Antirrisis“-а:

„Popy niebożeta za proste chłopy i gorzej obracano między grabarze i szewce, a snać pośledniewy wszystkich na uniwersałach kładziono, od osób swoich i od obeścia cerkiewnego pobory na nich stawiano, jakiey nieuczciwości ani żydowskie szkoły, ani meczety tatarskie nie cierpią.. Ukaźcie mi gdzie tak napisano o rabinach żydowskich y o szkolnikach, aby od szkoły płacili tak, jako naszy popowie od cerkwie. Azato kramarze nad kupią siedzą? Nuż jakie uszanowanie popów russkich od panów ich własnych, a zaś więcej, którzy się Rusią być ozywają, iż u niektórych podwodą jeździć, z pługiem na robotę do panów swoich chodzić muszą... Chcacie nad duchownymi swoimi nietylko w rzeczach świeckich panować, ale y w duchownych (do których nic nie macie) rządzić nimi y Kościółami Bożymi, chcacie nie tylko już wy, ale y żonki wasze cerkwiami sprawują... Tego chcacie aby co pop to chłop prosty był u was.. Z żydami ich porównaliście“⁴⁷⁾.

То же самое объ угнетениі православныхъ священниковъ панами и шляхтичами и о вмѣшательствѣ ихъ въ богослужебныя и т. п. религіозно-церковные дѣла говоритъ Леонъ Кревъ за въ „Obronie Jedności Cerkiewnej“ (1617):

47) Antirrisis abo Apologia przeciw Krzysztofowi Philaletovi który niedawno wydał książkі иміемъ староїтнєй Rusi. Wilno, 1600, s. 77-79, 139; (за кс. Еп. Э. Ликовскими: Unia Brzeska, W., 1907, с. 48-49).

•W naszych krajach szlachcic ka  dy, kt  ry ma popa, r  adzi nim, jako chce; podczas ka  ze mu na robot   y owszem niektórych taka niezbo  na smia  o  ,   e go skarze, kiedy w czym nie posłucha. W rzeczach za   do nabo  『stwa nale  aczych, siebie tylko s  ucha   ka  ze, a je  li bez niego co czyni, tym samym wagi nie ma to, co czyni“⁴⁸⁾.

Уже въ нач. XVI ст. право патроната—какъ видно изъ д  яній Виленского Собора 1509 г.—сплошь и рядомъ вырождалось въ произволъ пановъ и шляхтичей въ отношеніи „патронируемыхъ“ ими церквей, причта, церковнаго имущества. Такъ, напр., по винѣ нѣкоторыхъ „патроновъ“, церкви, находившіяся въ ихъ помѣстьяхъ, подолгу оставались совсѣмъ безъ священниковъ, а прихожане этихъ церквей, вслѣдствіе этого, оказывались лишенными богослуженія и Таинствъ; нерѣдко „патроны“ не только держали церкви въ небреженіи, но забирали для своихъ нуждъ церковное имущество и т. п.

Болѣе того, какъ видно изъ постановленій Виленского Собора 1509 г. (п. 11), паны иногда ставили (sic) священниковъ безъ епископскаго благословенія, не только безъ увѣдомленія епископа, но и вопреки волѣ епископа. Бывали, повидимому, даже такие случаи, что „патроны“ ставили „священниками“ лицъ, не получившихъ посвященія, и приказывали имъ совершасть „богослуженія“ и всѣ „требы“. Когда Петъ Могила, ставъ Митрополитомъ, началъ вводить

48) Leon Krewza. Obrona jedno  ci cerkiewnej abo dowody, ktorymi si   pokazuje, i   grecka Cerkiew z, laci  sk   ma by   zjednoczona. Wilno, 1617, str: 94; ks. Ep.   . Li- kowskimъ, op. cit., c. 49).

порядокъ въ церковную жизнь Кіевской Митрополіи и систематически провѣрять каноничность и правильность посвященія священнослужителей, — „священники“, не имѣвшіе законнаго (а иногда и никакого) посвященія, въ началѣ его служенія на митрополичьемъ престолѣ, не были рѣдкостью!

Впослѣдствіи, въ XVI ст. богатые паны и шляхтичи, особенно иновѣрцы, не желая сами вмѣшиваться въ дѣла находившихся въ ихъ помѣстяхъ православныхъ церквей, поручали ихъ своимъ урядникамъ, старостамъ и т. п. или сдавали ихъ въ аренду (не всегда православнымъ, а иногда, кажется, впрочемъ довольно рѣдко — даже евреямъ). Урядники, старосты, арендаторы обычно ходили въ церквяхъ еще безцеремоннѣе самихъ пановъ и шляхтичей: самовластно распоряжались церковнымъ имуществомъ, судили и изгоняли священниковъ, сажали ихъ въ тюрьмы, разводили браки, забирали церковные сборы и дѣходы въ свою пользу и проч.⁴⁹⁾. Хозяйничанье этихъ лицъ въ православныхъ церквяхъ, видимо, особенно возмущало православное населеніе, и о немъ долго сохранялась печальная память среди украинского крестьянства.

Противъ произвола „патроновъ“ ратовали уже отцы Віленскаго Собора 1509 г., созваннаго Митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ и засѣдав-

49) По указанію акад. проф. Н. П. Василенка („Очерки по истории Западной Руси и Украины“ К. 1916) известны, собственно только одинъ, достовѣрный случай аренды православной церкви евреемъ. Замѣчательно однако, что известная украинская „дума“ вспоминаетъ объ арендѣ евреями православныхъ церквей въ такой формѣ, какъ будто это было массовое явленіе.

шаго подъ его руководствомъ; но они, конечно, не оказались въ силахъ противостоять дальнѣйшему росту и извращенію владѣльческаго „патроната“. И послѣ этого неоднократно въ продолженіе XVI ст. митрополиты (въ особенности Сильвестръ Бѣлькевичъ и Іона Протасовичъ) добивались ограниченія патронатскаго произвола, обращаясь къ королю, къ сеймамъ, судамъ и т. д., вносили жалобы на „патроновъ“, грабившихъ и разорявшихъ церковныя имущества, и т. п.⁵⁰⁾, иногда даже получали отъ королей „привилеи“, утверждавшіе неприкосновенность церковныхъ имуществъ и правъ духовенства⁵¹⁾ и, конечно, нарушавшіеся и игнорировавшіеся и „патронами“ и самими королевскими чиновниками. Ослабить произволъ шляхты, сплошь и рядомъ, безобразно злоупотреблявшей владѣльческимъ патронатомъ не удавалось, и въ первой половинѣ XVII в. онъ достигъ еще большаго развитія. Лишь со времени Митрополита Петра Mogилы начинается сравнительно успѣшная борьба съ владѣльческимъ патронатомъ; но полное освобожденіе сельскаго духовенства церковно-приходской жизни въ селахъ принесла лишь реформа 1861 г.⁵²⁾.

50) Ак. З. Рос., т. III, №№ 22, 43, 46; Архивъ Ю.-З. Р., т. I, ч. 1, №№ 83, 85, 86, 88, 92.

51) Ак. З. Рос., т. II, № 199, т. IV, № 14.

52) Опека надъ сельскими церквами и сельскимъ духовенствомъ со стороны землевладѣльцевъ существовала и въ Великороссіи, гдѣ она, конечно, имѣла тоже и положительные и отрицательные стороны; но злоупотребленія этой „опекой“ въ Великороссіи не доходили до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ украинскихъ и белорусскихъ земляхъ въ XVI и особенно въ первой пол. XVII в. Полное раскрытощеніе сельского духовенства и сельской церковной жизни въ Великороссіи такъ же, какъ

VII. ОПЕКА ПРАВОСЛАВНАГО МЪЩАНСТВА НАДЪ ЦЕРКВАМИ ВЪ ГОРОДАХЪ.

Въ городахъ „опеку“ надъ православными церквами, какъ мы уже говорили, приняли на себя православные мѣщане, совершенно подобно тому, какъ въ частновладѣльческихъ помѣстяхъ „патронатъ“ надъ церквами присвоили себѣ владѣльцы. Совершенно такъ же, какъ и владѣльческій патронатъ, опека мѣщанъ надъ городскими церквами имѣла и благопрѣятныя и неблагопрѣятныя послѣдствія. Благочестивые мѣщане немало заботились о благолѣпіи церквей, иногда сооружали великолѣпные по тому времени храмы (нпр. львовскіе мѣщане — Успенскую церковь), выступали на защиту правъ Православной Церкви и т. д.; но, съ другой стороны, они, подобно патронамъ, зачастую слишкомъ безцеремонно обходились съ духовенствомъ, уклонялись въ своей церковной дѣятельности отъ всякаго контроля Митрополитовъ и епископовъ, не только приглашали, но и смѣщали членовъ причта и своимъ нетактичнымъ и грубымъ вмѣшательствомъ въ управлѣніе Церковью вносили не мало смуты и хаоса въ церковную жизнь.

Прежде всего и болѣе всего вмѣшательство мѣщанъ въ церковныя дѣла утвердилось, какъ кажется, въ городахъ сѣверной Бѣлоруссіи, где издавна довольно сильны были мѣщанско-демократическія основы (соціально-политическийстрой.

и на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи, наступило лишь тогда, когда положенъ былъ конецъ полу-феодальному господству помѣщиковъ великимъ актомъ 19 февраля 1861 г.

съверной Бѣлоруссіи приближался къ мѣщанско-демократическому или купеческо-демократическому строю съверной Великороссіи). Въ Вильнѣ уже въ XVI ст. установился порядокъ избрания священниковъ и прочихъ членовъ причта городскихъ церквей мѣщанами, а равно и надзоръ мѣщанъ за церковнымъ имуществомъ.

Митрополитъ Іосифъ Солтанъ, боровшійся противъ злоупотребленія владѣльческимъ патронатомъ, старался ограничить и права мѣщанъ въ церковныхъ дѣлахъ, въ частности право избрания и смѣщенія духовныхъ лицъ; но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ пойти на компромиссъ и установилъ слѣдующій порядокъ замѣщенія освобождающихся священно-служительскихъ и церковно служительскихъ должностей въ виленскихъ городскихъ церквахъ: „коли которого священника Богъ съ того свѣта заберетъ, або какъ мы въ которого отоймемъ церковь за его вину, дѣти наши мѣщане межъ себе найдутъ которого дьяка доброго или попа въ тотъ часъ и съ нимъ сами къ намъ придуть або его зъ листы своими пришлютъ, просячи причиняючися за нимъ, мы маємъ осмотрѣти и обрати зъ нашими духовными: если онъ буде годный къ той церкви Божіей, тогда ему тую церковь дадимъ; а будетъ ли тотъ негодный къ церкви Божіей и мы иншому дадимъ... а еслі дѣти наши мѣщане виленскіе у подобный часъ такого попа или дьяка межи себе не обищутъ и къ намъ за часъ не пришлютъ, а мы зъ нашими духовными водле церковное уставы обравши которого попа доброго къ той церкви годного ему церковь дадимъ, тотъ маєтъ тую церковь держати, кому перво дадимъ и до мѣщанъ маємъ листъ нашъ писати о немъ

къ приходу тое церкви; они мають его принять и послушны быти по нашему благословеню ⁵³⁾. Этимъ постановленіемъ Митрополитъ Іосифъ Солтанъ, хотя и признаваль, съ одной стороны, право виленскихъ мѣщанъ избирать членовъ причта, върнѣе, кандидатовъ въ члены причта, но, съ другой стороны, ограничивалъ его утвержденіемъ избранныхъ кандидатовъ духовными властями и даже предусматривалъ возможность назначенія священниковъ въ виленекія городскія церкви прямо духовною властью, помимо мѣщанъ.

Митрополитъ Макарій старался ограничить церковно-хозяйственные права виленскихъ мѣщанъ, въ частности право контроля мѣщанами церковно-хозяйственной дѣятельности причта, запрещалъ мѣщанамъ записывать и провѣрять церковные доходы и церковное имущество и т. п. ⁵⁴⁾.

Но эти попытки Митрополитовъ ограничить роль виленскихъ мѣщанъ въ распоряженіи церковными дѣлами не остановили дальнѣйшаго развитія мѣщанской опеки надъ церквами въ Вильнѣ и въ другихъ западно-русскихъ городахъ. И въ Вильнѣ, и во Львовѣ, и въ Луцкѣ, и въ Кіевѣ, и въ рядѣ др. городовъ въ XVI ст. прочно утвердился обычай избранія духовенства мѣщанами, а за епископами сохранялось лишь право посвященія избранныхъ кандидатовъ во священники или діаконы, если они еще не имѣли посвященія ⁵⁵⁾. При избраніи обыкновенно не

53) Арх. Сбор. Вил., 1869, VI, 4.

54) Маркевичъ. Ор. cit., с. 117.

55) Арх. Сбор. Вил., VI, 15, 19, 21, 33 и др.; Ак. З. Р., т. IV, 153; Лѣтоп. Львов. Бр. ЖМНП 1849, LXII.

обходилось безъ шума, ссоръ, а иногда и дрязгъ. Правда, такихъ отрицательныхъ явлений, какъ при постановліи священниковъ и др. членовъ причта „патронами“ въ ихъ помѣстяхъ, при мѣщанскихъ выборахъ духовенства не бывало, но все-таки случались иногда и не вполнѣ благовидное соискательство разныхъ кандидатовъ и нѣкоторые другіе нежелательные факты. Избирая священниковъ, мѣщане наблюдали лишь за тѣмъ, чтобы избираемый сколько-нибудь умѣль отправлять „справу священническую“ и пользовался среди нихъ доброй репутацией. Съ избраннымъ священникомъ или причетникомъ мѣщане нерѣдко заключали контрактъ, опредѣлявшій „ругу“, которую должны давать прихожане, и обязывавшій священника или причетника охотно, по первому требованію, исполнять требы, не вводить новыхъ поборовъ, сберегать „добро и скарбы церковные“, не быть „піяницею“, „лакомцою“, „звадливымъ“ ⁵⁶⁾. Выборъ священниковъ мѣщанами далеко не всегда бывалъ хорошъ и удаченъ. Уже приведенные сейчасъ условія, вставлявшіяся зачастую въ контракты мѣщанъ со священниками, свидѣтельствуютъ, что избиравшіеся мѣщанами священники часто не отвѣчали даже этимъ условіямъ. Образовательный и нравственный уровень священниковъ, избиравшихся прихожанами и поставлявшихся „патронами“, очень часто былъ весьма невысокій, о чёмъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ памятниковъ XVI-XVII в. ⁵⁷⁾. Священники не разбирались иногда

56) Арх. Сбор. Вид. VI, 21, 31. Срв.: Маркевичъ, оп. сіт., с. 119.

57) Каковъ былъ уровень священниковъ того времени, кромѣ многихъ униатскихъ писателей (См. цитаты изъ нихъ у кс. еп.

въ самыхъ важныхъ и основныхъ вопросахъ православнаго вѣроученія, Паденіе образовательнаго уровня среди духовенства, почти полное нѣвѣжество священниковъ это было, вѣроятно, самое печальное изъ слѣдствій развитія „выборнаго начала“ и вообще поставленія священниковъ свѣтскими людьми („патронами“, братствами, общинами и т. д.). Такъ было и на Украинѣ и Бѣлоруссіи въ XVI, XVII и даже и отчасти въ XVIII в. и въ Великороссіи въ ту же эпоху. Невѣжество священниковъ избираемыхъ свѣтскими людьми было одною изъ первыхъ и главныхъ побудительныхъ причинъ борьбы, предпринятой Митрополитами и епископами сначала на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи, а потомъ и въ Великороссіи противъ „выборнаго начала“ и вообще противъ избранія (или назначенія) духовныхъ лицъ свѣтскими людьми.

Но мѣщане не ограничивались избраніемъ священнослужителей. Подобно патронамъ, они— особенно въ болѣе позднюю эпоху — присвоили себѣ право суда и расправы съ не угодившими имъ священниками. Уніаты въ „Sniadaniu schismatycum“..., изданномъ въ 1630 г., укоряютъ православныхъ: „Вы духовныхъ и законниковъ держите въ своей власти, вы сами по своему усмотрѣнію ихъ выбираете... вы сами ихъ судите и тѣхъ, которые вамъ не нравятся, выгоняете. До тѣхъ поръ считаете своихъ духовныхъ хорошиими, пока они увидаются околовасть, льстятъ вамъ, исполняютъ ваши желанія; а, какъ только ктонибудь изъ нихъ... перестанетъ вамъ подслуживаться, тотъ долженъ самъ о себѣ заботиться“... Далѣе авторы „Sniadania“... напоминаютъ недавно передъ тѣмъ произшедшій случай, какъ ви-

ленскіе мѣщане, осудивши одного священника, „посвящали свои руки въ его пресвитерской бородѣ” (poswiecali ręki swoie w brodzie presbiter-skiey) и не много оставили въ ней волосъ”. Какъ замѣчаетъ проф. С. Т. Голубевъ, означенный отзывъ, несмотря на вѣроятное небольшое преувеличеніе, естественное въ полемикѣ, вѣрно характеризуетъ отношенія православныхъ виленцевъ къ своимъ духовнымъ лицамъ ⁵⁸.

Мѣщане далѣе все больше простирали руки на церковноѳ имущество и тщательно его охраняли.. даже отъ своихъ же священниковъ. Кассіанъ Саковичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1625 г. польскому переводу „Desiderotus”-а съ возмущеніемъ вспоминаетъ, какъ „какіе-нибудь хлопы-квасники или кабачники— выдаютъ попу ризы, сосуды, кресты, евангелія, и сами ихъ носятъ въ алтарь, касаясь такимъ образомъ своими мерзкими руками того, на что они едва и смотрѣть достойны... Удивительное дѣло, они довѣряютъ своимъ духовнымъ совѣсть, а сосуды, кресты, евангелія повѣрить не могутъ!”... ⁵⁹).

Э. Ликовскаго: „Unia Brzeska”, сс. 40-49), весьма выразительно говорить православный епископъ Гедеонъ Балабанъ въ своемъ обращеніи къ священникамъ перемышльской епархіи: „Не бываете на соборѣ, мира святаго для крещенія не поновите, беззаконные браки, кровесмѣшанія, сватства, кумства спущаете и благословляете, хватанные дѣвки вѣчаете, законные браки расторгаете; и вѣро беззаконства между послполитими людми вашими недѣльствомъ умножились. Такъ послполитые люди вѣровать и молиться Богу не умѣютъ, больше вождями и чародѣями пробаиваютъ себя, чѣмъ Богу служатъ”... (Ак. З. Р., т. IV, № 29).

58) С. Т. Голубевъ. Кіевскій Митрополитъ Пётръ Могила..., т. I, сс. 111-112.

59) Ibid., т. I, с. 122.

VIII. БРАТСТВА.

Особенно большое значение приобрѣтаєтъ православное мѣщанство въ жизни Западно Русской Церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Массовый переходъ старинныхъ знатныхъ родовъ, а затѣмъ и рядовой шляхты въ римо-католичество („латинство“), социніанство („аріанство“), кальвинизмъ сильно ослабилъ Православную Церковь въ Польско-Литовскомъ государствѣ, а съ другой стороны побудилъ православное мѣщанство взять на себя ту роль главнаго покровителя и защитника Православія, которая до этого времени принадлежала князьямъ, панамъ и шляхтѣ. Православное мѣщанство организуется въ это время въ братства, приобрѣтающія громадное вліяніе на дѣла Зап.-Русской Церкви. Мы не будемъ здѣсь касаться спорного и сложнаго вопроса о происхожденіи братствъ. Для нашего обзора развитія участія свѣтскихъ элементовъ въ церковномъ управлениі въ Киевской Митрополіи не имѣетъ существенного значенія вопросъ, возникли ли зап.-русскія церковныя братства въ подражаніе западно-католическимъ, какъ решительно утверждаютъ некоторые видные ученые, напр., кс. епископъ Эдуардъ Ликовскій, прсф. Н. С. Суворовъ и др.⁶⁰⁾, или же

60) „Исторические корни юго-западныхъ православныхъ братствъ,—говорить, напр., проф. Суворовъ (Op. cit., с. 116—117),—должны быть отыскиваемы на Западѣ. До XV вѣка никакихъ признаковъ существованія православныхъ братствъ въ юго-западной Руси не видно. А между тѣмъ известно, что Католическая Церковь, исключавшая мирянъ отъ участія въ правительстве церковномъ, благопріятствовала образованію религіозно-благотворительныхъ союзовъ подъ названіемъ братствъ (fraternitates). Такъ и въ соседней съ юго-западной Русью Польшѣ гораздо

представляли себюоо дальнийшее развитіе старорусскихъ братчинъ", какъ думалъ С. М. Соловьевъ⁶¹), или старо-славянскихъ родовыхъ братствъ, какъ предполагала А. Я. Ефименко, и т. д.⁶²). Во

раньше, чѣмъ выступили юго-западныи православныи братства, существовали церковныи религіозно-благотворительныи братства, члены которыхъ въ установление дни собирались въ своемъ храмѣ на богослуженіе, совершающее своимъ священникомъ, участвовали въ общемъ пѣніи, а въ случаѣ смерти одного изъ членовъ являлись со свѣчами, также участвуя въ общемъ пѣніи. Братчики дѣлали приношенія въ церковь по ихъ желанію и силамъ".—Срв., X. Biskup Edward Lekowski. Unia Brzeska, с. 56.—Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что первыи несомнѣнныи и ясныи извѣстія о братствахъ въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ относятся къ срединѣ XV ст., т. е. ко времени уніи Зап.-Русской Православной Церкви съ Католическою, установленной Флорентійскимъ Соборомъ и продержавшейся, какъ известно, нѣкоторое (недолгое) время въ XV ст. въ украинскихъ и бѣлорусскихъ земляхъ (время пребыванія на Кіевскомъ митрополичьемъ престолѣ Григорія Болгаріоновича, а и. б. и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ). Вообще XV вѣкъ является временемъ проникновенія сильнаго западнаго вліянія на Украину и въ Бѣлоруссію во всѣхъ сферахъ общественной и культурной жизни (Срв. наши статьи: „Юрій Дрогобич, український учений XV ст. та західна культура на Українії въ тім часі“—„Н. Зоря“, 1929, ч. 91, и „Литовсько-Руський Статут“—Ibid., ч. 97).

61) С. М. Соловьевъ. Братчины. „Рус. Бес.“, 1856, VI.

62) Вопросу о братствахъ посвященъ цѣлый рядъ специальныхъ работъ, въ томъ числѣ старая, но и до сихъ поръ еще вѣтровавшая значенія работа свящ. І. Флерова „О православныхъ братствахъ въ юго-западной Россіи“, Пб., 1857; затѣмъ М. О. Кошловича: „Чтениа о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ“ („День“, 1862, № 36 сл.), С. М. Соловьева. „Братчины“ („Рус. Бес.“, 1856, IV), Н. Скабаллановича: „Виленское православное братство“ („Христ. Чт.“, 1872, II), его же: „Западно-европейскія гильдии и западно-русскія церковныи братства“ (Ibid., 1875, IX, X); изъ позднѣйшихъ работъ — К. Харlamповича: „Къ исторіи западно-русского просвѣщенія. Виленская братская школа“... Вильно, 1897; его же: „Западно-русскія церковныи братства и ихъ просвѣтительная дѣятельность...“ Пб., 1899; А. Я. Ефименко: „Южно-русскія братства“ („Слово“

всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что сколько-нибудь замѣтную роль въ Зап.-Русской Православной Церкви братства начинаютъ играть лишь въ послѣдней четверти XVI в. — Въ ряды братчиковъ въ это время вступаютъ не только мѣщане, но и шляхтичи. Братства зачастую организуются при монастыряхъ, и въ составъ ихъ входитъ въ такихъ случаяхъ и монашествующая братія. Всобще же, во всѣхъ братствахъ принимаютъ участіе и духовныя лица, составляющія сднако меньшинство — иногда довольно значительное (нпр., въ Виленскомъ братствѣ, особенно во 2 й четверти XVII ст.), иногда совсѣмъ незначительное (какъ нпр., въ братствѣ Львовскомъ). Впрочемъ, даже и въ тѣхъ братствахъ, гдѣ духовенство играло сравнительно значительную роль, господствовали все-таки мѣщане, которые позволяли себѣ иногда обращеніе совершенно недопустимое въ отношеніи священнослужителей, состоявшихъ въ братствѣ и зависимыхъ отъ него (какъ свидѣтельствуютъ обѣ этомъ, нпр., „*Sniadania schizmatykom brackim*“; срв. цитированный нами

во“, 1830, X, XI, XII, и въ сборн. ея статей „Южная Русь“, Пб. 1905; сочиненіе довольно слабое. незаслуженно расхваленное некоторыми рецензентами и исторіографами); А. Папкова „Братства. Очеркъ исторіи зап.-русскихъ братствъ“. М. 1900 (содержащая немало матеріала, заслуживающаго вниманія, но не-свободна отъ тенденциозности); его же: „Древне-русскій приходъ“ („Богослов. Вѣстникъ“, 1897, II, III, IV; срв. рец. прот. О. Титова, выясняющую недостатки этой и др. работъ Папкова по исторіи прихода и братствъ, въ „Критико-бібліографич. обзорѣ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской Церкви“, вып III, Б. 1904, сс. 34—52; А. С. Крыловскаго: „Львовское ставропигіальное братство“, Кіевъ, 1904; Каманина—по исторіи Кіевскаго братства, историковъ галичанъ Зубрицкаго, Петрушевича, Шараневича и др. по исторіи Львовскаго братства и т. д.

въ предыдущей главѣ отрывокъ изъ „Sniadania“...). Въобще, хотя братства въ концѣ XVI и первой пол. XVII в. составлялись изъ лицъ разнаго званія и состоянія, но сильно преобладающимъ (въ численномъ отношеніи) и господствующимъ элементомъ въ нихъ были мѣщане (Особо слѣдуетъ упомянуть объ участіи въ Кіевскомъ братствѣ казаковъ, вписанныхъ въ члены братства гетманомъ Сагайдачнымъ; это, собственно, не были настоящіе, полноправные братчики, хотя вліяніе на дѣла Кіевскаго братства и даже на дѣла всей Зап.-Русской Церкви они имѣли иногда весьма значительное).

Дѣятельность православныхъ церковныхъ братствъ становится особенно замѣтною въ 1570-хъ годахъ. Наиболѣе значительную роль въ то время играетъ братство Львовское. Собственно въ 1570-хъ годахъ оно занимается еще главнымъ образомъ мѣстными церковными дѣлами (постройкой новой большої братской церкви, вмѣсто старой сгорѣвшей, и т. п.) и дѣлаетъ первыя, еще слабыя начинанія въ области культурной (помощь Іоанну Федорову въ устройствѣ типографіи во Львовѣ и т. д.); но уже въ срединѣ 1580-ыхъ годовъ Львовское братство расширяетъ кругъ своей дѣятельности, приступаетъ къ организаціи школы, типографіи, братскаго дома, пріюта для убогихъ и жалѣкъ и т. д.; преобразовываетъ характеръ братскихъ собраній и весь характеръ жизни братства; устанавливаетъ взаимный надзоръ за добродѣлочною жизнью братчиковъ; вводить совмѣстное чтеніе братчиками душеполезныхъ книгъ и бесѣды на религіозныя и церковныя темы; устанавливаетъ обязанность братчиковъ содѣйствовать благу Церкви и

духовному просвѣщенію во всей Зап.-Русской Церкви и т. д. Пользуясь пребываніемъ Аントіохійскаго патріарха Іоакима во Львовѣ въ 1585—6 г., львовскіе братчики получили отъ него утверждение новаго устава Львовскаго братства, изъятіе братства изъ-подъ власти и контроля львовскаго епархіального архіерея съ подчиненіемъ братства непосредственно Константинопольскому Патріарху (старопигію), право наблюденія за духовенствомъ и даже Епископомъ во львовской епархіи, даже право обличенія и отлученія Епископа, верховенство надъ прочими братствами и т. д. Въ 1589 г. эти права Львовскаго братства были подтверждены Константинопольскимъ Патріархомъ Іереміей II. Само собою разумѣется, что предоставление Львовскому братству такихъ необычайно широкихъ правъ сдѣлало его весьма влиятельнымъ членомъ устройства Западно Русской Церкви и могущественнымъ факторомъ во всѣхъ областяхъ церковной жизни Украины и Бѣлоруссіи.

Организація Львовскаго братства послужила образцомъ для другихъ братствъ; по его примѣру, преобразовываются ранѣе существовавшія православныя братства и возникаютъ насыя въ другихъ городахъ. Непосредственно вслѣдъ за Львовскимъ, создаются братства въ Рогатинѣ, Городкѣ и т. д., даже въ такихъ маленькихъ городахъ, какъ Гологоры, Сатановъ и проч. Организуются (или реорганизуются) братства и въ наиболѣе крупныхъ православныхъ центрахъ — Вильнѣ (Свято-Троицкое Братство, получающее въ 1589 г. старопигіальные права стъ Патріарха Іереміи II), Луцкѣ, Могилевѣ, Переяславѣ, Брестѣ, Пинскѣ, Минскѣ, Бѣльскѣ и т. д.; сравнительно позже организуется братство Кіевское,

пріобрѣтающее однако въ 1620—1630-ыхъ годахъ большое значеніе и благодаря своему положенію въ митрополичьей столицѣ, имѣющей къ тому же громадное религіозное, историческое и политическое значеніе, и благодаря связи съ казачествомъ, и наконецъ, благодаря Кіево-Братской школѣ, преобразованной Петромъ Могилою въ высшее учебное заведеніе.

Многогранная дѣятельность православныхъ братствъ была очень полезна, въ особенности въ области духовнаго просвѣщенія, устройства школъ, развитія науки, главнымъ образомъ богословской, и проповѣдничества, книгопечатанія и т. п., а равно и въ области благотворенія, церковнаго строительства (Львовская Успенская церковь) и т. п.; хотя и въ этихъ областяхъ заслуги братствъ часто сильно преувеличиваются: вѣдь братства, несмотря на довольно значительные старанія, не сумѣли или не смогли устроить ни одного высшаго православнаго учебнаго заведенія; а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли, конечно, положить основы подлинному и широкому развитію науки; задачу эту выполнили не братства, а энергичнѣйшій и замѣчательнѣйшій изъ зап.-русскихъ іерарховъ XVII в. Петръ Могила; равнымъ образомъ, и въ области церковнаго строительства тѣмъ же Петромъ Могилою сдѣлано было несравненно больше, чѣмъ братствами; наконецъ. въ важнѣйшей области религіозно церковной жизни, въ возрожденіи монашества и вообще высшихъ религіозно - нравственныхъ идеаловъ православнаго населенія Украины и Бѣлоруссіи, сильно упавшихъ въ XVI ст., братства, если сыграли какую-нибудь роль, то весьма незначительную; религіозно-нравственное оздоровленіе

и возрождение на Украинѣ въ концѣ XVI и нач. XVII вѣка наступило несомнѣнно не благодаря дѣятельности братствъ, а благодаря возвышеннымъ подвигамъ и великому примѣру Преп. Іова Почаевскаго и произведеннымъ имъ реформамъ въ рядѣ украинскихъ монастырей—въ томъ числѣ, при содѣйствіи игум. Елисея Плетенецкаго—и въ монастырѣ Киево-Печерскомъ.

Итакъ, повторяемъ, дѣятельность православныхъ братствъ въ области духовнаго просвѣщенія, церковнаго строительства, благотворенія и т. п. была велика и полезна, но не исключительна и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже уступала по своей широтѣ и значенію дѣятельности отдѣльныхъ замѣчательнѣйшихъ представителей Западно Русской Православной Церкви.

Безусловно полезною для интересовъ Православной Церкви была также дѣятельность братствъ въ защиту правъ Зап.-Русской Православной Церкви въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ частности материальная поддержка этой защиты братчинами. Такого рода поддержку и участіе братствъ въ церковныхъ дѣлахъ считали вполнѣ цѣлесообразными и желательными всѣ зап.-русскіе іерархи, въ томъ числѣ и Митрополитъ Петръ Могила, побуждавшій, напр., братства посыпать депутатовъ на сеймы для защиты правъ Православной Церкви и обращавшійся къ нимъ за материальной помощью для того же дѣла защиты интересовъ Православной Церкви на сеймахъ 63).

63) Срв. напр. письмо Митрополита Петра Могилы къ Могилевскому братству отъ 4 ноября 1634 г. (Археограф. сборн. сѣв.-зап. Руси, т. II, № 38), см. еще указаніе на сношенія Мит-

Но братства не ограничились этою вспомогательною ролью и сдѣлались, какъ мы уже отмѣчали, весьма важнымъ и могущественнымъ факторомъ церковнаго управления. Въ отношеніи городскихъ церквей и нѣкоторыхъ монастырей братства усвоили ту роль, какая ранѣе принадлежала неорганизованному мѣщанству. Въ подвѣдомственныхъ имъ церквяхъ и монастыряхъ братства назначали и смѣщали священнослужителей, „обличали” ихъ, судили, подвергали тѣмъ или инымъ наказаніямъ и т. п., притомъ безъ всякихъ сношеній съ мѣстнымъ Епископомъ; всецѣло вѣдали церковнымъ имуществомъ и т. д.⁶⁴⁾. Но сверхъ того, братства, особенно Львовское и Виленское, имѣли довѣрьши широкія права въ спархіальному, а отчасти и въ общещерковномъ управлениі. Братства иногда принимали нѣкоторое, хотя и не прямое, но близкое участіе въ замѣщеніи епископскихъ каѳедръ. Такъ, напр., Львовское братство сыграло рѣшающую роль при выборѣ преемника Гедеона Балабана, рѣшительно противодѣйствуя назначенію Исаи Балабана и поддерживая Евстафія Тиссаровскаго, который и былъ назначенъ королемъ. Братства высыпали иногда, по предложенію или требованію Митрополита или короля, своихъ представителей на нѣкоторые Помѣстные Соборы и съѣзды. Участіе представителей Львовскаго, а потомъ и др. братствъ сдѣгалось сравнительно частымъ особенно благодаря Митрополиту Михаилу Рагополиту П. Могилы съ Львовскимъ братствомъ по этому же вопросу—у Голубева, оп. сіт., т. II, с. 100.

64) Срв. Прот. Ф. Титовъ, оп. сіт., т. II, 1-ая полов. тома, с. 416; срв. свидѣтельства К. Саковича, М. Смотрицкаго, „Sniedania” и проч.

зъ (1589—1595), который одно время старался оиirяться въ своей дѣятельности на поддержку братствъ (см. подробнѣе въ слѣд. плавѣ). Львовское братство на основаніи данной ему патріархами грамоты, какъ мы уже упоминали, должно было наблюдать за Епископомъ и прочимъ духовенствомъ, въ случаѣ незаконныхъ или неблаговидныхъ поступковъ священниковъ и проч. священнослужителей и происходящихъ по ихъ винѣ непорядковъ въ Церкви, должно было „обличать“ ихъ и сообщать списку, въ случаѣ же, если братство усматривало въ чёмъ-либо вину самого Епископа, оно имѣло право „обличать“ и его, а о его дѣйствіяхъ должно было доносить Патріарху; болѣе того, братство получило даже право отлучать духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Епископа. Подобныя же права, хотя и нѣсколько уже (безъ верховенства надъ Епископомъ), отчасти получили отъ Патріарховъ, отчасти присвоили себѣ и нѣкоторыя другія братства, особенно братство Виленское, имѣвшее ставропигію съ 1589 г.—Даже съ чисто-юридической точки зрењія, такія права братствъ представляются прямо-таки несообразностью. На основаніи ставропигіальныхъ грамотъ, львовское и виленское братства исключались изъ общей системы церковнаго управлениѧ; связь ихъ съ мѣстною церковною властью, Митрополитомъ и Епископами, въ силу ставропигіальныхъ правъ братствъ, разрывалась. Между тѣмъ, тѣ же ставропигіальные грамоты, которыя исключали ставропигіальные братства изъ общей системы церковнаго управлениѧ, давали имъ совершенно исключительныя права—наблюденія и контроля, обличенія и отлученія—въ отношеніи духовенства и даже (львов-

скому братству) въ отношеніи Епископа. Братства сами изымались изъ-подъ власти духовенства и даже Митрополита, а съ другой стороны получали власть (и притомъ весьма значительную) надъ духовенствомъ. — Въ жизни Зап.-Русской Православной Церкви такое аномальное положеніе привело къ весьма неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Братства, состоявшія въ громадномъ большинствѣ изъ мѣщанъ, часто, можетъ быть, проникнутыхъ весьма благими намѣреніями, но лишенныхъ не только духа церковности и минимальныхъ богословскихъ и церковно-юридическихъ понятій, а и необходимаго образованія, культурности и вѣжливости, пользовались сплошь и рядомъ своимъ исключительнымъ положеніемъ и своими правами неумѣренно, грубо и незаконно. Извѣстны, напр., случаи столкновенія Львовского братства даже съ Митрополитомъ Петромъ Могилой, происходившимъ изъ семьи, много благодѣтельствовавшей Львовскому братству⁶⁵⁾ и какъ-будто пользовавшимся наибольшею изъ Митрополитовъ симпатіею братства, и случаи грубо невѣжливаго отношенія львовскихъ братчиковъ къ тому же Митрополиту Петру Могилѣ^{66).} Гораздо болѣе независимо и дерзко держали себя нѣкоторыя братства въ отношеніи Митрополитовъ-предшественниковъ Петра Могилы, напр., въ отношеніи Іова Борецкаго. Такъ,

65) Какъ извѣстно, до сихъ поръ Успенская церковь Львовского Ставропигіяльного братства (теперь уже греко католическая) называется „Волошской“, въ память о „волошскихъ“ господаряхъ Могилахъ, много жертвовавшихъ Львовскому братству на построеніе этой церкви и на другія цѣли.

66) Срв. Голубевъ. Ор. сіт., т. I, с. 114—115, прим. 48; т. II, со. 503—506; объ отношеніи Митрополита Петра Могилы къ братствамъ пѣсколько подробнѣе скажемъ ниже въ главѣ о дѣятельности и реформахъ Петра Могилы.

вскорѣ послѣ вступленія Іова Борецкаго на митрополичій престолъ, весьма непріятныя недоразумѣнія возникли между нимъ и Львовскимъ братствомъ по поводу завѣщанія гетмана Сагайдачнаго, который—по совѣту Митрополита Іова—завѣщалъ Львовскому братству капиталъ въ полторы тысячи золотыхъ, проценты съ коего должны были употребляться „на школу Братства, на науку и на цвиченеѧ Бакаларовъ ученыхъ“. Слѣдя за исполненiemъ воли завѣщателя и заботясь о распространеніи духовнаго просвѣщенія, Митрополитъ Іовъ, какъ душеприказчикъ гетмана Сагайдачнаго, настаивалъ, чтобы деньги эти употреблялись на цѣли, указанныя завѣщаніемъ. Но это сильно не понравилось Львовскимъ братчікамъ, занятымъ въ то время почти исключительно постройкой Успенской церкви; и, вмѣсто благодарности, братчики выразили Митрополиту неудовольствіе, счѣвидно въ рѣзкой и не-пристойной формѣ, т. ч. Митрополитъ Іовъ даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того вспоминалъ объ этомъ инцидентѣ. Но, если братчики, даже въ подобныхъ дѣлахъ, недовольны были и рѣзко выражали свое неудовольствіе въ отношеніи Митрополита, то понятно, какъ они должны были относиться къ высшей духовной власти при иныхъ столкновеніяхъ⁶⁷⁾. Еще печальнѣе представлялись взаимоотношенія между братствами, въ особенности Львовскимъ братствомъ, и мѣстными Епископами; особенно прискорбную страницу представляютъ частыя и крайне непріязненные столкновенія Львовскаго братства съ Епископами изъ фамиліи Балабановъ, долгое время пре-

67) Ibid., т. I, с. 113—114.

е яствено занимавшихъ львовскую епископскую кафедру. Борьба Львовскаго братства съ этими Епископами, особенно съ Епископомъ Гедеономъ, происходившая какъ разъ наканунѣ Брестской унії и въ значительной степени ей содѣйствавшая⁶⁸⁾, достаточно всѣмъ извѣстна.

Права, предоставленныя братствемъ Константинопольскими Патріархами въ концѣ XVI ст., даже проф. М. С. Грушевскій (оцѣнивающій церковныя события не съ точки зрењія церковной, а политической и национально-культурной) признаетъ „занадто великими“: права эти, по выраженію Грушевскаго, „перевертали всі порядки церковні, і були дані брацтву непострібно і необережно“.

Оцѣнивающій тѣ же события съ совершенно противоположной точки зрењія—польско-католической, кс. Епископъ Эдуардъ Ликовскій приходитъ однако почти къ тому же самому выводу. Упомянувъ о положительной и полезной дѣятельности братства—просвѣтительной, культурной и гуманитарной, кс. Еп. Э. Ликовскій считаетъ, что „къ сожалѣнію, однако плоды этой ревностной дѣятельности и жертвенности братства не принесли добра Церкви... Братства, составленныя изъ свѣтскихъ людей, частью простыхъ и безъ образованія, прѣобрѣтали все больше значенія и могущества и, не ограничиваясь братскими дѣлами, содѣйствіемъ вознесенію восхваленія Бога, украшенію церквей и богослуженія, содержаніемъ школъ и благотворительными дѣлами, начали вмѣшиватьсь въ управлениe Церковью, вмѣши-

68) Срв. предисловіе Ор. Левицкаго къ VI тому 1-ой части „Архива Ю.-З. Р.“.

ваться въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовенства, а не ихъ. Изъ этого родились вскорѣ раздоры, ссоры, конфликты съ пастырями и даже съ Епископами, ссоры одного братства съ другимъ, братчиковъ между собой, такъ что то, что одною рукою они создавали, другою портили и разрушали и вмѣсто того, чтобы служить общему дѣлу Церкви, больше заботились о своемъ значеніи, привилегіяхъ, правахъ и удовлетвореніи своихъ амбицій... Пока братства будили религіозный духъ и своею ревностью въ этомъ направлениі побуждали и высшее и нисшее духовенство выйти изъ его пассивности.., они превосходно выполняли свою задачу, приносили безсмертныя заслуги для Церкви и, дѣйствительно, могли содѣйствовать внутреннему возрожденію Западно Русской (ruskiej) Церкви. Съ тѣхъ же поръ, какъ патріархи поручили имъ „денунціаторскую“ роль въ Церкви и поставили ихъ не только выше духовенства, но и выше Епископовъ и исключили ихъ изъ юрисдикціи Епископовъ, — они (Патріархи) искривили ихъ дѣятельность; и съ тѣхъ поръ братства перестали быть положительнымъ и возрождающимъ Церковь элементомъ; своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ и дѣятельностью они только увеличивали и такъ уже немалое замѣшательство въ Церкви“ 69).

Въ общемъ, приблизительно такую же характеристику братствъ и ихъ дѣятельности находимъ и у С.М. Соловьевъ 70) и и цѣлаго ряда дру-

69) X. Biskup Edward Likowski. Unia Brzeska, c. 57—58.

70) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. Стереотип. изд. т-ва „Обществ. Польза“, т. X, с. 18.

гихъ русскихъ историковъ церковныхъ и свѣтскихъ.

Подобную же оцѣчку дѣятельности братствъ даетъ и пок. С. Т. Голубевъ, профессоръ Киевской Духовной Академіи, крупнѣйшій и серьеcнѣйшій изъ изслѣдователей зап.-русской (украинско-бѣлорусской) церковной истории XVII в.: „Безъ сомнѣнія, братства оказали Православію въ разматриваемое время неоцѣненные услуги, но безспорно также, что прогрессивно развивавшееся стремленіе братчиковъ къ полной автоно-міи въ дѣлахъ церковныхъ, признаніе надъ собою іерархической зависимости отъ одного только Константинопольского Патріарха до крайнихъ предѣловъ умаляло церковно-административную власть и значеніе собственныхъ іерарховъ, даже несмотря на ихъ численное оскудѣніе, побуждавшее болѣе, чѣмъ когда-либо, дорожить представителями духовной власти”.. Отмѣчая далѣе крайнее ослабленіе церковной власти, вслѣдствіе чрезмѣрного увеличенія значенія братствъ и вообще свѣтскаго элемента въ церковной жизни, проф. Голубевъ говоритъ: „Главное, трудно было бороться съ успѣхомъ противъ обычая, вслѣдствіе исторически сложившихся обстоятельствъ”, приведшаго къ тому, что „извѣстная часть этого (южно-русскаго) общества на ограниченіи церковной власти созидала свои права и потому въ расширеніи церковной власти усматривала посягательство на эти права... Ослабленіе Епископской власти и преобладающее вліяніе мѣрянъ въ дѣлахъ церковныхъ—уже сами по себѣ явленія антиканонической, тѣмъ болѣе были нежелательны, что сопровождались не-

рѣдко печальными для Церкви послѣствіями. Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ приходахъ священниками были двоеженцы, люди порочные, иногда даже не имѣвшіе священническаго сана. Удачный выборъ братствами цѣ сколькихъ достойныхъ духовныхъ лицъ не искупалъ указанныхъ нестроеній въ Церкви, тѣмъ болѣе, что и эти лица подчинялись контролю исключительно своихъ избирателей... Возвращаясь къ этому же вопросу въ другомъ мѣстѣ, проф. С. Т. Голубевъ пишетъ: „Съ конца XVI столѣтія... чрезвычайно усилилось значеніе братствъ въ западно русскихъ областяхъ и, вслѣдствіе этого, увеличилось значеніе мірянъ въ дѣлахъ Церкви, — участіе, переходящее дозволенные границы и простиравшееся иногда до подчиненія духовныхъ лицъ власти лицъ свѣтскихъ, каковое явленіе, очевидно, было ненормальнымъ и при дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло привести къ весьма печальнymъ послѣствіямъ”⁷¹⁾.

Почти тѣ же мысли высказываетъ и выдающійся украинскій историкъ покойный акад. Орестъ Левицкій въ предисловіи къ VI-му тому 1-ой части „Архива Юго-Западной Россіи“, подчеркивающій, что дарованіе ставропигіальнымъ братствамъ, состоявшимъ въ большинствѣ изъ людей свѣтскихъ и простыхъ, необычайныхъ привилегій, противныхъ правиламъ Восточной Православной Церкви, съ властью надъ духовенствомъ и Епи-

71) Голубевъ. Ор. cit., т. II, введеніе, сс. IV—V; сс. 500 сл.; си. еще: т. I, сс. 111—115 и сл., 122 и др. Срв.: проф. О.И. Титовъ. Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. Томъ II: Киевская митрополія — епархія въ XVII—XVIII вв. (1696—1797 гг.). Первая половина тома. Киевъ, 1905, сс. 416 сл.

скопами, сдѣлало невозможнымъ правильное управление Церковью, привило въ Церкви протестантскія начала и было одною изъ главныхъ причинъ, приведшихъ къ Брестскому Собору 1596 г. и дальнѣйшихъ потрясеніямъ Западно-Русской Церкви.

IX. ІЕРАРШЕСТВО ВЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІЇ ВЪ XVI—XVII В.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о вторженіи свѣтскихъ элементовъ въ церковное управление Киевской Митрополії въ XVI—XVII в. должно быть поставленъ вопросъ о западно-русскомъ церковномъ экзаршествѣ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ особенного вниманія, какъ по значенію самой власти экзарха и большому вліянію экзаршства на зап.-русскую церковную жизнь въ XVI—XVII в., такъ и вслѣдствіе того, что вопросъ этотъ нашими церковными историками оставляется какъ-то въ тѣни и представляется совершенно не разработаннымъ и не разъясненнымъ. Здѣсь мы не можемъ, конечно, подробно, съ достаточной полнотой и отчетливостью изложить этотъ вопросъ и ограничимся лишь краткими замѣчаніями, необходимыми для основной нашей темы.

Слѣдуетъ замѣтить, прежде всего, что и вообще понятіе экзаршства въ наукѣ исторіи Церкви и церковнаго права не установлено съ опредѣленною ясностью и точностью. Понятіе экзаршства съ теченіемъ времени неоднократно измѣнялось, и экзархами назывались высшія духовныя, а иногда и свѣтскія надѣленные особыми церковно-правительственными правомочіями лица, обладавшія различными (неоди-

наковыми) правами и занимавшія различное положеніе въ церковно правительственной іерархіи. Въ Киевской Митрополіи въ XVI—XVII ст. самое понятіе іераршества, его характеръ и смыслъ, функціи экзарховъ, взаимоотношенія съ мѣстными Епископами и съ Константинопольскимъ Патріархомъ значительно, можно даже сказать, радикально видоизмѣнялись, приближаясь то къ одному, то къ другому типу древняго восточного экзаршества.

До VI в. экзархами чаще всего назывались старѣйшіе и вліятельнѣйшіе изъ Епископовъ: по мнѣнію однихъ изслѣдователей, тѣ же самые, старѣйшіе Епископы, которые позже, а отчасти уже и въ то время именовались Патріархами (т. ч. по этому мнѣнію, экзаршество до VI в. было почти синонимомъ патріаршества); по мнѣнію другихъ, экзархами именовались іерархи, высшіе, чѣмъ Митрополитъ, но низшіе чѣмъ Патріархи (предположеніе для времени до VI вѣка врядъ-ли правильное, но въ болѣе позднѣе время экзархи въ этомъ смыслѣ слова, т. е. какъ іерархи, занимавшіе по чести и достоинству положеніе, среднее между Патріархами и Митрополитами, дѣйствительно встрѣчались не разъ); по мнѣнію третьихъ, экзархами назывались Епископы діэцезовъ—єракійскаго, pontійскаго (кесарійскаго), асійскаго, собственно восточного, а иногда и египетскаго (хотя въ Египтѣ противъ титула экзарха и др. высшихъ епископскихъ титуловъ одно время велась борьба); троє изъ этихъ іерарховъ со времени 4 Всел. Собора получили признаніе особы высшихъ правъ и стали титуловаться преимущественно Патріархами, а Епископы кесарійскій и ефесскій (асійскій) были

подчинены Патріарху Константинопольскому и титулъ экзарха утратили; так. обр., согласно этому мнѣнію, понятіе экзаршества до V—VI в. было довольно близко къ понятію патріаршества, хотя и не вполнѣ совпадало съ нимъ. — Въ IX и въ нач. X в. и затѣмъ снова съ XV в. титуль экзарха имѣть глава Болгарской Церкви, повидимому, какъ іерархъ, не вполнѣ равный по чести Патріархамъ, но стоящій выше обыкновенныхъ Митрополитовъ. Въ подобномъ же смыслѣ титуль экзарха присваивался и позже нѣкоторымъ іерархамъ (срв. напр. въ новое время экзаршество грузинское или установленное Патріархомъ Тихонъ нѣмъ экзаршество украинское и т. д.); но въ ка-ждомъ отдѣльномъ случаѣ экзаршество имѣло свои особыя черты; большою частью, экзархи позднѣйшаго времени, въ противоположность древнимъ, повидимому вполнѣ автокефальными, Экзаркамъ, находились въ зависимости отъ Патріарха, хотя обыкновенно въ зависимости весьма незначительной, почти номинальной (но и въ позднѣйшее время были экзархи вполнѣ автокефальные, напр., Стефанъ Яворскій въ Россіи въ нач. XVIII в.).

Кромѣ экзарховъ — іерарховъ, возглавлявшихъ церковные округа или частныя Церкви (пользовавшіяся полною или ограниченною автокефаліею), были на Востокѣ также экзархи другого родѣ — экзархи уполномоченные Константино-польского Патріарха, соотвѣтствовавшіе приблизительно уполномоченнымъ легатамъ (*legati missi*) римского папы на Западѣ, назначавшіеся Патріархомъ въ епархіи или въ частныя Церкви съ особыми правомочіями, постоянными или ча-ще временными, общаго характера или, большою

частью, специальными (нпр., очень часто по надзору за монашествующими). Въ тѣхъ случаяхъ, когда экзархи назначались съ полномочіями общаго характера, съ порученіемъ наблюденія или даже руководства мѣстнымъ церковнымъ управлениемъ, они—подобно западнымъ легатамъ—часто конкурировали въ церковномъ управлениі съ мѣстными Епископами. Уполномоченные экзархи могли не быть Епископами и даже духовными лицами.

Уполномоченные экзархи, какъ замѣчаетъ прот. М. И. Горчаковъ, иногда по характеру своихъ правъ и функций, усваивали роль, подобную Константинопольскимъ хартофилаксамъ, которыхъ Вальсамонъ, называетъ „руками и устами“ Патріарха⁷²⁾. Дѣйствительно, мы видимъ, что иногда въ кругъ правъ и функций уполномоченныхъ экзарховъ входили и такія функции, какъ наблюденіе за соотвѣтствіемъ епископскихъ распоряженій и указовъ и вообще всей дѣятельности Епископовъ канонамъ Церкви, сношенія съ гражданскимъ правительствомъ, ходатайство объ изданіи новыхъ или измѣненіи или отменѣніи старыхъ гражданскихъ законовъ и привилегій, ка-

72) Хартофилаксъ — одна изъ важнѣйшихъ и вѣтѣльнейшихъ (а одновременно, до XII в. и самая важнѣйшая) должностей въ патріаршемъ правительстве. Сначала хартофилаксъ былъ лишь архиваріусомъ, но затѣмъ сталъ и канцлеромъ Патріарха и его постояннымъ уполномоченнымъ, юрисконсультомъ, защитникомъ правъ Церкви передъ правительствомъ, блюстителемъ законности въ самой Церкви, участникомъ церковнаго суда и проч. Хартофилаксами въ прежнее время, большей частью, но не вѣдьмѣнно, бывали діаконы, хотя могли быть и духовные лица высшихъ степеней, а также и светскіе люди. Не смотря на то, что хартофилаксы б. ч. были только діаконами, они занимали болѣе высокое положеніе, чѣмъ епископы и митрополиты, и на соборахъ обыкновенно садились выше ихъ.

саючихся Церкви, испрашиваніе согласія правительства на введеніе въ жизнь новыхъ или на измѣненіе или отмѣну старыхъ церковныхъ постановленій, весьма значительная роль на церковныхъ соборахъ, особенно при обсужденіи наиболѣе спорныхъ вопросовъ, и т. п.

Существовала, наконецъ, еще средняя между двумя указанными или смѣшанная форма Экзаршества, приближающаяся и по формѣ и по существу къ западному учрежденію *legati nati* (постоянные или „прирожденные“ легаты): такого рода экзаршество мы встрѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Патріархъ дѣлаетъ своимъ уполномоченнымъ экзархомъ Митрополита или Архіепископа, возглавляющаго церковный округъ или частную Церковь, пользующуюся ограниченной автокефаліей и находящуюся подъ верховенствомъ этого Патріарха. Въ такихъ случаяхъ экзархъ именуется „экзархомъ Патріарха“, т. е. уполномоченнымъ, а, слѣдовательно, *de jure* и зависимыхъ отъ этого Патріарха, но *de facto* почти всегда оказывается въ положеніи почти или въполнѣ самостоятельного главы частной Церкви; другими словами, предоставление титула и правъ „экзарха“ главѣ частной Церкви, пользующейся ограниченною автокефаліей, ведеть обычно къ расширенію этой автокефалій.

Обращаясь къ исторіи западно-русскаго экзаршества XVI—XVII в., мы должны отмѣтить въ ней три различныхъ периода: первый — до 1589 года, періодъ севѣтскаго экзаршества князя Василия—Константина Константиновича Острожского; второй — отъ 1589 г., т. е. отъ установлѣнія Патріархомъ Іереміей духовнаго экзаршества, съ широчайшими правомочіями, до 1633 г., т. е. до

вступленія на митрополичій (и экзаршескій) престолъ Петра Могилы, періодъ двойного (духовнаго и свѣтскаго, въ лицѣ князя Острожскаго и Епископа Кирилла Терлецкаго), затѣмъ тройнаго (кн. Острожскій и Епп. Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій) и, наконецъ, четвертаго экзаршества; третій, отъ вступленія на митрополичій и экзаршескій престолъ Петра Могилы—періодъ единаго духовнаго (митрополичьяго) экзаршества, расширяющаго автокефалію Кіевской Митрополіи до положенія почти совершенно независимой частной Церкви.

Въ высшей степени знаменательнымъ и характернымъ для Западно-Русской Церкви XVI—XVII в. является свѣтское экзаршество кн. В. К. Острожскаго. Въ формѣ этого экзаршества, несомнѣнно, проявилась тенденція нѣкоторыхъ восточныхъ Церквей, въ томъ числѣ значительнейшей изъ нихъ до XV в. Константинопольской и заимствовавшей отъ нея основы церковнаго строя Церкви Великороссійской, къ предоставлению нѣкоторыхъ верховныхъ правъ правительства (potestas jurisdictionis) главѣ государства 73).

73) Что главѣ государства въ Византіи, а затѣмъ по образу ея и въ Россіи какъ въ періодѣ до-патріаршескому, такъ и въ патріаршескому (о чёмъ многіе по незнанію церковной исторіи не подозрѣваютъ) и синодальномъ, известныи верховныи права правительства (но, конечно, не священномѣдѣствія) принадлежали императору, противъ этого не можетъ быть честнаго и разумнаго спора, хотя нѣкоторые псевдо-ученые „канонисты“ и „историки Церкви“, подъ влияніемъ либеральныхъ идей начала цицішлаго столѣтія, пытались спорить. Со временемъ первого христіанскаго императора, „общаго епископа“ (выраженіе церковнаго историка Евсевія), ему принадлежало преимущественное попеченіе о Церкви. Но, по возврѣніямъ древности, по-печеніе (sollicitudo, κηρουσσια) и власть (potestas, ἡσουστις)

тѣсно связанны между собой: кто инициирует попеченіе, тотъ при-
нимаетъ и мѣры противъ обнаружившихся нестроеній (срв.
б пр. I всел., 9 пр. антиох. и 66 кареаг.). Отсюда вытекала
естественнымъ образомъ права и обязанности императора по со-
зыву соборовъ для уничтоженія нестроеній и раздоровъ, умиро-
творенія Церкви и проч., по утвержденію и опубликованію собор-
ныхъ постановленій и др. церковныхъ нормъ (и изданію церковно-
правительственныхъ законовъ), по наблюденію за ихъ исполнені-
емъ и т. п. Особенно ярко выступаетъ церковно-правительствен-
ная власть императора, признававшаяся Церковью, во времена
церковныхъ соборовъ, въ частности вселенскихъ, въ которыхъ
участіе императора было непосредственнымъ и весьма существен-
нымъ.— Възрашающіе противъ церковно-правительственной власти
императоровъ часто указываютъ, что она иногда переходила въ
цезаропатризмъ, т. е. во вмѣшательство императора въ дѣла, его
власти безусловно не подлежавшія (въ частности напр. въ дѣла
кіасавшіяся вѣроученія) и что иногда это вмѣшательство было
чрезвычайно вредно для Церкви (когда, напр., императоры въ Визан-
тии поддерживали ереси—Констанцій, Василикъ, Зенонъ, Ираклій,
Константъ II, иконоборцы). Все это вѣрно; но, во-первыхъ,
незаконное и вредное поведение вѣкоторыхъ императоровъ не
опровергаетъ существовавшаго исторического факта (а можетъ,
самое большое, служить основаніемъ для устраниенія вліянія импе-
ратора на церковное правительство въ будущемъ, если бы
гдѣ-либо въ будущемъ возстановлена была православная имперія),
а, во-вторыхъ, не мѣшаетъ помнить, что ереси поддерживались
(и даже создавались) не только нѣкоторыми императорами, но
и нѣкоторыми іерархами и даже патріархами, а также и
нѣкоторыми соборами (особенно яркій примѣръ въ этомъ отно-
шении представляетъ разбойничій соборъ 449 г.). Въ
прежнее время вопросъ о церковно-правительственной власти
императора носилъ „боевой“, политический характеръ, что сильно
мѣшало спокойному, и научному его разрѣшенію (въ родѣ того,
какъ теперь вопросъ о соборномъ началѣ въ церковной жизни). Теперь же, когда вопросъ этотъ пересталъ быть животрещущимъ,
а сдѣлался всецѣло историческимъ, а, съ другой стороны, мы
мы освободились отъ тиранія либерального „общественного мнѣ-
нія“, налагавшаго оковы хуже всякой цензуры на науку, филосо-
фию, литературу и печать, мы можемъ совершенно спокойно
признать, что въ прошломъ и въ Византии и въ Россіи импера-
торъ, какъ верховный защитникъ и хранитель догматовъ Право-
славной вѣры въ своей странѣ, блюститель правовѣрія и всякаго
въ Церкви благочинія, какъ „ѣпїстѹюхѹрѹс“ какъ „попечитель“.

Князь В. К. Острожский не былъ, конечно, главою государства въ полномъ смыслѣ этого слова; но положеніе, которое снѣ занималъ на Украинѣ, было весьма близкимъ къ положенію могущественнаго феодала, главы государства, находящагося въ феодальной зависимости. Социально-политическій строй Польско-Литовскаго государства былъ весьма своеобразенъ: въ немъ не было такого глубокаго распаденія государственного суверенитета и всей государственности, какъ въ Германіи XVI и особенно XVII вѣкахъ; съ точки зрѣнія формально-юридической, отдѣльныя польскія, литовскія, украинскія и белорусскія земли какъ будто совершенно утратили къ XVI в. свою государственную особливость и сдѣлались неразрывными частями единаго государственного цѣлага. Но, несмотря на юридическую унификацію всѣхъ этихъ земель, завершенную Люблинскою уніей 1569 г., мѣстная особенности отдѣльныхъ земель и послѣ 1569 г. не исчезли, централизація не только правительственная (административная), но и законодательная не была проведена до конца; болѣе того, именно во 2-й пол. XVI в. усилилось значеніе повѣтовыхъ сеймиковъ въ ущербъ значенію вольнаго сейма, который постепенно все больше терялъ свое значеніе. Не только Корона и Вел. Княжество

радѣгель во всемъ и промышлитель" (ὅτι Θεοὺς κρατᾷς καὶ ἄγιος ἡμῶν αὐθέντης καὶ βασιλεὺς ὁ τῆς ἐκκλησίας φροντιστής καὶ κηδευῶν ἐν πᾶσι καὶ προοφητής), несомнѣнно имѣлъ церковно-правительственную власть (potestas jurisdictio-nis), но, конечно отнѣдь не священническое или пастырское главенство въ Церкви. (Достаточно исчерпывающія вопросъ указанія по этому вопросу см. у Суворова, оп. cit., сс. 39—44, 46, 50—51, 74—77, 97—98, 103, 210—216, и др.).

Литовское, но и отдельные земли, входившие въ ихъ составъ, сохраняли известное преемство въ отношеніи своей прежней государственной жизни, свое особое право, привилегіи, даже отчасти свой особый индигенатъ и мн. др.⁷⁴⁾. Князья и папы, занимавшіе "уряды" воеводъ, маршалковъ и т. д. въ этихъ земляхъ (въ частности князья Острожскіе, потомки кіевскихъ, волынскихъ и галицкихъ князей—Рюриковичей), нерѣдко потомки древнихъ князей, правившихъ этимъ землями, занимали положеніе, подобное положенію западно-европейскихъ феодальныхъ владельцевъ — герцоговъ, князей, графовъ. Въ особенности, это слѣдуетъ сказать о князьяхъ Острожскихъ Константинѣ Іоанновичѣ, гетманѣ литовскомъ († 1533), и его сыне Василии-Константина Константиновичѣ, воеводѣ Кіевскомъ и маршалкѣ Волынскомъ, "патріаршемъ экзархѣ" Кіевской митрополіи († 1608 г.) В. К. Острожскій — по утверждению польскихъ историковъ,—былъ, могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ магнатомъ

74) Все это даетъ основаніе некоторымъ историкамъ права утверждать, что Польско-Литовское государство XVI—XVIII вв. было федеративнымъ (срв. особенно: Лаппо-Великое книжество Литовское за времена отъ заключенія Люблинской унії...; его же — *Litovsky Statut a jeho sankce v g. 1588 — "Sbornik všed pravnich a statnich"* R. XXII, sesit 1; Западная Россія и ее соединеніе съ Польшею..., 1924, и др.; Дружчиц—Палажэнные Литоуска-Беларускай вуніі—"Працы Беларус. Дзярж. Унів. у Менску", 1925, № 6—7, с. 244 сл.). Съ точки зрѣнія формально-юридической такое построение безусловно невѣрно (о чёмъ мы подробнѣе говорили въ "Лекціяхъ по історії державного ладу Україны", 1924). но, съ другой стороны нельзя отрицать своеобразнаго властно-государственного характера не только велик. кн. Литовского (послѣ 1569—1588 гг.), но и отдельныхъ земель Польско-Литовского государства, по крайней мѣрѣ до сред. XVII ст.

во всемъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Ежегодные доходы его достигали „сказочной“ въ тѣ времена суммы 15 миллионовъ злотыхъ. Его княжескій дворъ устроенъ былъ на подобіе королевскаго двора. Одинъ изъ сенаторовъ исполнялъ у него должность маршалка двора. Владѣнія его обнимали почти всю Волынь, а отчасти простирались и за ея предѣлы. Ему принадлежало право патроната болѣе, чѣмъ надъ 1000 православныхъ церквей и надъ цѣлымъ рядомъ монастырей. Особыя права принадлежали ему, какъ мѣгущественнѣйшему магнату и князю на Волыни, въ отношеніи волынского (острожко-луцкаго) епископства. Но и за предѣлами Волыни, во всѣхъ западно-русскихъ православныхъ областяхъ ему, какъ и его отцу, принадлежало право попеченія и защиты (а вчѣстѣ съ тѣмъ, естественно и нѣкоторая власть) надъ Православною Церковью въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Это попеченіе и покровительство князя В. К. Острожскаго надъ Западно Русскою Православною Церковью признавалось и польскимъ правителствомъ (въ частности, уже Стефаномъ Баторіемъ, какъ бы признавшимъ за кн. В. К. Острожскимъ право представленія кандидатовъ на освобождавшіяся православныя епископскія каѳедры и вообще считавшимся съ кн. Острожскимъ, какъ съ представителемъ, покровителемъ и защитникомъ Западно-Русской Православной Церкви), и Константинопольскимъ Патріархомъ, „легализировавшимъ“ права покровительства, защиты и нѣкоторой власти кн. Острожскаго надъ Зап.-Русскою Православною Церковью въ видѣ „экзаршества“, и, наконецъ, самимъ православнымъ зап.-русскимъ духовенствомъ, большою частью, не толь-

ко не противившися правамъ кн. Острожскаго въ отношеніи покровительства и руководства нѣкоторыми церковными дѣлами, но часто прибѣгавшимъ даже по своей иниціативѣ, къ его со-дѣйствію, защитѣ, покровительству, а иногда и руководству въ нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлахъ.—Въ кругъ правъ и функцій кн. Острожскаго, какъ покровителя Зап.-Русской Церкви и экзарха, входили многія функціи, обнимавшіяся иногда, по свидѣтельству прот. Горчакова, юрисдикціею уполномоченныхъ патріаршескихъ экзарховъ, какъ, напр., защита Православной Церкви передъ свѣтскими властями, ходатайство передъ свѣтскими властями о дарованіи привилегій и правъ Православной Церкви, обѣ отмѣнѣ неблагопріятныхъ и вредныхъ для Православной Церкви законовъ и распоряженій свѣтскихъ властей, о проведеніи въ жизнь распоряженій церковной власти, о соотвѣтствіи распоряженій и всегоповеденія Епископовъ и самого Митрополита канонамъ Православной Церкви и т. п. Входили иногда въ компетенцію уполномоченныхъ патріаршескихъ экзарховъ и предоставленное Константинопольскимъ Патріархомъ кн. Острожскому право общаго контроля надъ духовенствомъ, включая Епископовъ и Митрополита и право „обличенія“ ихъ и т. д. Но князь В. К. Острожскій не ограничивался этими функціями: его покровительство и церковно-правительственная власть былишире экзаршескихъ; известно напр., что онъ считалъ себя правомочнымъ вести переговоры съ представителями Католической Церкви о соединеніи Церквей, его условіяхъ и дѣйствительно вель такіе переговоры съ Поссевиномъ

(не приведши, впрочемъ, ни къ какому рѣзуль-
тату, несмотря на обоядное стремленіе ведшихъ
переговоры достигнуть соглашенія и соединенія;
одною изъ причинъ неуспѣха переговоровъ бы-
ло, повидимому, различное пониманіе характера,
смысла и цѣли церковнаго соединенія); равнымъ
образомъ, превышали компетенцію свѣтскихъ
уполномоченныхъ патріаршескихъ экзарховъ и
права кн. Острожскаго по представленію канди-
датовъ на епископскія каѳедры и иѣк. др. Словомъ,
мы имѣемъ полное право утверждать, что
„экзаршество“ князя Василія-Константина Ост-
рожскаго едва-ли не ближе по своему значенію,
вліянію и содержанію къ императорскому „эпи-
стимонаршеству“, чѣмъ къ обычному экзаршес-
тву патріаршескихъ уполномоченныхъ. Къ кня-
зю Острожскому вполнѣ приложимы Эпитеты
„попечителя Церкви, радѣтеля во всемъ и про-
мыслителя“ верховнаго защитника и хранителя
догматовъ Православной вѣры, блюстителя гра-
вовѣрія и всякаго въ Церкви благочинія, прила-
гавшіеся къ главамъ православныхъ государствъ.
Особенно значительно вліяніе кн. Острожскаго
въ церковныхъ дѣлахъ было, конечно, на Волы-
ни и въ Кіевщинѣ, гдѣ онъ былъ носителемъ
полу-государственной власти. Въ особенности, въ
періодъ религіозно-церковной борьбы въ концѣ
XVI—нач. XVII в. кн. Острожскій, верховный за-
щитникъ Православной Церкви и экзархъ, на-
слѣдникъ Рюриковичей, могущественный князь.
вождь православнаго „русскаго народа“, былъ
центромъ церковной жизни православныхъ
въ Польско-Литовскомъ государствѣ. — Само со-
бою разумѣется, что, въ концѣ концовъ, значе-
ніе кн. Острожскаго въ Зап.-Русской Церкви бы-

ло лишь подобнымъ, болѣе или менѣе аналогичнымъ, но не вполнѣ идентичнымъ съ положеніемъ православныхъ монарховъ въ Византіи и въ Россіи. Церковно-правительственное положеніе князя В. К. Острожскаго совмѣщало въ себѣ нѣкоторыя черты „эпистимонаршества“ съ чертами экзаршства и патронатства. Со смертью князя В. К. Острожскаго, это необычайно широкое „экзаршество“ прекратилось⁷⁵⁾. — Огромное зна-

75) По смерти кн. В. К. Острожскаго не явилось болѣе столь же исгущественныхъ защитниковъ, покровителей и руководителей Зап. Русской Православной Церкви изъ среды князей и пановъ. Значительная часть книжескихъ родовъ литовскихъ, украинскихъ и Бѣлорусскихъ—ранѣе православныхъ—къ тому времени перешли въ католичество (въ томъ числѣ даже синьи и дочь самого кн. В. К. Острожскаго), вѣкоторые представители этихъ родовъ стали даже врагами Православія (Анна Элоиза Острожская, Еремій Вишневецкій и пр.), другие увлеклись реформаціонными ученіями и т. п. Немногие православные князья и пани въ родѣ Адама Киселя, кн. Мих. Чарторижскаго, Древинскаго выступавшіе въ роли вождей православныхъ на сеймахъ въ 1620-хъ годахъ, по своему вліянію и могуществу въ государствѣ и своей роли въ церковной жизни не могутъ быть даже и сравниваемы съ К. I. или В. К. Острожскими. Но, если изъ среды князей и пановъ не могъ выйти въ XVII ст. новый, подобный Острожскому „полечитель Церкви, радѣтель и промыслитель, блюститель правовѣрія и всікаго въ Церкви благочестія“, зато явился таковой въ иной православной средѣ, въ козачествѣ. Это былъ прославленный гетманъ Петъ Сагайдачный, который, какъ можно судить по посвященной ему извѣстной „виршѣ на жалосный погребъ зацпого рыцера Петра Сагайдачного, гетмана запорозкого“ (написанной Кас. Саковичемъ), сознательно видѣвъ въ себѣ, какъ гетманъ, и въ козакахъ потомковъ, наследниковъ и преемниковъ „росскихъ монарховъ“ Олега, Владимира и прочихъ славныхъ кіевскихъ князей. Выдающаяся роль Сагайдачнаго въ церковной жизни Украины и Бѣлоруссии въ 1620-хъ гг., въ частности восстановленіе при его непосредственномъ участіи и подъ его защитой православной іерархіи, извѣстны еще больше, чѣмъ дѣятельность кн. В. К. Острожскаго. Но со смертью Сагайдачнаго, подобныхъ ему и В. К. Острожскому, свѣтскихъ „церковныхъ“ защитниковъ Право-

славія" долгое время не было. Не былъ имъ въ сущности и Богданъ Хмельницкій и ближайшіе слѣдовавшіе за нимъ гетманы, вѣроятно, въ значительной степени оттого, что они, будучи заняты болѣе всего военными дѣлами, не имѣли времени заняться специально Церковью и ея дѣлами (Впрочемъ, обѣ окошениа Богдана Хмельницкаго къ Церкви и вѣкоторыхъ его далеко идущихъ церковныхъ планахъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія; но останавливаются на нихъ мы не можемъ, т. к. это сильно отвлекло бы насъ въ сторону). Снова съ активнымъ вмѣшательствомъ свѣтскихъ властителей въ церковное управление на Украинѣ (но вмѣшательствомъ не удачнымъ) мы встрѣчаемся при неудачномъ гетманѣ Иванѣ Брюховецкомъ. Затѣмъ, когда долговременная борьба на Украинѣ утихаетъ, времена "руины" смѣняется эпохой культурного и экономического расцвѣта восточной Украины, мы опять видимъ рѣшительное вмѣшательство въ важнѣйшия церковно-правительственные дѣла гетмана Ивана Самойловича.—Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ въ продолженіи XVI—XVII вв. довольно постоинную на Украинѣ тенденцію къ сосредоточенію нѣкоторыхъ важныхъ "церковно-покровительственныхъ" и церковно-правительственныхъ функций въ рукахъ высшаго носителя свѣтской государственной или полу-государственной (quasi-государственной) власти, хотя, главнымъ образомъ, въ силу вѣнчанихъ историко-политическихъ причинъ, тенденція эта не получила столь полнаго разви-тия, какъ въ Церкви Византійской, Великороссійской и, наконецъ, въ XVIII—XIX вв. Всероссійской.—Мы подчеркиваемъ наличіе и громадное значеніе этой тенденціи и выдающуюся роль "квази-епистимонарховъ"—князей и гетмановъ въ Православной Церкви на Украинѣ, въ виду того, что въ наши дни довольно распространеннымъ является мнѣніе, будто на "ультра-демократической" Украинѣ господствовали во всѣхъ областяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ церковной "прирожденной украинскому народу" демократическихъ начала, въ противоположность Москвѣ, где будто бы вѣчно процвѣтала тиранія, а въ церковной жизни господствовалъ "цезаропапизмъ". Несколько прочно утверждились эти нелѣпые разсужденія объ украинскомъ "прирожденномъ" демократизмѣ и московскомъ "цезаропапизмѣ", можно видѣть изъ того, что даже люди, освободившіеся отъ примитивно-демократическихъ, "традиционныхъ" (увы!) у насъ предразсудковъ, повторяютъ противоположеніе украинского церковнаго демократизма великорусскому "це-заропапизму" (подобными разсужденіями встрѣтили мы недавно даже въ статьѣ одного почтенаго автора въ "Бюллетенѣ Гетьм. Управи"). Не пора ли уже, наконецъ, покончить съ этими априорными романтико-демократическими разглагольствованіями (которыя могли казаться краскливыми въ эпоху романтизма, но которыхъ

ченіе дѣятельности кн. В. К. Острожского, какъ „блюстителя“, покровителя и защитника Церкви, Православной вѣры, православного духовнаго просвѣщенія и проч. хорошо всемъ извѣстна⁷⁶⁾. Вѣзникаетъ однако вопросъ, всегда ли и во всѣхъ ли отношеніяхъ дѣятельность кн. Острожского была полезна для Церкви, не было ли въ его попеченіи о Церкви такой же отрицательной другой стороны, какъ въ частновладѣльческомъ патронатѣ, участіи мѣщанства въ дѣлахъ городскихъ царквей и дѣятельности братствъ? По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ видовъ свѣтскаго участія въ церковномъ управлѣніи Киевской Митрополіи въ XVI—XVII в. наиболѣе благопріятнымъ было и менѣе всего отрицательныхъ послѣдствій влекло свѣтское экзаршество кн. Острожского. Вообще, мы считаемъ необходимымъ повторить высказанный нами уже неоднократно выводъ изъ нашихъ церковно-историческихъ работъ, что вліяніе на церковное управлѣніе просвѣщенныхъ и дѣйствительно преданныхъ вѣрѣ и Церкви монарховъ (или, какъ въ данномъ случаѣ, князя, приближающагося по своему положенію къ монархамъ-феодаламъ), большую частью, не имѣло

не можетъ быть мѣста даже въ популярно-историческихъ статьяхъ въ наши дни)?!

76) Стмѣтимъ здѣсь лишь одну изъ важнейшихъ заслугъ кн. Острожского, на которую обычно не обращаютъ должнаго вниманія. Когда въ Зап.-Русской Православной Церкви послѣ 1596 г. осталось лишь два Епископа, не имѣвшихъ возможности, къ тому же, свободно разъѣздѣть въ Польско-Литовскомъ государствѣ, подъ могущественнымъ покровительствомъ кн. Острожского на Украинѣ пребывали и исполнili важнейшія архиепаstry-скія обязанности, посыпали антиминсы, посвящали священниковъ и т. д. архіереи-иностранцы, безъ которыхъ Зап.-Русская Православная Церковь оказалась бы въ еще болѣе тяжеломъ положеніи.

для Церкви въ прошломъ такихъ печальныхъ по-
слѣствій, какъ вторженіе въ дѣла церковнаго
управленія невѣжественной массы, удачно на-
званное проф. Чубатымъ „общественнымъ папиз-
момъ“. Достойно вниманія, что духовенство, про-
тивившееся (за рѣдкими исключеніями) вліянію и
власти въ церковныхъ дѣлахъ патроновъ, мѣщан-
ства, братствъ, короля-иновѣрца, весьма часто и
охотно признавало блюстительство, покровитель-
ство и даже руководящую роль за кн. Острож-
скимъ.

Совершенно иной характеръ и значеніе имѣ-
ло духовное экзаршество, установленное Патрі-
архомъ Іеремією II на Епископскомъ Соборѣ въ
Брестѣ 16 августа 1589 г. Въ своемъ окружномъ
посланіи къ Епископамъ Патріархъ приравнивалъ
достоинство Епископа-экзарха въ Восточной Цер-
кви къ достоинству Кардинала въ Церкви Запад-
ной и опредѣлялъ его юрисдикцію въ Кіевской
Митрополіи, какъ замѣстителя или намѣстника
Патріарха, имѣющаго право и обязаннаго руко-
водить Епископами, наблюдать за ними и за
всѣмъ духовенствомъ, „обличать“ и даже въ слу-
чаѣ надобности низлагать ихъ. Подъ надзоръ
экзарха поставленъ былъ даже и самъ Митрополитъ⁷⁷⁾. Установленіе этого духовнаго экзарше-
ства съ весьма широкими правомочіями обычно
объясняютъ случайными обстоятельствами: на
Митрополичій престолъ Зап.-Русской Церкви
Патріархъ Іеремія, подъ давленіемъ православ-
ныхъ пановъ и противъ своего желанія, возвелъ

77) Митроп. Макарій. Исторія Русской Церкви, т. IX,
с. 488 сл.; срв.: Ак. З.-Рос., т. 4, № 21; Арх. Ю.-З. Р., ч. 1, т.
I, с. 252—253.

Михаила Рагозу, которому онъ не довѣряль, вслѣдствіе будто бы существовавшихъ тайныхъ связей Рагозы съ іезуитами (по мнѣнію однихъ 78), или же просто вслѣдствіе отсутствія стойкости и твердости характера и убѣжденій Мих. Рагозы (по мнѣнію другихъ 79); не довѣряя Рагозѣ, Патр. Іеремія и учредилъ духовное экзаршество въ Кіевской Митрополіи, назначилъ экзархомъ энергичнаго луцкаго Епископа Кирилла Терлецкаго (впослѣдствіи однако бывшаго однимъ изъ главныхъ инициаторовъ и дѣятелей Брестской унії) и надѣлилъ его чрезвычайными полномочіями. — Намъ кажется, что учрежденіе духовнаго экзаршства въ Кіевской Митрополіи слѣдуетъ объяснить не одними только случайными причинами. Въ сущности, вся дѣятельность Патріарха Іереміи во времѧ пребыванія его въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ въ 1588—1589 гг. проникнута была двумя началами: во-первыхъ, онъ стремился къ упорядоченію церковной жизни въ Кіевской Митрополіи путемъ создания ряда церковно-правительственныхъ учрежденій, взаимно контролирующіхъ другъ друга и вслѣдствіе взаимнаго контроля обеспечивающихъ сохраненіе въ ненарушенности Православія, недопущеніе отклоненій въ Зап.-Русской Церкви отъ каноновъ и вѣрность Константинопольскому Патріаршему Престолу; а во-вторыхъ, онъ, несомнѣнно, желалъ усиленія власти и вліянія Константинопольскаго Патріарха на церковныя дѣла Украины и Бѣлоруссіи. Этимъ

78) Митр. Макарій. Op. cit., т. IX, с. 484; срв.: А. З. Р., т. IV, № 20.

79) М. Колховицъ. Литовская церковная унія, т. I, 1859, сс. 264—268 и др.; X. Biskup E. Likoński, op. cit., с. 82 сим.

цѣлямъ должны были служить, въ особенности, экзархъ и ставропигіальные братства и монастыри, поставленные въ непосредственную связь съ Константинопольскимъ Патріаршимъ Престоломъ, сдѣланные его органами. Слѣдуетъ замѣтить, что, въ сущности говоря, правомочія, весьма напоминающія права экзарха К. Терлецкаго, даны были Патріархами (Іоакимомъ и Іереміей) также и ставропигіальнымъ братствамъ (См. выше: гл. VIII), которые, собственно, сдѣланы были, если можно такъ выразиться, тоже *sui generis*, "коллективными экзархами" Патріарха.

Но всѣ эти мѣропріятія, предназначенные, по мысли Патріарха, служить для обезпеченія и укрѣпленія церковнаго порядка и правовѣрія въ Зап.-Русской Церкви, привели вскорѣ къ результатамъ діаметрально-противоположнымъ. Установленіе новаго достоинства духовнаго Экзарха въ Киевской Митрополіи съ такою широкою властью, по словамъ Митрополита Макарія (Булгакова), было прямо оскорбительнымъ для мѣстнаго Митрополита, т. ч. Митрополитъ Макарій, принимая во вниманіе отрицательныя послѣдствія, вызванныя дѣйствіями Патр. Іереміи, говоритъ, что, "трудно понять этотъ шагъ Патріарха", направленный къ столь явному уменьшению власти Митрополита Зап.-Русской Церкви. — Дѣйствительно, Митрополитъ Рагоза поставленъ былъ въ чрезвычайно трудное положеніе. Съ одной стороны, къ нему весьма неодобрительно относилось польское правительство, едва согласившееся, по настоянію православныхъ пановъ и шляхты, дать "привилегію" на Митрополію Рагозѣ; съ другой стороны, къ нему отрицательно относился Патріархъ; власть его была

сильно ограничена и экзархомъ, и ставропигіальными и проч. братствами, и патронами и проч.; при такихъ условіяхъ онъ не могъ пользоваться почти никакимъ авторитетомъ власти и вообще могъ имѣть весьма мало значенія въ церковномъ управлениі и во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ Кіевской Митрополіи. — Чтобы укрѣпить свое значеніе и авторитетъ, Рагоза сначала стала искать усиленной поддержки у православныхъ свѣтскихъ элементовъ церковнаго управлениія — у могущественныхъ православныхъ пановъ-патроновъ и у братствъ, прежде всего, у Львовскаго братства. Именно благодаря Рагозѣ, усиливается до необъятныхъ размѣровъ вторженіе свѣтскаго элемента въ церковное правительство Кіевской Митрополіи. При содѣйствіи Рагозы, въ составъ епископскихъ соборовъ входять представители сначала Львовскаго, а потомъ и другихъ братствъ, начинающіе вскорѣ затѣмъ вершить различнѣйшія и важнѣйшія церковно-правительственные дѣла Кіевской Митрополіи. Но увеличеніе значенія и вліянія братствъ и вообще свѣтскаго элемента въ церковной жизни приводить къ еще большей дезорганизаціи и децентрализаціи церковной власти, къ обостренію конфликтовъ и борьбы Епископовъ съ братствами. Эта внутренняя дезорганизація Западно-Русской Православной Церкви, въ которой, вслѣдствіе неосторожныхъ и неравсудительныхъ мѣтропріятій Патріарховъ, крайняго усиленія свѣтскихъ элементовъ, внутреннихъ конфликтовъ и проч., стало невозможнымъ нормальное, правильное церковное управлениe, скрывала въ себѣ весьма опасные зародыши, которые должны были рано или поздно привести Западно Русскую Православную Церковь къ тьму или

иныхъ опаснымъ потрясеніямъ и переворотамъ⁸⁰). Дезорганизація эта, какъ настойчиво утверждается одинъ изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ изслѣдователей украинской церковной исторіи акад. Ор. Левицкій, а вслѣдъ за нимъ большинство позднѣйшихъ церковныхъ и свѣтскихъ историковъ (въ томъ числѣ такие выдающіеся ученые, какъ акад. Н. Василенко), была главнѣйшюю причиною, (а во всякомъ случаѣ одною изъ главнѣйшихъ причинъ), приведшею Западно Русскую Православную Церковь къ Брестской унії, въ которой лишенные надлежащаго авторитета, власти и возможности руководства Церковью западно-русскіе Митрополитъ и Епископы думали найти средство для возстановленія правильной, нормальной церковной организаціи⁸¹).

Послѣ признанія унії Патріаршескимъ Экзархомъ Кирилломъ Терлецкимъ, Александрійскій Патріархъ Мелетій Пигасъ, вступившій въ управление Константинопольскою Церковью (принимавшій уже и до этого времени дѣятельное участіе въ дѣлахъ Западно-Русской Православной Церкви⁸²), назначилъ въ своеемъ посланіи къ Епископу Гедегому (Балабану), духовенству и всему пра-

80) См. цитированное уже нами замѣчательное предисловіе Ореста Левицкаго въ VI т. 1-й ч. „Арх Ю.-З. Р.“—Къ тому же выводу приходятъ и почти всѣ позднѣйшии историки (срв. цитиров. нами соч. акад. Н. Василенка)

81) Вопроса этого мы вкратцѣ коснемся еще въ XI главѣ, гдѣ будемъ говорить о развитіи т. наз. „общественнаго папизма“ въ Зап. Русской Церкви.

82) Срв. І. І. Солов'овъ. Про відносини Української Церкви до грецького Сходу на прикінці XVI та на поч. XVII ст. за нововиланими матеріалами. Зап.-Іст.-Фіол. Відділу У. А. Н., кн. 1 (1919), сс. 54—58 сл.

вославному народу *Малой России* отъ 4 августа 1597 г. трехъ экзарховъ — Епископа Гедеона, князя В. К. Острожскаго и своего протосинкела, ректора Острожской Академіи архимандрита Кирилла Лукариса⁸³), предоставляя имъ весьма широкія полномочія. Но, съ другой стороны, давая широкія правомочія и власть Епископу Гедеону, который становился послѣ Брестской унії одновременно и экзархомъ-намѣстникомъ Патріарха и мѣстоблюстителемъ Митрополичьяго Престола, т. е. другими словами дѣлался Главою Зап.-Русской Православной Церкви, — Патріархъ Мелетій старался положить конецъ раздорамъ Епископа Гедеона съ Львовскимъ братствомъ, не лишить значенія само это братство и тѣмъ нѣсколько ограничивалъ широкую власть перво-экзарха и мѣстоблюстителя Митрополичьяго Престола (власть его, конечно, ограничивалась также и соизваршествомъ Патріаршаго протосинкела архим. Кирилла Лукариса и кн. Острожскаго). Въ своемъ посланіи къ „Бого любезнѣйшему Епископу Львовскому Балабану, о Господѣ брату и сослуживцу превождѣнному“, посланному изъ Константинополя въ 1598 г., Патріархъ Мелетій наставлялъ: „Призываю всѣхъ, оставилши пререканія и споры, заботиться о простотѣ вѣры и бытъ подобными голубямъ Христовымъ. И Твоему Архіерейству, какъ ученику

83) 'Α. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἐλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ρωμαιονίας. Documente privitoare la Istoria Romanilor. 'Ev Bucurestii, 1909, № 15, c. 422—429; Regel. Analecta byzantino-russica, Petropoli 1891, СXXXIV, § 177; I. И. Малишевский. Александрийский Патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ Русской Церкви, Kievъ, 1872, с. 417, т. I; т. II, № 17 (сс. 44—60).

Спасителя Христа и особенно какъ Пастырю православному и достойному, надлежитъ приложитъ всякое тщаніе къ тому, чтобы быть въ согласіи съ братьями (членами братства), все переносить изъ любви ко Христу (по священному Апостолу) и всячески угодждать, какъ отецъ дѣтямъ⁸⁴⁾. Въ то же время въ своихъ посланіяхъ къ братствамъ Патріархъ Мелетій высоко превозносилъ ихъ дѣятельность и заслуги, называлъ ихъ „священными общинами, дружинами Царя Великаго, фалангами православными, искушенными, торжественнымъ единеніемъ братьевъ, которыя записаны на небесахъ, въ книгѣ Бога Живого”, „ковчегомъ, сохраниющимъ съмена благочестія для пріобрѣтенія и возженія утеряннаго свѣта, сынами обѣтованія, для котораго вы нѣсколько искушены ради своей безупречной вѣры и, обнаруживъ себя достойными Бога, будете приняты вмѣстѣ съ Отцами, вѣрою пріобрѣвшими обѣтованіе... вы достанете нѣвяну-щій вѣнецъ, его возложитъ Праведный Судія въ день оный, подвзывающимся согласно Павлу или съ Павломъ...⁸⁵⁾. Такого рѣда превознесеніе заслугъ братствъ самимъ Патріархомъ доставляло, конечно, громадную нравственную поддержку братчикамъ въ дни тяжелой религіозно-церков-

84) 'Α Πατριάρχης—Κεραυνός. Op. cit., № 17, с. 438; Regel, *Analecta byzantino-russica*, Petropoli, 1891, § 122, CXXXIV; срв.: Епископъ Порфирий Успенскій и проф. В. Н. Бенешевичъ Описавіе греческихъ рукописей монастыря Св. Екатерины на Синаѣ, т. I, ШБ., 1911, § 149, с. 897.

85) Срв. посланіе Патріарха Мелетія къ Вильевскому братству, посланное изъ Константиноополя 23 марта 1597 г. ('Α. Πατριάρχης—Κεραυνός, op. cit., § 8, с. 418—419; Regel, *Analecta...*, CXXXIII, § 156). Подобный же тонъ встрѣчаемъ и въ другихъ посланіяхъ Патр. Мелетія къ братствамъ.

ной борьбы, и высокія похвалы братствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе за ними высшаго нравственнаго авторитета, который уже самъ по себѣ естественно обезпечивалъ братствамъ громадное значеніе и власть, подтвержденіе ранѣе данныхъ братствамъ правомочій, призывъ къ іерархамъ „всячески угождать“ братчикамъ, „какъ отецъ дѣгамъ“, „прилагать всякое тщаніе, чтобы быть въ согласіи“ съ ними, „все переносить изъ любви ко Христу“—всѣ эти дѣйствія Патріарха и понятны, и естественны. Но во всѣхъ этихъдѣйствіяхъ, въ частности и въ превознесеніи заслугъ братчиковъ Патріархомъ, крылись опасные зародыши разстройства нормальныхъ соотношеній мірянъ и духовной власти въ Зап.-Русской Православной Церкви. Правда, Патріарху Мелетію удалось достичнуть на время значительного умиротворенія въ отношеніяхъ Епископовъ и пастыры въ Зап.-Русской Православной Церкви, чemu, конечно, содѣйствовалъ и критической періодъ въ жизни Церкви; въ частности, установились мирныя отношенія между Епископомъ Гедеономъ и Львовскимъ братствомъ⁸⁶⁾. Но въ дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни Кіевскій Митрополіи превознесеніе значенія братства, ослабленіе власти Епископовъ и „многожарство“ привели къ значительному разстройству церковнаго порядка и управлениія и вообще ко многимъ отрицательнымъ послѣдствіямъ. Уже и въ то приблизительно время, когда писалъ свои посланія къ братствамъ Патріархъ Мелетій, начали раздаваться голоса часто мнимыхъ только

86) Срв.: А. С. Крыловскій. Львовское ставропигіальное братство. Кіевъ, 190, сс. 159—160.

ревнителей Православія, которые говорили въ порывѣ преувеличенной оцѣнки своихъ заслугъ и совершенного отрицанія, дѣйствительно, упавшаго тогда авторитета высшей Іерархіи: „не попы насть спасутъ, или владыки, или Митрополиты, но вѣры Гаинство нашея православныя, съ храненiemъ заповѣдей Божіихъ, тое насть спасти маеть”⁸⁷⁾. Внѣ сомнѣнія, эти „разсужденія” стоять въ непосредственной связи съ превознесенiemъ значенія и правъ братствъ и уменьшіе власти западно-русскихъ Іерарховъ восточными Патріархами. Восточные Патріархи, подчеркиваетъ неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ М. С. Грушевскій, „не разсмотрѣли хорошенько здѣшнихъ отношеній и не знали ихъ; но когда къ нимъ обращались по разнымъ дѣламъ, распоряжались очень рѣшительно. А притомъ они набрасывались на дѣла какъ разъ менѣе важныя, съ которыми Украинская Церковь еще могла бы жить и тысячу лѣтъ безъ особенного вреда, а тѣмъ временемъ Патріархи дѣлали цѣлую исторію изъ здѣшнихъ обычаевъ”... Особенno Патріархъ Іеремія „поступалъ рѣзко, скоро, не особенно вникая въ дѣло, слушая кого-нибудь; поссорилъ владыкъ, пригрозилъ проклятіями, удаленiemъ съ каѳедръ. И по выѣздѣ (изъ Украины) онъ продолжалъ присыпать разныя распоряженія, мѣнялъ и перемѣнялъ, назначалъ своихъ наблюдалелей—экзарховъ надъ владыками и низлагалъ ихъ, а еще и не всегда можно было разобрать, кого слѣдуетъ слушаться, т. к. появилась цѣлая туча разныхъ греческихъ обман-

87) См.: Акты Ю. и З. Р., т. II, с. 210; срв.: прот. О. Титовъ. Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ, т. II, подл. I, с. 417.

щиковъ („прайдисвітів“), выманивавшихъ деньги, называя себя разными архіепископами, патріаршими уполномоченными и т. п.“.

Въ 1624—1625 гг. Митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и полоцкимъ Епископомъ Мелетіемъ Смотрицкимъ предпринята была попытка положить предѣлъ самоволію братствъ, уничтожить „многоэкзаршество“ („czwogogne monstrum“, по выражению Мелетія Смотрицкаго) и возстановить власть и значеніе Митрополита и Епископовъ. Попытка эта однако не удалась⁸⁸⁾.

Конецъ многоэкзаршеству положенъ былъ лишь со вступленіемъ на Кіевскій Митрополичій Престолъ Петра Могилы, который сталъ единымъ экзархомъ Кіевской Митрополіи и въ сущности независимымъ Главою Западно-Русской Церкви (номинально онъ признавалъ верховенство Константинопольского Патріарха; но, какъ увидимъ ниже, верховенство это было только номинальнымъ), добился сильнаго ограниченія автономіи ставропигіальныхъ братствъ и монастырей, рѣшительно боролся съ чрезмѣрнымъ расширеніемъ вліянія свѣтскихъ элементовъ въ церковной жизни и въ значительной степени возстановилъ авторитетъ и власть Митрополита и вообще нормальный порядокъ въ Западно-Русской Церкви.

X. ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ ВЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІЇ.

Съ вопросомъ объ участіи свѣтскихъ лицъ въ управлениі Церковью обыкновенно, особенно

88) См.: С. Т. Годубевъ. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила..., т. I, сс. 116—130 сл. вѣсколько подробнѣе ниже, въ д. XII.

въ послѣднее время, связываютъ вопросъ о такъ называемомъ „соборномъ началѣ“ въ Церкви (или, какъ теперь часто, но не совсѣмъ точно говорятъ, о „соборности“); хотя, въ сущности говоря, соборное управлѣніе Церковью само по себѣ еще не означаетъ участія мірянъ въ этомъ управлѣніи, т. к. соборы могутъ состоять изъ однихъ только духовныхъ лицъ (и такие соборы, какъ свидѣтельствуетъ исторія Церкви, были даже явленіемъ безусловно преобладающимъ, за исключеніемъ м. б. только первыхъ вѣковъ христіанства); да и въ тѣхъ соборахъ, на которыхъ міряне присутствовали, они часто не имѣли рѣшающаго голоса.—Вообще же, должно сказать, что—несмотря на оживленное обсужденіе вопроса о „соборномъ началѣ“ (или „соборности“ въ этомъ смыслѣ слова) въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ—вопросъ этотъ далеко не освѣщенъ надлежащимъ образомъ ни съ точки зрѣнія церковно-исторической, ни съ церковно-юридической, ни съ доктринальской⁸⁹⁾). Совершенно не

89) Двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, тоже въ пе-
ріодъ оживленныхъ преній о необходимости коренной реформы
въ церковномъ управлѣніи и о соборности, авторитетѣйший из-
слѣдователь русскаго церковнаго права проф. Н. С. Суворовъ
писалъ: „Большинство (стремящихся къ реформѣ) выдвигаетъ
„начало соборности, какъ нѣкій догматъ, отличающій православіе
отъ католицизма. На предсоборномъ присутствіи было выражено
вѣдоуміе относительно того, кѣмъ установленъ этотъ догматъ,
на чёмъ онъ основанъ и даже въ чёмъ онъ состоять. Недоумѣніе,
къ сожалѣнію, осталось неразъясненнымъ..., хотя оно требовало
разъясненій, потому что, какъ оказывается, соборность понимается
различно. Одни выраженіемъ начала соборности считаютъ со-
боры Архиереевъ, въ которыхъ, если и участвуютъ члены клира
и міряне, то лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Другіе желаютъ
проводить начало соборности снизу до верху, начиная съ прихода
и кончая всероссійскимъ соборомъ, который долженъ составлять

касаясь вопроса о „каноничности“ такъ называемаго „соборного начала“ въ управлениі Церковью, мы постараемся хоть слегка освѣтить вопросъ о, церковныхъ соборахъ съ точки зрѣнія исторической и историко-юридической, поскольку вопросъ этотъ касается нашей темы. Для насъ важно выяснить, прежде всего, составъ соборовъ, ихъ компетенцію, ихъ място въ устройствѣ церковнаго управления и взаимоотношенія съ другими органами церковной власти, затѣмъ състоятельства, приведшія къ той организаціи соборовъ, какая существовала въ рассматриваемый нами періодъ, и

са изъ Архіереевъ, изъ представителей отъ клира и отъ мирянъ, при чемъ всѣмъ предоставляется равное право голоса. Таль какъ Епископы на такомъ соборѣ всегда должны быть въ меньшинствѣ, то, очевидно, они не будутъ вершителями вопросовъ, обсуждаемыхъ на соборѣ, и не имъ будетъ принадлежать власть церковная. Субъектомъ власти долженъ быть соборъ (т. е. большинство собора)... Если прибавить къ этому, что, въ виду невозможности вычеркнуть изъ исторіи значеніе императорской власти равно какъ изъ исторіи періода вселенскихъ соборовъ вычеркнуть значеніе „другихъ факторовъ, не нравящихся „богословамъ“ — сторонникамъ „соборности“, ... „богословы наши ставится въ искушение или замалчивать исторические факты, или представлять ихъ въ невѣрномъ освѣщении, даже искажать, то въ результата получается прискорбный выводъ: то, что называется у насъ православіемъ, есть смѣщеніе взаимно-противорѣчивыхъ миѳній, а то, что по этому вопросу говорится разными богословами и любителями богословія, служитъ не созидательнымъ началомъ, а скорѣе источникомъ умственной и нравственной распущенности“... (Супровъ, оп. cit., с. 215—216). Эти строки написаны Суворовымъ 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ о „соборности“ говорили, писали и спорили много, даже и. б. слишкомъ много (пробовали воплотить идею „соборности“ также и въ церковномъ законодательствѣ и въ церковной жизни). Но о написанномъ о соборности можно сказать: *multum, sed non multa...* И сказанное Суворовымъ, съ весьма небольшими оговорками можетъ быть повторено и теперь; вопросъ о соборномъ началѣ все еще требуетъ серьезнаго разсмотрѣнія и изученія.

вліявшія на дальнѣйшее єя видоизмѣненіе, и, наконецъ, общее (религіозно-нравственное и бытовое) значеніе и вліяніе соборовъ въ жизни Церкви.

Къ тому времени, когда окончательно распространілось и утвердились христіанство въ восточно-славянскихъ земляхъ и когда, слѣдовательно, складывалась организація древне-русской (восточно-славянской) Церкви, т. е. къ XI—XII вв., ни въ Церкви Константинопольской, которая повидимому, была главнымъ образцомъ для Церкви Русской (восточно-славянской, объединявшей до XIV в. всѣ восточно славянскія племена), ни въ другихъ частныхъ Церквяхъ, которыхъ могли оказать то или иное вліяніе на устройство Русской Церкви, — соборного управлениія Церковью не было. Въ Византіи высшая власть въ Церкви въ то время принадлежала *Патріарху и императору*, причемъ императорское „блюстительство“ нерѣдко переходило надлежащія границы, приближаясь иногда къ дѣйствительному цезаропапизму (т. е. полному верховенству императора даже и въ дѣлахъ религіозно-церковныхъ, безусловно его вѣдѣнію не подлежащихъ); хотя, съ другой стороны въ Византіи были въ этотъ періодъ и моменты исключительного главенства Патріарха и даже попытки установленія „папоцезаризма“ (верховенства Патріарха въ свѣтскихъ государственныхъ дѣлахъ⁹⁰), напр. при Патріархѣ Михаилѣ Керуларіи. Во всякомъ случаѣ, *Патріаршие соборы* въ то время не составляли высшей церковной власти, созывались Патріархами, застѣдали подъ руководствомъ и надзоромъ Патріар-

90) Срв.: Суворовъ, оп. сіт.,—§§ 16, 29, 125 и др.

ха; постановленія ихъ утверждались Патріархомъ. Патріаршіе соборы состояли главнымъ образомъ изъ Епископовъ, точнѣе преимущественно изъ Митрополитовъ и Архіепископовъ. Обычно на византійскихъ Патріаршихъ соборахъ изъ числа Митрополитовъ и прочихъ Епископовъ присутствовали только Епископы, непосредственно подвѣдомые Патріарху, затѣмъ Митрополиты и Епископы титуллярные (т. е. не управлявшіе никакой митрополіей или епархіей, а только имѣвшіе титулъ митрополита и занимавшіе административныя должности при Патріархѣ или вообшѣ состоявшіе при немъ) и, наконецъ, тѣ Митрополиты и Епископы (даже изъ другихъ патріархатовъ), которые случайно въ то время пребывали въ столицѣ. Правящіе же Митрополиты и Архіепископы вызывались Патріархами на соборы весьма рѣдко. Дѣлалось это, повидимому, главнымъ образомъ для удобства правящихъ Архіереевъ, чтобы не затруднять ихъ и не отрывать отъ ихъ непосредственныхъ обязанностей. Участіе Епископовъ въ Патріаршихъ соборахъ, такимъ образомъ, разсматривалась скорѣе, какъ довольно обременительная обязанность, а не какъ право. Епископы въ Византіи въ разсмотриваемое нами время весьма неохотно являлись на соборы. Константинопольскій Патріархъ Алексій въ 1028 г. пытался ввести, правда, въ видѣ временной мѣры болѣе частые и регулярные Патріаршіе соборы Митрополитовъ и Епископовъ, не только титуллярныхъ, но и правящихъ; но эта попытка долго не продержалась. — Кроме Епископовъ, въ составъ Патріаршихъ соборовъ входили обычнѣо также высшія должностныя лица Патріаршаго правительства, часто не имѣвшія

епископского, а иногда даже и вообще духовнаго сана, экзокатакилы (хартофилаксъ, великій экономъ, протекдикъ, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, сакеллій) и нѣк. др.; причемъ нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ играли весьма важную роль на соборахъ, напр. хартофилаксъ (несмотря на то, что большую частью былъ только діакономъ), впослѣдствіи также протекдикъ и синкеллы (по первона-чальному и буквальному смыслу этого слова съ-жители и наблюдатели за домашнею жизнью Патріарха, а въ позднѣйшемъ значеніи самые вліятельные, вслѣдствіе ихъ близости, помощники и даже замѣстители Патріарха въ дѣлахъ управлениі); внѣшнимъ образомъ важное значеніе этихъ должностныхъ лицъ въ дѣлахъ соборовъ выражалось въ томъ, что они, въ какомъ бы санѣ не были, садились обычно выше Архіереевъ. Патріаршіе соборы составляли церковно-административную и судебную инстанцію, высшую надъ Митрополитами, Епископами и провин-ціальными соборами, устанавливали руководящія церковно административныя нормы и постанов-ляли сами рѣшенія по важнымъ церковно-адми-нистративнымъ вопросамъ. Впрочемъ, компетен-ція ихъ въ значительной степени опредѣлялась волею императора и Патріарха, вносившихъ не-рѣдко по своей инициативѣ тѣ или другіе вопро-сы на обсужденіе Патріаршаго собора. Въ общемъ, византійскіе Патріаршіе соборы были важ-нымъ вспомогательнымъ органомъ Патріаршаго правительства (поэтому вполнѣ естественно яв-ляется значительная роль должностныхъ лицъ на этихъ соборахъ).—Кромѣ соборовъ Патріаршихъ, въ Византіи существовали также соборы провинци-

альные или митрополитанскіе, собиравшіеся изъ Епископовъ Митрополіи подъ руководствомъ мѣстнаго Митрополита. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ эти провинціальные соборы рѣшали вопросы о такихъ важныхъ церковно-административныхъ мѣропріятіяхъ, какъ учрежденіе новыхъ епископій, перемѣщеніе Епископовъ съ одной каѳедры на другую, составляли высшую административную и судебную инстанцію по дѣламъ, рѣшеннымъ епархіальными Епископами (но не Митрополитъ; на рѣшенія Митрополита можно было апеллировать только къ Патріарху, императору или къ Патріаршему собору) и судили самихъ Епископовъ (но опять-таки, конечно, не Митрополитовъ). Въ провинціальныхъ соборахъ, подобно тому, какъ и въ Патріаршихъ, принимали дѣятельное участіе мѣстныя должностные лица (картофилаксъ, экономъ и проч.), далеко не всегда имѣвшія епископскій санъ. Но, въ противоположность Патріаршимъ соборамъ, на которыхъ обычно не требовалось присутствія всѣхъ Митрополитовъ, въ провинціальныхъ соборахъ предписывалось принимать участіе всѣмъ Епископамъ митрополіи. Митрополитъ долженъ былъ, по каноническимъ предписаніямъ созывать всѣхъ Епископовъ своей митрополіи на провинціальный соборъ два раза въ годъ (Апост. пр. 37, 1 всел. соб. пр. 5; 4 всел. соб. пр. 19, Антіок. соб. пр. 20; 6-й вселенскій соборъ сократилъ это требованіе до одного раза въ годъ; пр. 8). Митрополитъ, по выраженію канонического правила (Антіок. соб. пр. 9), начальствуетъ въ митрополіи и имѣть попеченіе о всей области; посему разсуждено, чтобы онъ и честію преимуществовалъ и чтобы прочіе Епископы ничего особенно важнаго не

дѣлали безъ него, точно также, какъ и онъ, въ свою очередь, не долженъ дѣйствовать безъ согласія прочихъ Епископовъ, т. е. онъ долженъ созывать соборы, на которыхъ подъ его предсѣдательствомъ должны решаться важные вопросы.—Но, такъ какъ съ теченіемъ времени Епископы стали тяготиться явкой на соборы и уклоняться отъ участія въ нихъ, провинціальные соборы въ значительной степени утратили свое значеніе⁹¹⁾. Подобно Патріаршимъ соборамъ Митрополитовъ и нѣкоторыхъ Епископовъ въ патріархатахъ и провинціальнымъ или митрополитскимъ соборамъ Епископовъ по митрополіямъ въ каждой епархіи должны были собираяться ежегодно епархіальные съѣзды или соборы пресвитеровъ, но эти съѣзды имѣли преимущественно служебное значеніе. Вмѣсто того, правительственное значеніе въ епархіальномъ управлениі имѣли „соборы“ пресвитеровъ, состоявшихъ при Епископѣ или при его каѳедрѣ, соответствующіе отчасти западнымъ капитуламъ. Но съ теченіемъ времени, а именно, по всей вѣроятности во второй половинѣ X-го или въ первой пол. XI го вѣка, и эти каѳедральные „соборы“ пресвитеровъ замѣнились чиновниками изъ пресвитеровъ или преимущественно (а впослѣдствіи, кажется, и почти исключительно) изъ діаконовъ.

Такимъ образомъ, соборы въ Константинопольской Церкви да и вообще на Востокѣ въ ту эпоху, когда складывалась организація нашей Церкви (въ XI—XII вв.) были почти исключитель-

91) Срв. Суворовъ, оп. cit., §§ 18, 14 и др.; Е. Е. Голубинскій. Ист. Рус. Церкви, т. I, пол. 1, изд. 1, сс. 286, 239—241, 257 и др.

но соборами духовныхъ лицъ (преимущественно Епископовъ), находились въ подчиненномъ положениі, засѣдали подъ руководствомъ и надзоромъ высшихъ іерарховъ; рѣшенія ихъ утверждались этими же іерархами; участники тяготились обязанностью являться на соборы и нерѣдко уклонялись отъ участія. Очевидно, что и въ Русской Церкви, которая организовалась на подобіе Византійской, соборы должны были играть подобную же подчиненную роль, и значеніе ихъ въ церковной жизни древней Руси, очевидно, должно было быть весьма небольшимъ.

Кромѣ Византіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ канонистовъ, на организацію и право древне-русской Церкви оказала вліяніе также Церковь Западная (Римская). Но, если только такое вліяніе имѣло мѣсто въ области церковной организаціи древней Руси, то до начала XV стол. оно не могло содѣйствовать развитію соборнаго начала въ церковномъ управлѣніи на Руси, т. к. въ Западной Церкви соборы имѣли въ то время еще меньше значенія и находились въ еще болѣе подчиненномъ положениі, чѣмъ въ Византіи. На Западѣ какъ разъ въ XI—XIII вв. наступилъ періодъ наибольшаго усиленія папской власти; правда, съ нею въ это время упорно боролись императоры, а затѣмъ французскіе короли, но не соборы. Развитіе соборнаго начала въ Западной Церкви относится ко времени уже болѣе позднему, къ началу XV ст. 92).

92) Изъ другихъ Церквей, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ (Приселковъ, Томашинскій, Патріархъ Киріонъ), весьма важную роль въ исторіи Русской Церкви сыграли Церкви Болгарская и Грузинская. Болгарская Церковь, дѣйствительно, сыграла значительную роль въ дѣлѣ распространенія христіанства на Руси

Въ древне-русской Церкви соборы, — какъ мы уже отмѣчали выше⁹³⁾, — несомнѣнно, собирались, но значеніе и роль ихъ въ церковномъ управлѣніи были, повидимому, весьма не велики, повидимому, даже значительно меньшія, чѣмъ въ Византіи того времени. Собственно говоря, въ древне-русской Церкви, какъ въ Митрополіи, согласно каноническимъ правиламъ⁹⁴⁾, должны были собираться ежегодные митрополитанскіе соборы Епископовъ. Но, — какъ замѣчаетъ Голубинскій, — „къ величайшему сожалѣнію, надлежитъ думать, что наша Русская Церковь съ самаго древнѣго времѣни подлежитъ укору въ несоблюденіи этого весьма важнаго предписанія каноническихъ правиль о митрополичихъ ежегодныхъ соборахъ... Необходимо думать, что у насть не было введено и не существовало въ до-монгольскій періодъ обычая ежегодно и регулярно собирать предписанные каноническими правилами соборы Митрополіи или иначе всей Русской Церкви..., ибо на существованіе обычая такихъ ежегодныхъ соборовъ мы не находимъ рѣ-

въ X в. (хотя Приселковъ и Томашивскій роль Болгарской Церкви сильно преувеличиваются), но на организацію управлѣнія Русской Церкви едва ли могла оказать влияніе, т. к. уже въ нач. XI в. подчинена была греками. Впрочемъ, и въ періодъ существования въ Болгаріи національной и независимой Церкви, организація ея была подобна византійской (а если и могли быть какія-нибудь уклоненія отъ византійского образца, то разъѣ въ подражаніе Западу). — Еще менѣе вѣроятнымъ представляется влияніе на организацію Русской Церкви со стороны Грузіи, т. к. влияніе Закавказья, весьма сильное на Руси въ IX и нач. X ст., затѣмъ совершенно ослабѣло. Впрочемъ, и въ основѣ грузинской церковной организаціи лежали византійские принципы.

93) См. выше: гл. II („Воскр. Чт.“, № 22).

94) 4 всел. соб. пр. 19; Антіох. соб. пр. 20; 6 всел. соб. пр. 8.

шительно никакихъ указаний ни въ лѣтописяхъ ни въ какихъ-либо памятникахъ до монгольского периода... Мы знаемъ, что и въ Греціи въ позднѣйшее время Епископы весьма неохотно являлись на эти соборы, которые слишкомъ ограничивали ихъ власть; тѣмъ болѣе, это должно было случиться у насъ, гдѣ въ дальности епископій огь митрополіи существовалъ, до нѣкоторой степени, основательный предлогъ уклоняться отъ сихъ соборовъ, и гдѣ, какъ положительно свидѣтельствуетъ намъ Митрополитъ Іоаннъ II въ такъ называемомъ правилѣ черноризцу Іакову, Епископы уклонялись отъ соборовъ и не ежегодныхъ...⁹⁵⁾). При такомъ отношеніи Епископовъ къ митрополитанскимъ соборамъ въ древней Руси, эти соборы, конечно, не могли пріобрѣсти сколько нибудь значительного вліянія на церковное управлѣніе и вообще на церковную жизнь древней Руси; а права и функции митрополитанскихъ соборовъ усвоены были, естественно, другими органами власти церковной и государственной—отчасти Митрополитами (кіевскими), отчасти Константинопольскими Патрархами, отчасти Епископами, а отчасти даже князьями.

95) „Иже не послушають Епископи своего Митрополита совокуплятися призываєміи отъ него соборъ сотворити, иже (такъ какъ) вітвощаща посварити ихъ отеческимъ наказаніемъ“ („Русскія Достопам.“, т. I, с. 102; Митроп. Макарій, Исторія Русской Церкви, т. II², с. 376). Голубинскій полагаетъ, что „по самому образу выраженія“ здѣсь слѣдуетъ „разумѣть соборы не ежегодные, а созываемые по мѣрѣ нужды“. (Голубинскій, Ист. Рус. Церкви, т. I, п. 1, с. 256—257). Какъ бы то ни было, въ приведенныхъ словахъ древне-русского Митрополита мы находимъ несомнѣнное свидѣтельство, повидимому, о болѣе или менѣе обычномъ уклоненіи древне-русскихъ Епископовъ отъ митрополитанскихъ соборовъ.

Изъ исторіи древней Руси (до-монгольского периода) мы знаемъ, собственно, только два достовѣрныхъ и одинъ вѣсма сомнительный случай, когда соборъ Епископовъ игралъ какъ-будто важную, выдающуюся роль въ древне-русской Церкви. Мы имѣемъ въ виду случаи посвященія на Киевскій Митрополичій Престолъ Иларіона (1051 р.) и Клиmentа Смолятича (1147 г.) и вѣсма сомнительный (по общему мнѣнію ученыхъ, едва-ли не вымышленный въ XVII ст.) .Кievskій соборъ противъ ерет. Мартына (созывавшійся будто-бы въ 1157 г. 96). Но лѣтописныя свѣдѣнія о постановлѣніи Митрополитовъ Иларіона и Клиmentа настолько скучны и неясны, что мы не можемъ сказать съ увѣренностью, были ли эти два самостоятельныя поставленія Митрополитовъ нашими Епископами — дѣяніями собора, или оба эти Митрополита были наручены самыми князьями, а участіе Епископовъ выражалось только въ посвященіи по приказанію великаго князя, безъ соборнаго сужденія; мы не можемъ даже утверждать, были ли ссызываемы въ 1051 и 1147 гг., при постановлѣніи названныхъ Митрополитовъ, соборы Епископовъ для сужденій о церковныхъ дѣлахъ вообще или о постановлѣніи Митрополита въ частности; особенно мало свѣдѣній у насъ о постановлѣніи Иларіона 97); о по

96) Срв.: Голубинскій, Ист. Русской Церкви, т. I, вол. 2, с. 688.

97) „Въ ято 6559 постави Ярославъ Ларіона Митрополитомъ Руси въ святой Софіи, собравъ Епископы“ — вотъ и все, то мы знаемъ о самомъ постановлѣніи. Выраженіе „собравъ Епископы“ можно понимать различно, и степень участія Епископовъ въ постановлѣніи Иларіона остается неизвѣстной. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что рѣшающаia роль въ этомъ случаѣ принадлежала князю.

ставлениі Клима Смолятича пишется въ лѣтопи-
сяхъ какъ-будто немнogo больше, но не
ясно, т. ч. въ концѣ концовъ мы и о степени
участія Епископовъ въ поставлениі Клима ничего
вполнѣ точнаго и опредѣленнаго сказать не мо-
жемъ⁹⁸⁾. А priori съ увѣренностью можно утвер-
ждать, что въ обоихъ случаяхъ самостоятельна-
го поставлениія Митрополита на Руси князья Кіев-
скіе имѣли совѣщанія по этому поводу съ нѣко-
торыми Епископами и, можетъ быть, нѣкоторы-
ми другими духовными лицами; но, самое мень-

98) Свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи очень кратко: „Въ лѣто 6655 Изѧславъ поставилъ Митрополита Клима калугера Русина, особа съ шестью Епископы, мѣсяца юля въ 27, на память святаго Царелейиона“. Ипатьевская лѣтопись пишетъ нѣсколько подробнѣе: „Въ то же (6655) лѣто поставилъ Изѧславъ Митрополитомъ Клима Смолятича, выведь изъ Заруба“... Ипатьевская лѣтопись разсказываетъ далѣе объ участіи пяти Епископовъ (перечисляя ихъ) въ посвященіи Клима и о протестѣ другихъ Епископовъ, въ частности Нифонта противъ поставлениія Клима Изѧславомъ, безъ сношеній съ Константино-польскимъ Патріархомъ По Ипатьевской лѣтописи, какъ-будто соборъ Епископовъ въ 1147 г. созывался и обсуждалъ вопросъ о поставлениі Клима Митрополитомъ; однако сообщеніе Ипатьев-ской лѣтописи объ этомъ такъ пеясно и сомнительно, что изъ него нельзя сдѣлать никакого надежнаго и опредѣленнаго вы-вода. „Ипатьевская лѣтопись, какъ замѣчаетъ Голубинский, какъ будто представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Епископы, несогласные на поставленіе Климента, протестовали на соборѣ. Но Новгородская 1-ая лѣтопись, весьма подробная о своемъ новгородскомъ Епископѣ Нифонѣ, бывшемъ противъ поставлениія Климента, ничего не говоритъ о его путешествіи въ Кіевъ 1147 года, и слова, съ которыми Ипатск. лѣтопись заставляетъ Нифонта обращаться къ Клименту какъ-бы на соборѣ, могли бытъ говоримы только уже послѣ того, когда Климентъ былъ посвященъ. Само по себѣ непонятно, за чѣмъ Епископы, несогласные на по-священіе Климента прибыли бы на соборъ (и даже — какъ были бы пущены на него), и Нифонъ, если бы былъ на немъ, долженъ бытъ попасть въ заточеніе тотчасъ послѣ него“ (Голубинский, Ист. Рус. Ц., т. I, пол. 1, с. 265).

шее, весьма сомнительно, чтобы эти совѣщанія имѣли форму и характеръ соборовъ. Въ концѣ концовъ, въ обоихъ случаяхъ поставленіе Митрополитовъ зависѣло собственно отъ князей, канъ и указываютъ лѣтописи (.постави Ярославъ Ларіона"..., „постави Изяславъ Митрополитомъ Клима Смолятича..."⁹⁹). — Въ общемъ, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, приходится признать, что компетенція и дѣятельность соборовъ Епископовъ въ древней Руси были весьма незначительны. Важнѣйшіе церковно-законодательные и церковно-административные акты, какъ напр. учрежденіе новыхъ епископій, изданіе церковныхъ уставовъ и другихъ церковно-законодательныхъ актовъ, происходили помимо соборовъ;

99) Мы остановились нѣсколько подробнѣе на постановлѣніи Иларіона и Климента на Митрополичій Престоль, въ виду попытки нѣкоторыхъ публицистовъ и „церковныхъ дѣятелей“ истолковать эти случаи, какъ проявленіе демократическихъ, „соборныхъ“ и выборныхъ основъ въ церковной жизни на Украинѣ, развившихся моль влосіїствіемъ въ XV-XVII вв. (На эти „прецеденты“, особенно на посвященіе Климента, ссылаются и „липковцы“, ища оправданія для „демократического“ кощественаго посвященія“ или бѣзъ участія Епископовъ, священниками и мірянами (!) псевдо-епископовъ этой секты, лицемѣрно выдающей себя за „Украинскую Правосл. Автокеф. Церковь“). Толкованіе однако совершенно произвольное. Если даже допустить, что Митрополиты Иларіонъ и Климентъ поставлены были по обсужденіи вопроса объ ихъ поставленіи—на соборѣ Епископовъ и по опредѣленію этого собора,—не слѣдует забывать, что: 1) участіе въ этихъ соборахъ (поскольку они были) принимали только Епископы и князь, и 2) нареченіе кандидата, самый созывъ собора и проч. исходили отъ князя, игравшаго въ обоихъ этихъ случаяхъ безусловно главную роль Никакого „демократизма“, конечно, въ постановлѣніи Митрополитовъ Иларіона и Климента обнаружить невозможно; скорѣе, наоборотъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ можно усматривать зачатки цезаропапизма.

главными дѣятелями церковнаго управлениія и чуть-ли не исключительными дѣятелями церковнаго законодательства въ древней Руси были Митрополиты, отдѣльные Епископы, князья, но не соборы.

Кромѣ соборовъ Епископовъ, были въ древней Руси, какъ мы уже упоминали выше (гл. II), епархіальные съѣзды или „соборы“ священниковъ, собиравшіеся, большою частью, въ „сборное воскресеніе“ (1-е воскресеніе вел. поста), главнымъ образомъ, кажется, для преподанія священникамъ распоряженій и наставлений Епископами и для контроля надъ священниками. Органомъ церковно-административной власти эти съѣзды въ древней Руси, повидимому, не были совсѣмъ. (Мѣстными, епархіальными органами, содѣйствовавшими Епископамъ въ епархіальномъ управлениі въ древней Руси были, повидимому, кѣрылосы, соответствующіе приблизительно западнымъ капитуламъ, учрежденія такъ сказать духовно-чиновническія).

Нѣсколько большее значеніе пріобрѣтаютъ соборы на Руси, повидимому, начиная со 2-й пол. XIII в. Такъ, напр., въ 1274 г. соборъ Епископовъ во Владимірѣ (на Клязьмѣ) подъ руководствомъ Митрополита Кирилла Руцина одобрилъ нѣсколько церковныхъ правилъ Митрополита Кирилла, направленныхъ къ укрѣплению расшатанной церковной дисциплины. Но соборъ этотъ единственный соборъ (въ древней Руси), занимавшійся установлениемъ церковнаго порядка, какъ подчеркиваетъ проф. Н. С. Суворовъ, носилъ случайный характеръ. Соборъ этотъ имѣлъ мѣсто послѣ разгрома русской земли татарами, при такихъ

обстоятельствахъ, когда уничтоженная княжеская власть не могла принять участія въ его дѣятельности и вообще въ оздоровлениі церковной жизни. Митрополитъ, собственно, не собиралъ даже ссобора въ настоящемъ смыслѣ слова, для установленія церковно-дисциплинарныхъ правилъ, а просто воспользовался собраніемъ нѣсколькихъ Епископовъ во Владимірѣ въ 1274 г. для постановленія Епископа владимірскаго, чтобы установить нѣсколько правилъ. Выработанные въ 1274 г. пра-
пила древность даже и не приписы-
вала владимірскому собору, а вно-
сила въ сборники (кормчія, „мѣрила пра-
ведныя“) подъ названіемъ правила
Митрополита Кирилла¹⁰⁰⁾. Но все же за-
служиваетъ вниманія то обстоятельство, что, въ
виду паденія княжескаго авторитета и власти,
для приданія большей силы церковнымъ прави-
ламъ, Митрополитъ призналъ необходимымъ по-
лучить одобрение ихъ со стороны, хотя и слу-
чайно собраннаго, собора Епископовъ.

Болѣе значительное развитіе „соборнаго
начала“ въ церковномъ управлениі въ Кіевской
Митрополіи и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое про-
никновеніе на соборы свѣтскаго элемента (кромѣ
княжескаго участія) относится уже къ XV—XVI
в. и стоитъ въ связи отчасти съ соціально-поли-
тической эволюціей украинскихъ и бѣлорусскихъ
земель, отчасти же съ развитіемъ соответствую-
щихъ идей на Западѣ, сначала въ католичествѣ,
а затѣмъ въ протестантствѣ.

100) Суворовъ, оп. сіт., с. 178.

Соединеніе большей части украинскихъ и бѣлорусскихъ земель къ концу XIV ст. въ т. наз. великому княжеству Литовскомъ и фактическое перенесеніе столицы Кіевской Митрополіи въ Москву, часто враждовавшую съ „Литвой“ и конкурировавшую съ нею въ „собираніи“ восточнославянскихъ земель, естественно выдвинули вопросъ о раздѣленіи древне-русской Митрополіи на двѣ, о созданіи Западно-Русской Митрополіи, особой отъ Москвы. Эту задачу и попытался, какъ мы знаемъ, выполнить Витовтъ, который собственно и былъ создателемъ Литовско-Русского государства, какъ нѣкоего цѣлаго (т. к. до Витовта связь отдѣльныхъ княжествъ вел. княжества Литовского была очень слабая: это была не то конфедерация, Staatenbund, не то т. наз. civitas composita, Staatenstaat, но не настоящее единое государство; срв. выше: начало гл. V). Но созданіе особой Западно-Русской Митрополіи — и притомъ независимой отъ Патріарха Константинопольскаго не могло быть произведено Витовтомъ, какъ по соображеніямъ тактическимъ, такъ и вслѣдствіе того, что самъ онъ былъ католикъ и, следовательно, не могъ выступать въ роли „эпистимонарха“ Православной Церкви, а съ другой стороны объединяемое имъ государство, несмотря на сильные удары, нанесенные Витовтомъ самостоятельности и особности отдѣльныхъ западно-русскихъ княжествъ, все-таки еще было скорѣе государствомъ федеративнымъ, чѣмъ унитарнымъ и Витсвту приходилось считаться съ голосомъ зависѣвшихъ отъ него князей и вельможъ. Въ виду всего этого Витовтъ и „учинилъ Митрополита с боромъ на Кіевскую Митрополію, чтобы русская честь вся стояла на

своей землѣ"... Къ участію въ учрежденіи автокефальной Западно-Русской Митрополіи Витовтъ привлекъ западно русскихъ Епископовъ, а также „всѣхъ князей Литовскихъ и Русскихъ (т. е., конечно, зап.-русскихъ—украинскихъ и бѣлорусскихъ) земель ...и бояръ, и вельможъ, архимандритовъ же и егumenовъ и благоговѣйныхъ иконъ“. Это было нѣчто новое, дотолѣ небывалое въ жизни нашей Западно-Русской Церкви 101) и чуть ли не наносное (перенесенное на западно-русскую почву съ Запада).

Не настаивая рѣшительнымъ образомъ, мы считаемъ однако необходимымъ обратить вниманіе на близость по времени, подобіе въ цѣляхъ и формахъ и весьма вѣроятную связь нашего собора въ Новогрудкѣ, создавшаго независимую, „національную“ Западно-Русскую Церковь, и на-

101) Даже Г. И. Маркевичъ, который такъ настойчиво подчеркиваетъ „демократическія начала“ въ церковномъ управлении Киевской Митрополіи и работой которого охотно пользуются новѣйшіе „демократическіе“ авторы, признаетъ, что „способъ избранія первого Митрополита юго-западной Митрополіи, хотя наиболѣе соотвѣтствовалъ характеру и общему желанію и настроенію южно-руssкаго народа православнаго, однако не имѣлъ за собою ни права давности, ни другихъ какихъ-либо привилегій и потому не могъ сдѣлаться неизмѣннымъ, ненарушимымъ правиломъ...“ (Маркевичъ, Выборное начало..., с. 61). Оставляя въ сторонѣ ни на чёмъ не основанную болтовню о „соотвѣтствіи характеру и общему желанію и настроенію южно-руssкаго народа православнаго избранія Митрополита по волѣ и приказу князя иновѣрца и при нѣкоторомъ участіи свѣтской аристократіи и части духовныхъ особъ“ (таковое имѣло мѣсто въ 1415 г.), слѣдуетъ признать безусловно правильнымъ указаніе Маркевича на новизну акта 1415 г., отсутствіе всякихъ подобныхъ ему precedentовъ и историческихъ основъ въ прошломъ Западно-Русской Церкви и вытекавшую изъ всего этого случайность и недолговѣчность указанного акта.

ціональнихъ и „соборническихъ“ теченій въ Западной Церкви въ нач. XV в., выразившихся, между прочимъ, въ соборахъ Пизанскомъ (1409 г.) и Констанцкомъ (1414—1418 г.). На этихъ западныхъ (католическихъ) соборахъ между прочимъ весьма сильно проявились: 1) стремленіе сдѣлать соборъ въ Католической Церкви высшимъ органомъ церковной власти (который могъ бы и самого папу вразумлять, наказывать и низлагать); 2) національные тенденціи, ведшія къ церковному обособленію отдѣльныхъ западно-католическихъ государствъ, къ установлению церковной независимости отдѣльныхъ странъ отъ римского папы (оссбенно ярко эти тенденціи проявились на Констанцкомъ соборѣ, разбившемся на „нації“; нѣсколько позже эти національно-центробѣжные стремленія привели въ Франціи къ прагматической санкціи Карла VII, установившей т. н. *libertés de l'Eglise gallicane*, и даже къ проектамъ совершенно независимаго „галликанскаго патріархата“; въ Германіи—къ Майнцкому закону, аналогичному французской прагматической санкціи, и т. д.); 3) участіе свѣтскихъ лицъ, представителей крупныхъ и мелкихъ владѣтелей, въ томъ числѣ даже бароновъ, пользовавшихся, правда, при вынесеніи соборныхъ рѣшеній лишь совѣщательнымъ голосомъ; вліяніе на соборахъ, особенно Констанцкомъ; 4) громадное вліяніе свѣтскихъ властителей (сильно проявившееся хотя и не непосредственно и на Констанцкомъ соборѣ, и особенно послѣ него, напр., въ прагматической санкціи Карла VII, по которой король усваивалъ себѣ право созыва соборовъ, церковнаго законодательства и выс-

шай церковно-правительственной власти, право утверждения папскихъ булль, безъ котораго онъ не имѣли значенія для Франціи, право кассированія рѣшеній и распоряженій церковно-должностныхъ органовъ и т. д.).

Считаемъ весьма вѣроятнымъ, что мысль о созывѣ Новогрудского собора и сбразованіи при его содѣйствіи независимой національной Западно-Русской Митрополіи могла явиться у Витовта и его сотрудниківъ подъ вліяніемъ западныхъ національно-соборническихъ ідей, широко распространившихся въ то время. Самый составъ новогрудского собора не особенно отличался отъ западныхъ, католическихъ соборовъ того времени. Главную, рѣшающую роль все-таки и тамъ и здѣсь, повидимому, *de jure* должны были играть Епископы; князья, вельможи и бояре, участвовавшіе въ Новогрудскомъ соборѣ, соотвѣтствовали, въ сущности, по своему соціально-политическому положенію въ странѣ, западно-европейскимъ феодаламъ, получившимъ *de facto* весьма большое вліяніе на дѣла реформаціонныхъ западныхъ соборовъ. Стремленія при помоши и при посредствѣ собора освободить свои государства отъ иностранной церковной власти и иностранного вліянія вообще, создать національные независимыя Церкви и установить въ нихъ сильнѣйшее вліяніе свѣтской государственной власти—проявляются и на западныхъ соборахъ нач. XV в. и во всей церковной политикѣ западно-европейскихъ государей того времени, и на нашемъ Новогрудскомъ соборѣ и вообще въ церковной политикѣ Витовта.

Впрочемъ, хотя Новогрудскій соборъ по существу былъ лишь исполнителемъ воли Витовта,

онъ сдѣлался исходнымъ моментомъ въ развитіи „соборного начала“ въ управлениі въ Западно-Русской Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со времени Новогрудского собора иногда (хотя сначала, по-видимому, и весьма рѣдко), начали принимать участіе въ зап. русскихъ общемитрополитанскихъ соборахъ, кромѣ Епископовъ, и другія духовныя лица, главнымъ образомъ, архимандриты и игумены значительнѣйшихъ монастырей, и даже свѣтскія лица (князья, вельможи, бояре или, по позднѣйшей терминологіи, паны).

Послѣ Новогрудского собора въ Западно-Русской Церкви возрастаєтъ постепенно и значеніе соборовъ и расширяется ихъ компетенція, быть можетъ, не безъ вліянія католического Запада, на которомъ въ XV ст. соборы играли весьма значительную роль и вліяніе котораго на Украину и Бѣлоруссію въ XV в. было несомнѣнно велико (тѣмъ болѣе, что нѣкоторое время послѣ Флорентійского собора Западно-Русская Церковь находилась въ унії съ Церковью Римско-Католической 102).

Если вѣрить въ подлинность грамоты Митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV (1476г.), то слѣду-

102) „Соборное начало“ въ церковномъ управлениі развивается въ XV—XVI в. и въ Московскомъ государствѣ, быть можетъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ и по примѣру Зап.-Русской Церкви; впрочемъ, въ Московскихъ Соборахъ отчасти видно и непосредственное подражаніе Константинополью (Соборы „изъ прилучившихся епископовъ“. подобіе константинопольского съущество). Московский Соборъ 1448 г. поставившій Митр. Иону, весьма вѣроятно, былъ созданъ и дѣйствовалъ по примѣру новогрудского, поставившаго Митр. Гр. Цамблака; Столичный соборъ отчасти б. м. былъ подобіемъ Виденского 1509 г. Во всякомъ случаѣ въ Москвѣ соборы стали постоянніми, значительно расширили свою компетенцію и играли большую роль, чѣмъ соборы Зап.-Русской Церкви.

есть предполагать, что передъ высылкой посольства Мисаиломъ къ папѣ съ этою грамотой, по всей вѣроятности, созывался соборъ съ участіемъ архимандритовъ и нѣкоторыхъ священниковъ, а также и нѣкоторыхъ князей и пановъ, именами которыхъ подписьана эта грамота¹⁰³⁾.

Далѣе, довольно важнымъ соборомъ въ исторіи Западно Русской Церкви былъ *Виленскій* 1509 г., постановленія которого направлены главнымъ образомъ къ регулированію замѣщенія церковныхъ должностей, ограниченію произвола „патронаў“ и усиленію значенія Епископовъ при назначеніи и удаленіи священнослужителей.

Иногда и епархіальные съѣзды или соборы священниковъ, игравшіе большою частью подчиненную роль и не имѣвшіе обычно ни церковно-законодательныхъ ни правительственныхъ функций, стали выполнять функции церковно-административного органа. Такъ, напр., когда въ 1539 г. была учреждена львовская епіскопія (взамѣнъ давно закрытой галицкой), первый львовскій Епіскопъ Макарій Тучанскій въ томъ же 1539 г. созвалъ епархіальный соборъ священниковъ, на которомъ, между прочимъ, решено было учредить во львовской епархіи, по образцу другихъ зап.-русскихъ епархій, клиросъ (Ак. Ю. и З. Р., т. I, № 103 и 118).

По сравненію съ періодомъ до-монгольскимъ, въ періодъ „литовско-польской“ соборное начало

108) Большинство изслѣдователей новаго времени признаетъ эту грамоту подлинной; однако вѣкоторые авторитетные ученые сильно сомнѣваются въ ея подлинности, или даже, какъ напр. С. Т. Голубевъ, даже прямо считаютъ ее подложной, составленной въ нач. XVII в. Въ XVII ст. православные считали эту грамоту подложной.

въ церковномъ управлениі на Українѣ и въ Бѣлоруссіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые моменты, получило большее значеніе и болѣе широкое развитіе. Однако, не выработалось никакихъ ни писаныхъ ни неписаныхъ нормъ, которые опредѣляли бы время созыва, компетенцію, права, значеніе, составъ и порядокъ зап.-русскихъ церковныхъ соборовъ.

Въ общемъ, организація соборовъ въ Зап.-Русской Православной Церкви не достигла въ XV—XVII вв. даже такого развитія какъ въ Митрополіи (позднѣйшемъ Патріархатѣ) Московской. Въпреки хѣдящему мнѣнію, о „неразвитости“ соборного начала въ Московской Руси, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, въ дѣйствительности, въ Московскомъ государствѣ, „соборное начало“ въ церковномъ управлениі, хотя утвердилось и нѣсколько позже (и даже, можетъ быть, отчасти по образцу и подъ вліяніемъ Западно-Русской Церкви), вылилось въ болѣе опредѣленныя и постоянныя формы и имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ въ зап.-русскихъ земляхъ. Сравнимъ хотя бы напр., дѣятельность наиболѣе важныхъ соборовъ XVI в., занимавшихся церковнымъ законодательствомъ: зап.-русскаго—*Виленскаго* 1509 г. и Московскаго—*Стоглаваго* 1551 г., и мы увидимъ, насколько шире, значительнѣе и плодотворнѣе была дѣятельность Московскаго собора. Постановленія Стоглаваго собора вошли въ жизнь и соблюдались въ Московскому государствѣ; постановленія Виленскаго собора 1509 г. остались въ сущности „благими пожеланіями“. Подобнымъ же образомъ, подтвержденное (а съ формальной точки зрѣнія учрежденное) Новогрудскимъ соборомъ установление независимой, национальной Зап.-Русской Мит-

рополії оказалось весьма непрочнымъ (независимая Зап.-Русская Митрополія просуществовала всего около трехъ лѣтъ!); наоборотъ на Московскому соборѣ 1448 г. независимая, национальная великорусская Митрополія, преобразованная впослѣствіи въ Патріархатъ и т. д., непрерывно существуетъ донынѣ. Конечно, въ Великорусской Церкви „соборное начало“ въ управлениі (въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно обычно употребляется въ наши дни) не было господствующимъ: надъ соборами возвышались Митрополитъ, впослѣствіи Патріархъ, и фактически также великій князь, впослѣствіи царь московскій; но и глава Великорусской Церкви и глава Московскаго государства все-таки считали необходимымъ передавать всѣ важнѣйшія церковныя дѣла на обсужденіе и рѣшеніе соборовъ и, большею частью, соборныя постановленія строго соблюдали. Въ Западно-Русской Церкви въ XV-XVI ст. соборы были, можно сказать, почти случайнымъ явленіемъ; и Митрополитъ, и отдельные епископы, и „патроны“, и монархъ-иновѣрецъ, и впослѣствіи братства — имѣли, въ сущности, въ Зап.-Русской Церкви гораздо большее значеніе, чѣмъ соборы; а постановленія зап.-русскихъ соборовъ иногда вовсе какъ бы игнорировались, иногда признавались тѣми, кому они казались правильными или желательными и поскольку они казались имъ таковыми. Хотя къ концу XVI го ст. установился, повидимому, и въ Западной Руси (Украинѣ и Бѣлоруссіи) взглядъ, что наиболѣе важныя церковныя дѣла должны рѣшаться при участіи собора; но, т. к. зап.-руssкіе соборы не имѣли ни выработанныхъ формъ, ни опредѣленнаго состава,

ни традицій, ни власти и авторитета, то фактически оказалось, что въ рѣшительный моментъ, въ 1596 г., соборъ не былъ въ силахъ разрѣшить труднѣйшей церковной проблемы, раскололся и въ сущности обнаружилъ свое безсиліе: рѣшающіе голоса по вопросу объ унії, въ сущности, исходили не отъ собора, а извмѣ.

Весьма вѣроятно, что соборы въ Западно-Русской Православной Церкви въ „литовско-польскій періодъ“ могли бы принести немалую пользу, если бы они сдѣлались постояннымъ, организованнымъ и авторитетнымъ учрежденіемъ (и дѣйствовали конечно, на строго каноническихъ основаніяхъ). Но западно-русскіе соборы такимъ учрежденіемъ не сдѣлались, и роль ихъ въ жизни Западно-Русской Церкви оказалось поэтому мало значительной (хотя нѣкоторые невѣжественные публицисты и мнимые ученые въ послѣднее время не мало разглагольствовали о „соборномъ устройніи жизни Православной Церкви, соборноправности“, какъ одной изъ основныхъ „традицій“ Украинской Православной Церкви, которая въ ней царили, какъ во времена Великаго Княжества Киевскаго, такъ и во времена Княжества Литовскаго и Короны Польской“¹⁰⁴⁾).

Не возвысила значенія зап.-русскихъ соборовъ и не придала имъ авторитета и демократизація ихъ, совершившаяся въ концѣ XVI ст., „демократизація, впрочемъ вѣнѣсколько относительная.—До 1590-ыхъ гг. зап.-русскіе соборы

104) Срв. напр. въ газетѣ „За Свободу“ (1929, №№ 25 и 26): „Докладъ проф. И. И. Огієнка“ (а равно отчеты о томъ же „научномъ докладѣ“ въ газетахъ „Нова Зоря“ и Укр. Нива“).

по своему составу были троякаго рода: собо́ры Епископовъ (наиболѣе частые), собо́ры Епископовъ и другихъ значи́тельный образъ монашествующихъ (архимандри́товъ, игуменовъ и т. д.) и собо́ры „смѣшаны́е“ съ участіемъ князей, вельможъ, бояръ (по позднѣйшей терминологіи—пановъ), права которыхъ на этихъ соборахъ для насъ не вполнѣ ясны (мы не знаемъ, участвовали ли эти лица съ рѣшающимъ голосомъ въ вынесеніи соборныхъ постановленій „смѣшанными соборами“, или имъ принадлежало только право „совѣта“ на этихъ соборахъ, или, наконецъ, они утвердили рѣшенія духовныхъ лицъ — членовъ собора). Во всякомъ случаѣ, въ зап. русскихъ соборахъ до 1590-ыхъ гг. изъ свѣтскихъ лицъ приглашались на нѣкоторые соборы только князья и паны, т. е. высшая аристократія. (Отъ соборовъ слѣдуетъ отличать происходившія иногда въ XVI ст. избирательные собранія кандидатовъ на Митрополичій Престолъ, на Епископскія каѳедры, Архимандриі и нѣкот. др. духовные должности; въ этихъ собраніяхъ иногда принимала участіе и шляхта и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже мѣщане; срв. выше: гл. V—VII). Но къ концу XVI в., въ связи съ отпаденіемъ значительной части украинской и бѣлорусской аристократіи отъ Православія, руководящая роль въ зап.-русской церковной жизни, принадлежавшая ранѣе аристократіи, въ значительной степени переходитъ, какъ мы уже говорили выше, къ мѣщанству, организующемуся въ церковные братства. Когда во главѣ Западно-Русской Церкви сталъ Митрополитъ Михаилъ Рагоза (1589 г.),

вступившій на Митрополичій Престолъ и противъ желанія Патріарха Іереміи (посвятившаго его по настоятельной просьбѣ новогродскаго воеводы Тышкевича) и противъ желанія короля, ограниченный въ своеі управлениі и экзархомъ, и ставропигіальными братствами, и патронами, онъ, очевидно, рѣшился опереться на ново-созданную церковно общественную силу—церковные братства. По постановленію Патріарха Іереміи, прѣведенному имъ на Брестскомъ соборѣ 1589 года, въ Западно-Русской Церкви впредь должны были созываться митрополитанскіе соборы ежегодно¹⁰⁵). Въ первые годы послѣ у становленія этого правила оно соблюдалось, при чёмъ Митрополітъ М. Рагоза къ участію въ этихъ соборахъ стала привлекать представителій братствъ.—Особенно многочисленнымъ было представительство братствъ на Брестскомъ соборѣ 1594 г. (не имѣвшемъ однако возможности вести надлежащимъ образомъ свою работу, вслѣдствіе отсутствія въ то время короля въ Польшѣ, т. к. въ силу конст. 1593 г. на время отсутствія короля запрещены были всякия многолюдныя собранія и съѣзды; все-таки во время собора 1594 г. разсмотрѣны были проекты правилъ о взаимоотношеніяхъ между епархиальной властью и братствами и постановленіе объ удаленіи Еп. Гедеона Балабана со львовской кафедры и проч. за неподчиненіе постановленіямъ Патріарха и помѣстныхъ соборовъ).—Конечно, это была „демократизація“ соборовъ неполная, относительная: съ привлечениемъ братствъ къ участію въ соборахъ, привлекалось далеко не все православное

105) Арх. Ю.-З. Р., ч. 1, т. I., с. XXXV.

населеніе, а только главнымъ образомъ мѣщанство, составлявшее въ братствахъ преобладающій элементъ; громадное большинство западно-русскаго православнаго населенія, состоявшее изъ крестьянъ, „поспольство“ оставалось, конечно, попрежнему въ сторонѣ отъ участія въ соборахъ и вообще отъ всякаго участія въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ; при тогдашнемъ соціально-политическомъ строѣ Польско-Литовскаго государства едва-ли и возможно было привлеченіе „поспольства“ къ участію въ церковныхъ соборахъ и вообще управлѣніи Церковью.

Впрочемъ, и въ 1590-ыхъ годахъ, на ряду со „смѣшанными“ соборами (съ участіемъ свѣтскихъ делегатовъ), собирались также соборы, состоявшіе исключительно изъ Епископовъ или изъ Епископовъ и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ лицъ (нпр., Брестскій соборъ 12 іюня 1595 г., на которомъ вмѣстѣ съ Епископами присутствовалъ также кобринскій архимандритъ Іона Гоголь; приглашены были, м. б., и нѣкоторые другие архимандриты, но, возможно, не успѣли прибыть на этотъ экстренно созванный соборъ). — Но для рѣшенія важнѣйшихъ церковно-религіозныхъ дѣлъ, въ частности для рѣшенія вопроса объ уніи съ Римско-Католическою Церковью, всѣ православные, и даже сторонники и творцы уніи (въ томъ числѣ Еп. Ипатій Поцѣй, позднѣйшій уніатскій Митрополитъ) считали необходимымъ созывъ собора съ участіемъ свѣтскихъ делегатовъ (въ частности делегатовъ отъ братствъ). Но, несмотря на старанія Поцѣя съ одной стороны и князя Острожскаго съ другой, вслѣдствіе против-

водѣйствія короля, такой соборъ своевременно, въ 1595 г. не былъ созванъ. Соборъ былъ назначенъ уже, такъ сказать, post factum, послѣ офиціального признанія верховенства папы большинствомъ зап.-руssкихъ православныхъ Епископовъ и соотвѣтствующаго соглашенія ихъ съ Римскимъ Престоломъ. На этотъ соборъ (1596 г.), какъ извѣстно, прибыло весьма значительное число свѣтскихъ делегатовъ, въ томъ числѣ представители четырнадцати братствъ; соборъ 1596 г. съ самаго начала раскололся на два—православный и уніатскій; т. к. зап.-руssкіе Епископы, за исключеніемъ двухъ, и часть др. духовныхъ лицъ примкнули къ уніи, на православномъ соборѣ свѣтское представительство сравнительно съ духовными членами собора, оказалось еще значительнѣе; но это, конечно, былъ исключительный случай.

Послѣ 1596 г., когда въ Западно-Русской Православной Церкви осталось всего два, а по томъ даже одинъ Епископъ, помѣстные (митрополитанскіе) соборы, конечно, не могли собираться, такъ какъ основнымъ элементомъ, главными и руководящими членами помѣстныхъ (митрополитанскихъ) соборовъ всегда являются Епископы. Возобновляются соборы въ Западно-Русской Православной Церкви въ 1620-ыхъ годахъ съ возстановленіемъ зап. русской православной іерархіи въ 1620 г. и становятся весьма частыми во второй половинѣ 1620-ыхъ годовъ, отчасти въ связи съ обсужденіемъ вопроса о новой, „универсальной“ уніи, отчасти въ виду необходимости упорядоченія и систематизаціи православнаго богословія, богослуженія и проч. Что касается состава этихъ соборовъ, то на нѣкоторыхъ

изъ нихъ, нпр., на Кіевскомъ 8 августа 1627 г., Городецкомъ на 6 й недѣлѣ великаго поста 1628 г., Кіевскомъ въ великомъ посту 1629 г.) присутствовали только высшія духовныя лица—Епископы, кіево-печерскій архимандритъ и (на кіевскихъ соборахъ 8.VIII. 1627 г. и въ вел. посту 1629 г.) нѣкот. другіе; на другихъ соборахъ (нпр. на Кіевскомъ соборѣ 13—16 августа 1628 г., на Кіевскомъ соборѣ 29 іюня 1629 г.) были также представители мірянъ, въ частности делегаты братствъ (на несостоявшемся смѣшанномъ православно-уніатскомъ Львовскомъ соборѣ 1629 г., равнымъ образомъ, должны были присутствовать и делегаты братствъ и нѣкоторые поименно приглашенные міряне и т. д.). Въ общемъ, можно сказать, что тѣ соборы, которые по преимуществу заняты были рѣшеніемъ богословскихъ вопросъ, упорядоченіемъ богослуженія, разсмотрѣніемъ пред назначеныхъ для печати важнѣйшихъ богословскихъ и богослужебныхъ сочиненій, состояли исключительно изъ духовныхъ лицъ: нпр. на Кіевскомъ соборѣ 8.IX. 1627 г. рассматривался вопросъ о составленіи православнаго катехизиса и поручено Мелетію Смотрицкому составленіе катехизиса и разсужденія о разностяхъ между Восточною и Западною Церковью; Городецкій соборъ 1628 г. рассматривалъ разсужденіе Смотрицкаго о разностяхъ между Церквами, постановилъ созвать помѣстный соборъ съ участіемъ представителей отъ всѣхъ сословій — духовнаго, шляхты и мѣщанъ для обсужденія вопроса о взаимоотношеніяхъ съ Западною Церковью и поручилъ Смотрицкому подготовить совтвѣтствующіе материалы для этого собора; Кіевскій соборъ въ вел. посту 1629 г. рассматривалъ и одобрилъ

Литургіаргонъ Петра Могилы и, кромѣ того, кажется, постановилъ ввести въ Зап.-Русской Православной Церкви постоянное чтеніе акаѳистовъ, пассій и т. п. въ противовѣсъ пропагандѣ римо-католиковъ и уніатовъ, широко практиковавшихъ для „миссіонерскихъ“ цѣлей крестные ходы, акаѳисты, пассіи и т. д.; на подобномъ же соборѣ, состоявшемъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ и происходившемъ, вѣроятно, въ Kievѣ въ 1624 г., какъ слѣдуетъ думать, принято было рѣшеніе объ обращеніи къ Константинопольскому Патріарху Кириллу Лукарису объ уничтоженіи многоэкзаршества, братскихъ и монастырскихъ ставропигій и проч. — Смѣшанные соборы (съ участіемъ мірянъ): Kievскій 13—16 авг. 1628 г. и назначенные королемъ Kievскій 29. VI—2.VII 1629 г. и Lьвовскій 28.X—1.XI. 1629 г. должны были разсматривать важнѣйший въ то время религіозно-церковный вопросъ о взаимоотношеніяхъ и новомъ соединеніи Западно-Русской Православной Церкви съ Римско-Католическою. (Въ позднѣйшее время—въ 1640 г., уже въ правленіе Митрополита Петра Могилы, „Православное Исповѣданіе“ П. Могилы разсматривалось соборомъ, на которомъ, по приглашенію Митрополита Петра Могилы, присутствовали и представители братствъ).

Что касается авторитета, а слѣдовательно и вліянія и значенія соборовъ въ періодъ послѣ возстановленія зап.-русской православной іѣдархіи въ 1620 г., то—какъ соборы высшихъ духовныхъ лицъ, такъ и соборы смѣшанные (съ участіемъ мірянъ) не пользовались не только должнымъ авторитетомъ и вліяніемъ, но даже довѣріемъ и уваженіемъ среди православнаго населе-

нія. Вмѣстѣ съ паденіемъ авторитета, власти и вліянія іерархіи, утрачены были также авторитетъ и вліяніе соборовъ, на которыхъ руководящая роль неизмѣнно принадлежала іерархіи.

Періодъ 1590— 1620 гг. является временемъ крайняго развитія анархіи и т. н. „общественного папизма“ въ Западно-Русской Православной Церкви. Не только практическіи, но и теоретическіи, вслѣдствіе распространенія протестантскихъ взглядовъ на іерархію и священство, подрывались въ этотъ періодъ авторитетъ, власть и значеніе іерархіи и священства вообще, а посредственno и православныхъ церковныхъ соборовъ, тѣсно связанныхъ въ своей основѣ съ духовной властью руководящихъ соборами іерарховъ¹⁰⁶⁾.

106) Въ концѣ XVI и нач. XVII ст., какъ указываетъ С. Т. Голубевъ („Кiev. Митроп. П. Могила“, т. I, с. 177), возбужденная борьбой съ католической и протестантской пропагандой западно-русская богословская мысль еще не успѣла получить окончательной опредѣленности и устойчивости въ духѣ строго православномъ. Поэтому не удивительно, что зап.-руssкіе богословы высказывали иногда мышленія, не вполнѣ согласные съ ученіемъ Православной Церкви. Особенно значительно склонились въ сторону протестантизма Христофоръ Филалетъ Бронскій и Мелетій Смотрицкій (въ раннихъ его произведеніяхъ); Филалетъ самъ былъ не православный, а протестантъ, М. Смотрицкій прошелъ протестантскую школу и находился одно время подъ сильнымъ вліяніемъ протестантизма. Оба они своими произведеніями сильно подрывали значеніе и власть іерархіи, подмѣнивая православные взгляды на священство, епископство и роль мірянъ въ Церкви взглядами протестантскими. По позднѣйшему обличенію Мелетія Смотрицкаго, въ его собственныхъ раннихъ сочиненіяхъ высказаны были, между проч., слѣдующія еретическія заблужденія: 1) признаніе только двухъ Таинствъ—Крещенія и Евхаристіи, съ уменьшениемъ или даже отверженіемъ значенія прочихъ пяти, въ частности, свѣтл. Таинства священства, 2) ученіе о прощении грѣховъ людямъ по отществіи отъ этого міра даромъ, безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны, и т. д. Христофоръ Филалетъ, по обличенію Смотрицкаго, допускалъ такія еретическія сужденія: 1) смѣщивъ Та-

Въ это именно время стали громко раздаваться голоса часто только *мнимыхъ* ревнителей Православія, которые говорили въ порывѣ преувеличенній оцѣнки своихъ заслугъ и совершенного отрицанія дѣйствительно упавшаго тогда авторитета высшей іерархіи: „не попы нась спасутъ, или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство нашей православныя, съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ, то нась спсти маеть“ (А. Ю. и З. Р., т. II, с. 210; срв.: Титовъ, Рус. Прав. Церк. въ польско-литов. госуд., т. II, ч. 1, с. 417).

Не улучшилось отношеніе къ іерархіи и послѣ 1620 г. Не признанные и преслѣдуемые свѣтской государственной властью, новопоставленные іерархи и со стороны своей православной паства не пользовались ни надлежащимъ уваженіемъ ни довѣріемъ; ихъ авторитетъ и власть были чрезвычайно слабы. Но, не признавая авторитета и власти іерарховъ, люди утратившіе всякое понятіе о церковной дисциплинѣ,

иинство священства со священствомъ чисто духовнымъ, при чёмъ отвергали первое; 2) отрицалъ Пресуществленіе Св. Даровъ въ Таинствѣ Евхаристіи; 3) считали санъ архіерейкій и іерейскій за одинъ и тотъ же, и т. д. Какъ слѣдствіе этихъ несомнѣнно и явно еретическихъ взглядовъ, вытекало изъ нихъ неразличеніе правъ епископовъ, священиковъ и мірянъ и въ частности приписываніе мірянамъ права рѣшающаго голоса (*jus suffragii decisivi*) и власти вѣдать постановленія ка-
сательно вѣры (Обличеніе заблужденій Филаleta и его собственныхъ въ раннихъ его сочиненіяхъ сдѣлано было М. Смотрицкимъ въ его „Apologії peregrinaticy do krajów wschodnich“, 1628). Эти ученія М. Смотрицкаго и Хр. Филаleta явились, можно сказать, теоретическимъ обоснованіемъ „общественного папизма“, отрицанія власти іерарховъ, вмѣшательства міранъ въ такія дѣла, которыхъ ихъ вѣданію безусловно не подлежатъ, и т. д. отрицательныхъ явлений въ жизни Зап.-Русской Православной Церкви конца XVI и первой трети XVII ст.

порядкѣ и церковной власти вообще, конечно, не питали ни уваженія, ни довѣрія и къ церковному собору. Яркимъ примѣромъ грубаго недовѣрія и неприлично непочтительнаго отношенія нѣкоторой части мірянъ (возбужденныхъ впрочемъ однимъ епископомъ-демагогомъ, о чмъ скажемъ ниже), былъ прискорбный инцидентъ на Киевскомъ соборѣ 14 августа 1628 г. (засѣдавшемъ съ участіемъ мірянъ), когда казаки въ церкви Михайловскаго монастыря грозили кровавой расправой, а одинъ изъ нихъ (Соленикъ) обращаясь къ членамъ собора, іерархамъ и прочимъ, кричалъ: „Махлюйте, махлюйте..., достанется здѣсь и Савлу и Павлу“ (Срв. Голубевъ, ор. cit., I, с. 192). Еще ярче выступаетъ отсутствіе почти всякаго авторитета, вліянія и значенія соборовъ въ 1620-хъ годахъ, отсутствіе уваженія и довѣрія къ соборамъ во время Киевскаго собора 29 іюня — 2 іюля 1629 г. (тоже съ участіемъ мірянъ). Еще до открытия собора Митрополиту Іову Борецкому отправлено было запорожцами письмо, проникнутое явнымъ недовѣріемъ и къ церковной іерархіи и къ собору. Запорожцы писали Митрополиту, что, хотя Митрополитъ ихъ не приглашалъ на соборъ, они изъ любви къ своей православной вѣрѣ, за которую готовы умрети, посылаютъ въ Киевъ двухъ своихъ товарищей съ наказомъ зорко слѣдить, „якобы противникъ по-тѣхъ не одержалъ“ и не было бы на соборѣ постановлено чего-либо противнаго Православію. Когда же соборъ 29 іюня 1629 г. открылся, засѣдать онъ не смогъ, вслѣдствіе вмѣшательства казаковъ, требовавшихъ прекращенія собора и угрожавшихъ въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ насилию. Когда на слѣдующій день, 30 іюня,

соборъ попытался начать работу, разыгрались еще болѣе бурныя сцены, устроенные казаками и приведшія іерарховъ въ смятеніе; Петръ Могила (въ то время еще Киево-печерскій архимандритъ), по уніатскому извѣстію, плакалъ; Митрополитъ Іовъ боялся ъхать послѣ прерваннаго засѣданія въ свой Михайловскій монастырь и ночевалъ въ Лаврѣ. Кончилось тѣмъ, что 2 іюля 1629 г. соборъ закрылся, не сдѣлавши ничего, не доведя до конца ни одного засѣданія, вслѣдствіе криковъ и страшныхъ угрозъ казаковъ (срв.: Голубевъ, оп. cit., I, с. 208—213).

Что касается епархіальныхъ „соборовъ“ т. е. епархіальныхъ съѣздовъ священниковъ, то уже къ концу XVI ст. эти съѣзды, повидимому, пришли въ упадокъ; уже Гедеонъ Балабанъ упрекалъ священниковъ за то, что они не бываютъ на соборахъ (разумѣется, епархіальныхъ) (Ак. З. Р., т. IV, № 29). Послѣ 1596 г. эти съѣзды православныхъ священниковъ должны были и совсѣмъ прекратиться.

Вообще, періодъ наибольшаго развитія общественнаго папизма и одновременнаго паденія авторитета и власти іерарховъ отнюдь не былъ временемъ расцвѣта „соборноправности“ въ Западно-Русской Православной Церкви. Соборы митрополитанскіе и епархіальные вновь пріобрѣли извѣстное значеніе въ Зап.-Русской Церкви лишь съ прекращеніемъ церковной анархіи по вступленіи на Митрополичій Престолъ Петра Могилы. Будучи по своимъ убѣжденіямъ сторонникомъ единоличной и твердой власти въ Церкви, имъя весьма высокое представление о правахъ и обязанностяхъ Епископа и особенно Главы и Предстоятеля Автокефальной Церкви, каковыми онъ былъ,

Петръ Могила находилъ въ митрополitanскихъ и епархіальныхъ соборахъ содѣйствіе въ осуществлениіи имъ своей власти надъ Западно-Русскою Церковью. Въ частности, соборы послужили въ рукахъ Митрополита Петра Могилы однимъ изъ средствъ для преодолѣнія церковной анархіи, общественного папизма и прочихъ нестроеній, бывшихъ въ Кіевской Митрополії при вступленіи его на Митрополичій Престолъ¹⁰⁷⁾). — О борьбѣ съ этими нестроеніями, сначала неудачной—при Митрополитѣ Іовѣ, но затѣмъ болѣе успѣшной и содѣйствовавшей возрожденію Зап.-Русской Церкви при Петрѣ Могилѣ, мы будемъ говорить въ двухъ слѣдующихъ (послѣднихъ) главахъ этого нашего очерка.

XII. БОРЬБА ІЕРАРХІИ СЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ПАПИЗМОМЪ ПРИ МИТРОПОЛИТѢ ІОВѢ БОРЕЦКОМЪ.

Крайнее развитіе общественного папизма въ Кіевской Митрополії, вполнѣ естественное въ періодъ церковнаго беззначалія, когда во всей Западно-Русской Церкви оставалось всего лишь

107) Участіе соборовъ въ церковномъ управлениі, искольку Соборы дѣйствуютъ на каноническихъ основаніяхъ, подъ руководствомъ высшей іерархіи, т. е. поскольку они являются церковными соборами, а не сбiorищами, чуждыми религіозно церковнаго духа,—является и, во всякомъ случаѣ, можетъ явиться положительнымъ, организующимъ, упорядочивающимъ и оздоровляющимъ факторомъ церковной жизни. Естественно поэтому, что элементы, вносящіе анархію въ церковную жизнь, отрицали также и авторитетъ церковныхъ соборовъ, руководимыхъ іерархами; а, съ другой стороны, вполнѣ нормальнымъ было приобрѣтеніе соборами известнаго (вспомогательного) значенія именно въ періодъ возвышенія митрополичьей епископской власти и паденія „общественного папизма“.

два, а потомъ даже одинъ православный епіскопъ, должно было встрѣтить сопротивленіе со стороны православной іерархіи, когда она была возстановлена и хоть нѣсколько окрѣпла. Борьба эта однако для возстановленной въ 1620 году подъ защитою казацкихъ сабель іерархіи, не признанной польскимъ правительствомъ (а отчасти даже и преслѣдовавшейся, особенно въ самомъ началѣ послѣ ея возстановленія¹⁰⁸), была весьма затруднительной и до нѣкоторой степе-

(108) Какъ извѣстно, изданъ былъ даже приказъ — вipro-чемъ, кажется, только для устрашениія, а не для дѣйстви-тельного приведенія въ исполненіе — ловить и казнить новопо-ставленныхъ православныхъ епіскоповъ. Серьезно о приведеніи въ исполненіе этой угрозы врядъ ли могли думать, т. к. подобный дѣйствія могли бы вызвать взрывъ возмущенія среди всего право-славнаго населенія Рѣчицпосполитой, заинтэрессованаго болѣе всего въ борьбѣ съ возстановленной православ-ной іерархіей, существовали различные направления, и нѣкоторые изъ католическихъ іерарховъ настаивали на миролюбивомъ отно-шеніи къ православнымъ и желали мирнымъ путемъ привлечь За-падно-Русскую Православную Церковь къ унії съ Церковью Рим-ско-Католической; дѣйствительно, съ 1623 года со стороны като-лическаго духовенства начинаются попытки достигнуть соглашенія съ новопоставленной православной іерархіей. Въ виду этихъ по-литическихъ и церковно-уніонистическихъ соображеній, польское правительство не только не привело въ исполненіе своихъ страш-ныхъ угрозъ, но и не подвергло епіскоповъ даже заключенію въ тюрьмы или крѣпости. Въ сущности, уже вскорѣ послѣ 1620 г. новая православная іерархія получила отъ государства факти-ческое полупризнаніе. Но для полнаго и нормального управления Церковью, особенно въ тѣ времена, такое „полуприз-наніе“, конечно, было недостаточно, и православные іерархіи, официально не получившие утвержденія со стороны государства, часто оказывались въ тревожномъ или затруднительномъ посто-женіи.

ни щекотливой, т. к. іерархамъ приходилось не-
рѣдко искать защиты и поддержки и материаль-
ной, и юридической, и отчасти даже иногда фи-
зической у тѣхъ самыхъ „патроновъ“, братствъ,
казачества, вліяніе которыхъ на управлениe Цер-
кавью іерархи хотѣли бы устранить или, по
крайней мѣрѣ, ограничить. Съ другой стороны,
привилегіи братствъ, а отчасти и другія свое-
образныя черты церковнаго строя, укрѣпившіяся
въ Кіевской Митрополіи въ началѣ XVII ст.,
основывались на грамотахъ Константинопольскихъ
и другихъ восточныхъ Патріарховъ. Наконецъ, въ
средѣ самой іерархіи не было въ этомъ случаѣ
единодушія. Одинъ изъ епископовъ Исаія Копин-
скій, занимавшій въ то время перемышльскую
каѳедру, впослѣдствіи же (послѣ Іова Борецкаго)
бывшій Митрополитомъ, строгій ревнитель „чисто-
ты“ Православія, человѣкъ старого закала,
пользовавшійся большою популярностью, особенно
среди простонародья и казачества за свое
непримиримое отношеніе къ уніи и католичеству
и боявшійся всякихъ новшествъ, съ большими
недовѣріемъ и подозрительностью относился къ
большинству епископовъ и даже къ самому Ми-
трополиту Іову Борецкому. Самъ человѣкъ срав-
нительно неособенно просвѣщенный и легковѣр-
ный, Исаія былъ чрезвычайно недоволенъ „но-
вымъ духомъ“, вносимымъ въ Православную
Церковь такими людьми, какъ Іовъ Борецкій,
Мелетій Смотрицкій, Петръ Могила; онъ боялся
„новаго“ просвѣщенія, западной „еретической“
науки; его беспокоили и раздражали изысканно-
корректныя отношенія Митрополита Іова и дру-
другихъ „новаторовъ“ не только къ польскому
правительству, но и къ римо-католикамъ и уні-

атамъ, а въ особенности слухи о переговорахъ и мнимыхъ тайныхъ соглашенияхъ Митрополита Іова и прочихъ „новаторовъ“ съ католиками. Поэтому Исаія старался держаться въ сторонѣ отъ другихъ епископовъ, предпочитая дружбу съ братствами, мѣщанами и казачествомъ, на вѣрность которыхъ Православію онъ болѣе надѣялся, чѣмъ на „поврежденныхъ“ въ вѣрѣ западными „еретическими“ вліяніями епископовъ. Исаія склоненъ былъ къ настоящей демагогіи и въ своей борьбѣ съ Митрополитомъ Іовомъ и впослѣдствіи съ Петромъ Могилою прибѣгалъ даже къ раепространенію клеветы на нихъ среди народныхъ низовъ и казачества. Однимъ словомъ, Исаія — подобно Михаилу Рагозѣ, не только не боролся съ „общественнымъ папизмомъ“, а наоборотъ искалъ въ немъ для себя опоры. Иначе относились къ распаду и крайнему уменьшению церковной власти, чрезмѣрному росту свѣтскихъ вліяній въ Церкви, господству мѣщанскихъ братствъ, патроновъ и казачеству надъ клиромъ „многоэкзаршеству“ и т. п. явленіямъ западно-русской церковной жизни Митрополитъ Іовъ Борецкій и его сподвижники — другіе епископы, среди которыхъ выдающуюся роль игралъ талантливый и энергичный, получившій образованіе въ западныхъ (католическихъ и протестантскихъ) высшихъ школахъ, но слишкомъ увлекающійся и неустойчивый епископъ полоцкій Мелетій Смотрицкій. Въ началѣ своей церковной и литературной дѣятельности, Смотрицкій, проникнутый многими протестантскими идеями, усвоенными въ протестантскихъ школахъ, какъ мы уже говорили, явился вмѣстѣ съ протестантомъ Христофоромъ Филаретомъ Бронскимъ, тебретикомъ-идео-

логомъ „общественного папизма”. Но, съ течениемъ времени, протестантскія увлеченія Мелетія, навѣянныя школой, разсъялись. Подъ вліяніемъ болѣе широкаго и тщательнаго ознакомленія или даже изученія провославной и католической литературы, Мелетій совершенно измѣнилъ свои взгляды и по временамъ наоборотъ опредѣленно склонялся къ „филокатолицизму”, не отклоняясь и не отрекаясь при этомъ однако отъ Православія¹⁰⁹⁾). Въ связи съ этимъ, конечно, должны были измѣниться и воззрѣнія Мелетія на организацію Церкви, церковную іерархію и роль мірянъ въ церковномъ управлѣніи. Съ другой стороны,ничѣмъ не сдерживаемое и часто нетактичное, грубое и незаконное господство надъ духовными лицами виленскихъ братчиковъ, съ которыми тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ Мелетій, и прочія такого же рода явленія

109) Идея примиренія и сближенія Православія съ Католичествомъ, безъ всякаго уклоненія отъ истинъ Православной вѣры, а тѣмъ болѣе безъ отпаденія или разрушенія Православной Церкви, увлекала въ то время на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи не только Мелетія Смотрицкаго, но и цѣлый рядъ другихъ замѣтительныхъ людей того времени, въ томъ числѣ знаменитаго защитника Православной Церкви Адама Киселя, которыхъ не удовлетворила т. наз. Брестская унія, означавшая „отпаденіе отъ Православія“, и которые желали иного возсоединенія Церквей на иныхъ основахъ. (Этотъ вопросъ подробнѣе освѣщенъ мною въ статьѣ „Адам Кисель та його відношення до справи церковного З’єднання“, приготовленной уже мною къ печати; см. еще: Годувъ, Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила, т. II, стр. 232—239 и др.; вѣдомыя свѣдѣнія также въ кн. Е. Ф. Шумура, Римська курія на Русскомъ Православномъ Востокѣ въ 1609—1654 гг., Прага, 1928, стр. 59 сл., 98 сл. и др.). Вносядствіи однако М. Смотрицкій измѣнилъ свои взгляды въ вопросѣ о соединеніи Церквей и не только призналъ Брестскую унію, но и выступилъ съ нападками на Православную Церковь и Православіе („Апологія“ 1628 г. и проч.).

въ тогдашней церковной жизни Украины и Бѣлоруссіи сильно задѣвали и оскорбляли впечатлительного и энергичнаго епископа. Виленское братство, пользовавшееся еще съ конца XVI ст. ставропигіей и съ теченіемъ времени занявшее руководящее и первенствующее мѣсто среди зап.-русакихъ церковныхъ братствъ, держало себѣ despoticески въ отношеніи прямо или косвенно зависѣвшихъ отъ него духовныхъ лицъ. Мы уже приводили уніатское свидѣтельство (*Sniadanie schizmatykom brackim, 1630 г.*) о despoticескомъ и грубомъ обращеніи, или даже прямо помыканіи виленскими братчиками духовныхъ лицъ. Когда полоцкимъ архіепископомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ виленскимъ архимандритомъ поставленъ былъ Мелетій, братчики стали относиться къ нему, какъ къ человѣку высоко образованному, талантливому, написавшему уже нѣсколько замѣчательныхъ, хотя и не всегда безукоризненныхъ съ точки зрѣнія чистоты православнаго вѣроученія сочиненій (въ томъ числѣ знаменитый, художественно - поэтическій „Тренось“), пожалуй, можетъ быть, съ большимъ почтеніемъ, т. е. оказывали ему внѣшніе знаки большаго почтенія, чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ, убирали его въ роскошныя одежды (*uberali od gołowy do nog we złoto*), окружали пышностью, чествовали, водили въ знакъуваженія подъ руки; *но власти ему не давали, кормила правленія изъ своихъ рукъ не выпускали и всегда имѣли неослабный надзоръ и за самимъ архіепископомъ и за прочимъ духовенствомъ.* Въ концѣ концовъ, Мелетій пришелъ къ убѣждению о недопустимости участія мірянъ съ рѣшающимъ голосомъ въ церковномъ управлениі (*jus suffragii de-*

cisivi) и доказывалъ, что они должны поучаться закону Божію у духовныхъ лицъ, а не контролировать ихъ дѣйствія. Все возрастающая власть братствъ, ихъ полная независимость отъ епархиальныхъ владыкъ и Митрополита и неограниченное своеоліе, отсутствіе твердой церковной власти, ослаблявшейся экзархами, патронами, братствами, своеоліе ставропигіальныхъ, а также и неставропигіальныхъ (а просто подражавшихъ въ своеоліи ставропигіальнымъ) монастырей, непослушаніе нѣкоторыхъ епископовъ Митрополиту часто въ весьма важныхъ дѣлахъ, неповиновеніе священниковъ епархиальныи мѣрреямъ и т. п. явленій тогдашней церковной жизни, конечно, не нравились также Митрополиту и большинству другихъ епископовъ 110).

Въ 1624 г., повидимому, состоялся въ Киевѣ соборъ или просто съѣздъ епископовъ подъ руководствомъ Митрополита Іова, на которомъ, какъ можно думать, обсуждались мѣры предотвращенія дальнѣйшей дезорганизаціи церковнаго управлениія; на этомъ же соборѣ, повидимому, рѣшено было обратиться къ Константинопольскому Патріарху Кириллу Лукарису (бывшему въ 1590 ыхъ годахъ ректоромъ Острожской Академіи и протосинклеломъ и экзархомъ Патріарховъ въ Киевской Митрополіи) съ просьбой объ уничтоженіи братскихъ и монастырскихъ ставропигій, о назначеніи одного только экзарха, запрещеніи кому бы то ни было изъ духовенства и мірянъ Киевской Митрополіи сноситься по церковнымъ дѣламъ съ Патріархомъ непосредственно, помимо Митрополита и экзарха, и т. п. Для исходатай-

110) Срв. Голубевъ, оп. cit., II, с. 126—128.

ствованія соотвѣтствующей грамоты отъ Патріарха былъ посланъ Мелетій Смотрицкій, который долженъ быть врученъ Патріарху Кириллу грамоту и письма отъ Митрополита и другихъ епіскоповъ и лично ходатайствовать объ отмѣнѣ ставропигії и проч.

Патріархъ Кириллъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Константинопольскихъ Патріарховъ позднѣйшаго времени (совершенно неправильно обвичаемый до сихъ поръ некоторыми западными историками въ кальвинизмъ на основаніи ложко приписаннаго ему полу-кальвинистического катехизиса), довольно хорошо зналъ дѣла Зап.-Русской Православной Церкви, всегда интересовался ими и повидимому искренно заботился о ея благѣ и преуспѣяніи. Къ ходатайству Мелетія онъ отнесся весьма сочувственно. Какъ видно изъ письма Митрополита Іова Борецкаго къ намѣстнику Віленскаго Свято-Духова монастыря (отъ 12 янв. 1625 г.), въ Константинополь Мелетій встрѣтилъ радушный пріемъ и, справившы водлугъ потребы церкви *наше* (Западно-Русской) у святѣйшаго Патріархи Константинопольскаго все, отправился изъ Константинополя въ Іерусалимъ¹¹¹⁾. Прошеніе Митрополита Іова и др. зап.-русскихъ іерарховъ было уважено Патріархомъ Кирилломъ: Мелетію вручена была грамота объ уничтоженіи всѣхъ существующихъ въ Зап.-Русской Церкви ставропигій братствъ и монастырей, которою предписывалось, чтобы кот-

111) Письмо кіевскаго митрополита Іова Борецкаго къ намѣстнику віленскаго свято-духова монастыря Іосифу (Бобриковичу)... „Матеріали для исторіи западно-русской церкви“ въ прил. къ I тому соч. С. Т. Голубева „Кіевскій Митроп. Петръ Могила“, XLI, с. 274.

рые теразъ ново и предъ тымъ давнѣй у ставрополійскихъ церквей и монастырей найдуются, ставропигіями, отъ того часу южъ занехали ставропигіями мъновати, быти ними и сами собою безъ звѣрности абыся больше не радили¹¹²⁾). Кромѣ того, Мелетій выклопоталъ у Патріарха грамоту, которою повелѣвалось впредь на Руси (т. е. Украинѣ и Бѣлоруссіи) быть только одному экзарху, помимо котораго не должно быть никакихъ сношеній съ Патріархомъ, а равно и никакихъ „апелляцій“ къ Патріарху; при чемъ мы имѣемъ—по выраженію С. Т. Голубева — вѣсма правдоподобныя извѣстія, что такимъ экзархомъ былъ наименованъ самъ Мелетій. Вѣ почти современному этому событию памятникъ „Indicium, to iest pokazanie Cerkwie prawdziwej, iak dawno u od kogo poczatek swoj wzięła“... (написанномъ монахомъ Винницкаго монастыря въ 1638 г.¹¹³⁾), говорится, что Мелетій Смотрицкій, возвратившись изъ поѣздки на Востокъ, привезъ съ собою грамоты съ подписями всѣхъ патріарховъ того содержанія, чтобы съ этого времени отъ нашей Руси никакія апелляціи къ Константинопольскому Патріарху не были посылаемы, но чтобы отъ него, какъ экзарха и намѣстника патріаршаго отправляемы были“.

Извѣстный слуцкій протопопъ Андрей Му-
жиловскій въ своемъ „Antidotum przezasneti

112) Грамота константинопольского патріарха Кирилла къ православнымъ южноруссамъ съ объясненіемъ посланнаго прежде чрезъ Мелетія Смотрицкаго соборного опредѣленія, уничтожавшаго ставропигіальные права нѣкоторыхъ братствъ и монастырей въ Западной Руси. „Матеріалы для ист. з.-рус. Церкви“, изд. Голубевымъ, т. I, XLVI, с. 288.

113) Напечатано Я. О. Головачкімъ: Бібліографическія находки во Львовѣ, Пб. 1875.

narodowi ruskiemu przeciw Apologiey jadem na-pełnionej, która wydał Melety Smotrzysky" (1629 г.), пишетъ, что Смотрицкій добивался у Патріарха, „aby się listem iakim nadarzywszy Boszkiem u Rusi uczynił.. у wurgawił to¹¹⁴⁾.

Такимъ образомъ, Патріархъ Кириллъ удовлетворилъ всѣ զбращенные къ нему пожеланія и просьбы Митрополита Іова и единомышленныхъ ему зап.-русскихъ епископовъ, вручилъ Смотрицкому грамоты, долженствовавшія положить конецъ церковному многовластію въ Киевской Митрополіи, возстановить значеніе іерархіи и расширить автокефалію Зап.-Русской Церкви (т. ч. властъ Константинопольскаго Патріарха выражалась бы почти исключительно въ назначеніи экзарха, котораго онъ, видимо, полагалъ избирать изъ числа зап.-русскихъ епископовъ).

Само собою разумѣется, эта коренная реформа церковнаго управлениія въ Киевской Митрополіи, долженствовавшая излѣчить его отъ тяжелыхъ недуговъ, многимъ не могла понравиться, прежде всего, конечно, ставропигіальными братствамъ и ставропигіальными монастырямъ. Рефэрму ожидало упорное и рѣшительное сопротивленіе. Поэтому, Мелетій старался придать реформаціоннымъ грамотамъ Патріарха, какъ можно, болѣе внушительную форму. Съ этой очевидно цѣлью, постановленіе Патріарха Кирилла о реформахъ церковнаго строя на Руси (уничтоженіи ставропигій и проч.) проведено бы-

114) Andrzej Mużyłowski. Antidotum..., л. 6.—Заслуживаетъ вниманія и отвѣтъ М. Смотрицкаго Мужиловскому, подтверждающій сообщеніе, что Смотрицкій дѣйствительно привезъ грамоту объ установлении единаго экзаршества въ Киевской Ми-

ло черезъ патріаршій синодъ, и ему приданъ былъ видъ соборнаго постановленія¹¹⁵⁾). Затѣмъ, посѣщая другихъ восточныхъ патріарховъ, Смотрицкій получилъ и ихъ подпіси къ этому постановленію¹¹⁶⁾.

Но сопротивленіе оздоровляющей церковной реформѣ со стороны зап.-руssкихъ братствъ, ставропигіальныхъ монастырей и проч. оказалось, очевидно, гораздо сильнѣе, чѣмъ могли предполагать. Митрополитъ Іовъ, Мелетій и ихъ единомышленники. Едва Мелетій возвратился на Украину, противъ него поднялась цѣлая буря. Первою выступила противъ него Кіево Печерская обитель, которая должна была лишиться, на основаніи исходатайствованныхъ Мелетіемъ грамотъ, своей ставропигії, восходившей будто бы въ сѣдью старину и опиравшейся на под-

трополіі, но не говорящій прямо, кто былъ назначенъ патріаршимъ экзархомъ: привезенный имъ листъ, по словамъ Смотрицкаго, „był narodowi naszemu Ruskiemu pożycieczny: mnie z osoby mojej ani z dostoienstwa mego namne nie wywyższal. Exarchowie waszy, których było w Kowie dwa, w Stepaniu trzeci, we Lwowie czwarty (to czworogne monstrum ..) iż ie ten list znosił, a od wszystkiej Cerkwie obranemu (т. е. только одному, Патріархомъ избранному изъ всей Зап.-Русской Церкви) bydź exarchowie nakazywał“ (Exaethesis, abo Expostulatia to iest Rozprawa między Apologią u Antidotem przez w Bogu wielebn. Melet. Smotrzyskiego, Lwów, 1629, с. 89).

115) Срв.: Голубевъ. Кіевскій Митр. Петръ Могила т. I, с. 129; Прилоз., XLVI.

116) Срв.: Голубевъ. Ор. cit., т. I, с. 126—127, 130. Что „соборное постановление Константипольского Патріарха и патріаршаго синода объ уничтоженіи ставропигії, установленіи единаго экзархства и проч. подтверждено и другими восточными Патріархами и скрѣплено ихъ подпісами, это ясно видно изъ цитиров. выше „Indicium...“, написаннаго въ 1638 г. въ Вінницкомъ монастырѣ.“

ложную грамоту, приписывавшуюся кн. Андрею Боголюбскому (1159 г.) и Патріарху Максиму (XV в.). Кіево-Печерській архимандритъ Захарія Копыстенскій не допустилъ Мелетія въ свою Лавру и призывалъ другіе монастыри также не принимать его. Причиной этого возмущенія противъ Мелетія, а вслѣдъ за тѣмъ и противъ самого Митрополита Іова, пріютившаго Мелетія и выступившаго въ его защиту, были несомнѣнно привезенные Мелетіемъ грамоты, наносившія ударъ братскому и монастырскому своеволію, церковно - административной анархіи и обще-ственному папизму¹¹⁷⁾. Защитники „старыхъ порядковъ“, братского и монастырского своеолія и церковнаго безначалія, среди которыхъ, увы!, оказались и нѣкоторыя весьма значительныя духовныя лица, какъ, напр., Исаія Копинскій, Арсеній Мужиловскій, отчасти даже и Захарія Копыстенскій и т. д., предпринимая борьбу противъ Мелетія и Митрополита Іова не побрезговали явной ложью, клеветой и демагогіей (методами, примѣняемыми впрочемъ, увы!, и донынѣ нѣкоторыми „видными церковными дѣятелями“, „достойными“ преемниками „традиції“ Исаіи Копинскаго!). Прежде всего, они начали распространять слухи о тайныхъ сношенніяхъ Мелетія, самого Митрополита Іова и другихъ іерарховъ съ римо-католиками и уніатами, обѣ измѣнѣ ихъ Православію, тайномъ переходѣ въ унію. Исаія Копинскій, архієпископъ перемышльскій, разослалъ по всѣмъ зап. русскимъ областямъ окружное посланіе, призываючи всѣхъ къ бдитель-

117) Срв. Paraenesis abo Napomnienie... do Przezascnego Bractwa wileńskiego Cerkwie Św. Ducha. Kraków, 1628, с. 22.

ности, извѣщая о начавшихся будто-бы опасныхъ переговорахъ Мелетія и другихъ западно-русскихъ іерарховъ съ уніатами и предсказывая весьма тяжелыя послѣдствія этихъ переговоровъ¹¹⁸⁾). Когда же Митрополитъ и др. епископы попытались укротить Исаію, онъ прибѣгъ къ помощи запорожцевъ и натравилъ ихъ противъ іерарховъ до такой степени, что запорожскіе депутаты, прибывшіе на Соборъ въ Кіевъ въ авг. 1628 г., въ церкви Михайловскаго монастыря грозили іерархамъ: „махлюйте, махлюйте, бісу вашей матери, достанется тутъ и Савлу и Павлу!” и собирались уже запечатлѣть свою вѣрность Православной религіи (мимо угрожающей со стороны православныхъ іерарховъ) „или собственною кровію или кровію тѣхъ, которые стали бы пренебрегать ею или отступать отъ нея“¹¹⁹⁾). Эти подозрѣнія и обвиненія въ измѣнѣ Православной вѣрѣ бросались іерархамъ-испытаннымъ борцамъ за Православіе, съ опасностью для жизни принявшихъ епископское посвященіе, бросались даже Митрополиту Іову, одному изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Западно-Русской Православной Церкви и столповъ Православія на Украинѣ, бросались въ то время, когда Православная Церковь была дѣйствительно угрожаема извѣнѣ, когда первѣйшою обязанностью всякаго православнаго должна была быть поддержка только что съ трудомъ возстановленной православной іерархіи.

Съ другой стороны, распространяли слухи, что привезенные Мелетіемъ грамоты добыты об-

118) М. О. Колдовичъ. Литовская церковная увіа. 1864. Т. II, прим. 216.

119) Голубевъ. Op. cit., т. I, с. 192.

меномъ и даже что онъ подложны. Уверяли, что Мелетій „во имя всей Руси, духовныхъ и свѣтскихъ, подѣлавъ себѣ грамоты отъ всей Руси пошелъ въ Іерусалимъ и къ Патріархамъ и тамъ, легко обманувши всѣхъ Патріарховъ, подѣлавши отъ лица ихъ грамоты ко всей Руси, получилъ отъ нихъ подписи къ симъ грамогамъ“ (Judicium...) Мужиловскій тоже писалъ, что Мелетій обманулы патріарха и лестью и обманомъ добылъ у него грамоту о назначеніи Мелетія экзархомъ („Antidotum...“) Во всѣхъ этихъ слухахъ были явныя несообразности и взаимныя противорѣчія, съ огнездностью обнаружившія вздорность этихъ слуховъ, но лжецовъ и клеветниковъ очевидная нелѣпость сочиняемой ими лжи никогда не оставливаетъ. Не остановила клеветниковъ и защита Мелетія Митрополитомъ Іоанномъ, ясно обнаружившая, что Мелетій дѣйствовалъ согласно волѣ высшей церковной власти Кіевской Митрополіи, что отвезенные грамоты къ Патріарху не были имъ поддѣланы, а полученные имъ отъ Патріарховъ вполнѣ соответствовали желаніямъ и наставленіямъ Митрополита и другихъ зап. русскихъ православныхъ епископовъ. Не остановило клеветниковъ и несомнѣнное уже и для нихъ самихъ сообщеніе Патріарха Кирилла Лукариса, изъ котораго ясно слѣдовало, что грамоты, привезенные Мелетіемъ, были подлинныя и получены были вполнѣ честнымъ путемъ¹²⁰⁾.

120) Грамота Константинопольского Патріарха Кирилла къ православнымъ южноруссамъ съ объясненіемъ посланного прежде чрезъ Мелетія Синодицкаго соборнаго опредѣленія, уничтожавшаго старагогіадные права иѣкоторыхъ братствъ и монастырей въ Зап. Руси. „Материалы... въ прилож. къ I т. цит. соч. Голубева, XLVI, с. 288.—Характерно, что защитили брат-

Положение іерарховъ, предпринявшихъ не-
посильную борьбу съ братскимъ и монастыр-
скимъ своеволіемъ, становилось критическимъ.
Мелетій Смотрицкій, главный дѣятель задуман-
ной реформы церковнаго строя, не рѣшался воз-
вращаться въ свою епархію; тамъ „поднялся про-
тивный шумъ, и сердца благочестивыхъ возмути-
лись“. Да и положеніе самого Митрополита и
большинства епископовъ, обвиненныхъ клевет-
никами въ измѣнѣ Православію, было чрезвы-
чайно труднымъ. Надежды на оздоровленіе цер-
ковной жизни рушились. Въ Церкви наступалъ
чуть ли не худшій развалъ, чѣмъ ранѣе. Брат-
ства, монастыри, одинъ изъ архіепископовъ явно
не повиновались. Чернь волновалась. Запроож-
цы грозили кровавой расправой. Въ концѣ кон-
цовъ, Митрополитъ вынужденъ былъ уступить.
Въ юнѣ 1626 г. достигнуто было соглашеніе
между Митрополитомъ Іовомъ и Кіево-Печерской
Лаврой. 26. VI. 1626 г. архимандритъ Захарія Ко-
пыстенскій представилъ въ митрополитанскій
судъ „патріаршія грамоты“, утверждавшія ста-
вропигіальныя права Кіево-Печерской Лавры, и
Митрополитъ означенныя грамоты, честно, яко ар-
химастыревъ всегорода Россійскаго принявши и цѣло-
вавши и прошенія отца архимандрита и всего со-
бора разсудивши яко слушныя, приказалъ занести
въ книги духовнаго своего суда, т. е. даль имъ

сихъ и монастырскихъ ставропигій обвиняли (ложно) Мелетія
въ поддѣлкѣ патріаршихъ грамотъ; между тѣмъ, въ дѣйстви-
тельности, не Мелетій, а нѣкоторые изъ нихъ самихъ опирались
на подложныя грамоты, напр., первый поднявшій гоненіе на
Мелетія кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій, за-
щищавшій ставропигію кіево-печерской обители на основаніи под-
ложной же Макаріевой грамоты.

санкцію отъ себя, какъ главы Западно-Русской Церкви¹²¹⁾. Такимъ образомъ, Митрополитъ Іовъ Борецкій,—какъ замѣчаетъ С. Т. Голубевъ,—долженъ былъ склониться передъ силою неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, вынужденъ былъ своею митрополитанскою властью скрѣплять тѣ порядки, которые самъ же считалъ крайне нежелательными¹²²⁾.

Между тѣмъ братства Виленское и Львовское отправили депутацію въ Константинополь съ очевидною цѣлью добиться отмѣны „соборнаго постановленія“ объ уничтоженіи ставропигій и проч. Свою просьбу братчики по обыкновенію подкрепляли посильными приношеніями. Депутація братствъ добилась весьма крупнаго успѣха. Правда, Патріархъ Кириллъ подтверждалъ дѣйствительность и силу присланнаго чрезъ Мелетія „соборнаго постановленія“, но—устрашившись, очевидно, начавшихся въ Зап.-Русской Церкви новыхъ раздоровъ и возмущенія—далъ такое ограничительное толкованіе этому постановленію, что его значеніе умалялось поч-

121) Материалы для ист. зап.-рус. Церкви въ прилож. къ I т. цит. соч. Голубева, XLVI, с. 289—290.

122) Голубевъ. Цит. соч., т. I, стр. 134—135; М. С. Грушевскій полагаетъ однако, что Голубевъ въ данномъ случаѣ ошибается: занесеніе грамотъ, предъявленныхъ Захаріей Константинскимъ, въ книги митрополитанского суда отвѣдъ не доказывается, говорить Грушевскій, признанія ихъ значенія Митрополитъ Іовомъ; это былъ лишь обычный въ то время актъ формальной регистрации актовъ, не влекшій самъ по себѣ послѣдствій. Но М. С. Грушевскій упускаетъ изъ вида, что Митрополитъ Іовъ не только приказалъ занести грамоты въ книги своего духовнаго суда, но принялъ эти грамоты „честно яко орхиасты реєстру юго рода россійскаго“, изловилъ ихъ и проч. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ была не только формальная регистрація, но и официальное признаніе Митрополитомъ дѣйствительности предъявленныхъ грамотъ.

ти до нуля. Въ грамотѣ, данной Патріархомъ Кирилломъ депутатіи Виленскаго и Львовскаго братствъ, Патріархъ „разъяснялъ“, что подъ выражениемъ „же котрыя здавна предъ тымъ суть ставропигия“. (употребленнымъ въ „соборномъ опредѣленіи“ обѣ отмѣнѣ ставропигій) не слѣдуетъ понимать „ставропѣионъ Львовское, также и ставропѣионъ Виленское, которые то мѣсца старый святое памяти патріарха константинопольскій отецъ Іеремія добра и справне привѣль до порядку и спровожданія ними ставропигійского, и ствердилъ то, абы самовласне и своимъ правомъ имъ ся рядити и въ порядку своимъ вѣчне зостати и абы жадное имя иное опрочь ведлугъ часу наступающаго патріархи константинопольскаго на литургіяхъ святыхъ и отправовано набоженствъ вспоминаемо не было отъ тыхъ, которые на тыхъ тамъ крунтахъ мешкаютъ, и абы самому тylко патріарсъ подлегали и подъ его послу, шенствомъ были. Теды вѣдомо чинимо вамъ... же для того на письмѣ есть отъ насъ подано абы которые южъ по предреченномъ святое памяти патріарсъ Іереміи ставропигіями названы отъ патріарховъ, южъ по ономъ бывшихъ, а барзѣй отъ того, который въ тые тамъ краи до васъ прибывши, то есть насвятѣйшій патріарха Іерусалимскій Киръ Феофанъ ново ставропигіями починяль, а не ижъ бы ставропигіонъ Львовское албо Виленское зъ порядку того мѣлисмы прочъ зносити; тые бо вѣмъ хочемо, абы непорушне и неотмѣнне въ порядку и спровожданію своимъ ставропигійскомъ вѣчне зостали и нѣ отъ кого нѣкогдаи турбовани абы не были“ 128).

128) Материалы (Голубева, въ прилож. къ цит. соч., т. I), XLVI, стр. 288—289.

Этю новою грамотою Патріарха (отъ 15. XII.1626 г.) уничтожались ставропигіальныя права только некоторыхъ братствъ и монастырей, получившихъ эти права лишь въ недавнее время, главнымъ образомъ, отъ Іерусалимскаго Патріарха Єофана (такимъ образомъ уничтожались, слѣдовательно, ставропигіи братствъ Крестово здвиженскаго Луцкаго, Богоявленскаго Кіевскаго и Преображенскаго Слуцкаго¹²⁴); ставропигіи же, а вмѣстѣ съ ними и чрезвычайныя полномочія и привилегіи Віленскаго и Львовскаго братствъ сохранялись въ неприкосновенности.

Само собою разумѣется, что это измѣненіе первоначального „соборного опредѣленія“ сильно подрывало власть Митрополита и экзарха и въ сущности совершенно уничтожало предписаніе, воспрещавшее всякия сношенія съ Патріархомъ помимо экзарха. Дальнѣйшее развитіе событий еще сильнѣе подорвало значеніе ослабленной полу-реформы церковнаго строя Кіевской Митрополіи. Назначенный на постъ единаго экзарха патріаршаго на Руси (т. е. на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи) Мелетій Смотрицкій фактически, въ виду поднявшейся противъ него травли, не имѣлъ возможности управлять даже своею епархиєю, а не только соправительствовать и содѣйствовать Митрополиту въ оздоровленіи церковной жизни Украины и Бѣлоруссіи. Сторонники общественного папизма, дезорганизаціи церковно-іеаршеской власти и монастырскаго и братскаго самоволія не могли ему простить попытки

124) Въ дѣйствительности же, и эти ставропигіи сохранились. См. ниже примѣч. 180.

коренного переустройства церковной жизни. Выбитый изъ колеи, потрясенный всѣмъ происшедшемъ, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, отчаявшійся въ возможности оздоровленія и возрожденія Западно-Русской Православной Церкви, Мелетій усомнился вообще во внутренней силѣ и достоинствѣ Православія и Православной Церкви. Чрезмѣрно увлекающейся и сильно впечатлительный, Мелетій въ 1628 г. выступилъ въ своей „Апології“ съ цѣлымъ рядомъ упрековъ Православной Церкви и въ частности указывалъ на отклоненія „западно русскаго Православія“ отъ истинно-православнаго ученія, на проникновеніе въ Православную Церковь и особенно въ православное богословіе протестантскихъ взглядовъ и ученій, каковы, напр., признаніе (нѣкоторыми богословами) только двухъ таинствъ — Крещенія и Евхаристіи, смѣшеніе таинства Священства со священствомъ чисто духовнымъ, признаніе сана архіерейскаго и іерейскаго за одинъ и тотъ же, предоставление мірянамъ рѣшительнаго голоса и власти дѣлать постановленія какъ ательно вѣры и т. п. Отдельные, часто случайные и временные недостатки, возможные во всякой Церкви (отъ которыхъ или отъ подобныхъ которыми не всегда и не вездѣ была свободна и Церковь Западная), ошибочныя мнѣнія и заблужденія отдельныхъ богослововъ, никогда не признававшіяся всею Православною Церковью, словомъ случайное, временное, мѣстное, единичное Смотрицкій, подъ вліяніемъ раздраженія и подъ впечатлѣніемъ церковно-правительственной разрухи въ Кіевской Митрополіи, приписывалъ въ „Апології“ Православной Церкви, какъ тако-

вой. Увлекавшійся и раньше идеї сближенія и объединенія Церквей, Смотрицкій въ „Апології“ пришелъ къ выводу, что единственный путь для освобожденія Западно - Русской Православной Церкви отъ коренныхъ внутреннихъ нестроеній, хаоса въ церковномъ управлениі, недостатка просвѣщенія и прѣтестантскихъ ересей лежитъ че-резъ соединеніе Православной Церкви съ Като-лическою (однако не такое соединеніе, о какомъ думалъ Смотрицкій ранѣе и къ какому склоня-лись многіе выдающіеся дѣятели тогдашней Зап.-Русской Церкви, какъ, напр., Адамъ Кисель, кн. Михаилъ Чарторыжскій и, повидимому, даже Іовъ Борецкій, Петръ Могила и др., а соединеніе, сопряженное съ кореннымъ „исправленіемъ“ са-мого Православія). Послѣ появленія „Апології“ Смотрицкаго (къ тому же еще значительно под-правленной издателемъ ея Кассіаномъ Сакови-чевъ и уснащенной имъ безъ вѣдома Мелетія рѣзкими выпадами противъ Православія), отъ не-го отвернулись и его недавніе друзья—Митрополитъ Іовъ, Петръ Могила (ставшій незадолго пе-редъ тѣмъ архимандритомъ Кіево - Печерской Лавры) и др. На Кіевскомъ собрѣ 13—16 авгу-ста (старого стиля) 1628 г., Мелетій вынужденъ былъ отречься отъ своей „Апології“, впрочемъ, не столько по убѣжденію, сколько подъ угроза-ми козацкихъ сабель; но вскорѣ затѣмъ онъ окончательно порвалъ съ Православною Цер-ковью.

Такимъ образомъ, первая попытка новой зап.-русской православной іерархіи положить предѣль дезорганизаціи церковній власти и об-щественному папизму закончилась почти полной неудачей. Переходъ Смотрицкаго наносилъ этой

попыткѣ послѣдній и окончательный ударъ. Но, вопреки предположеніямъ Смотрицкаго въ „Апологіи“, въ дальнѣйшемъ Западно Русская Православная Церковь нашла въ самой себѣ внутреннія силы для освобожденія отъ разъѣдавшихъ ее нестроеній. Это оздоровленіе и возрожденіе Западно-Русской Церкви началось со вступленіемъ на Кіевскій Митрополичій Престолъ Петра Могилы.

XIII. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗАПАДНО РУССКОЙ (УКРАИНСКО-БЪЛОРУССКОЙ) ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРИОДЪ УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА МОГИЛЫ.

Съ воцареніемъ Владислава IV, почти совпавшимъ со временемъ избранія на Кіевскую Митрополію Петра Могилы,— говоритъ Голубевъ,— Западно-Русская Церковь вступаетъ въ новый періодъ своего существованія. Для нея, по выраженію тогдашихъ православныхъ писателей, послѣ *длинной ночи открывалась заря новой жизни*. Въ данномъ случаѣ разумѣлось, прежде всего, возстановленіе нарушенныхъ въ предшествовавшее царствованіе правъ Западно-Русской Церкви, исполненное отчасти уже на коронаціонномъ сеймѣ (1632 г.). Но юридическимъ возстановленіемъ правъ еще далеко не обезпечивались спокойствіе и благоденствіе Православной Церкви: надлежало фактически воспользоваться приобрѣтенными на сеймахъ правами для Православной Церкви, упрочить ихъ за нею навсегда и, если можно, пріумножить. Еще большія обязанности возлагались на Главу Западно-Русской Церкви *внутреннимъ ея состояніемъ*. Необходимо

было поднять упавшее духовное просвещение, упорядочить богослужение, принять меры к очищению и систематизации церковной сбродности, озабочиться составлением точной и признанной всею Вселеною Православною Церковью системы православного вдохновения, создать высшую учебные заведения, а в особенности принять меры к оздоровлению церковно-административного управления в Западно-Русской Митрополии, которое предъявило вступлением Петра Могилы на Митрополичий Престол было особенно неудовлетворительным, а вместе с тем затрудняло и делало даже почти невозможным упорядочение и улучшение и других сторон внутренней жизни Западно-Русской Церкви. Во всех указанных направлениях самим Митрополитом Петром Могилою и его сотрудниками сделано было очень много, так что действительно со вступлением его на Киевский Митрополичий Престол для Западно-Русской Церкви открылась заря новой жизни¹²⁵⁾.

В частности, Митрополиту Петру Могилью удалось положить предел братскому и монастырскому своеобразию, установить порядок и дисциплину в церковном управлении и возвысить власть Митрополита и епископов на должную высоту.

Митрополит Петр Могила имел очень высокое понятие о „епископском служении“, как преемственном служении апостольском, о важности епископских обязанностей. Взгляды свои

125) Ср. Голубевъ. Киевский Митрополит Петръ Могила.. Т. II. Вступление, сс. I—VI; см. еще: С. А. Теряевский, Петръ Могила, „Киевская Старина“, 1882, VI; Голубевъ, Западно-Русская Церковь в эпоху Петра Могилы, ibid., 1898, I—VI.

на епископскій санъ и обязанности епископовъ изложилъ онъ въ предисловіи къ „Требнику“ (изд. 1646 г.). Св. Писаніе,—говорить Митропл. П. Могила, въ этомъ предисловіи,—усвояетъ іерархамъ (.преложонъмъ духовнымъ“) высота названія; оно именуетъ ихъ *свѣтомъ мїра* (Мате. 5.14), *окомъ тѣла* (Мате. 6.22), *солью земли* (Мате. 5.13), *ангелами Господа Вседержителя* (Малах. 2.7). Всѣми этими уподобленіями и названіями знаменуется не только особенное (сравнительно съ пасомыми) превосходство сихъ „преложоныхъ“ и присвоенные имъ почести („щегульная годность и честь утвержденная“), но нераздѣльно съ симъ указывается на великие обязанности и труды архипастырскіе. П. Могила подробно развиваетъ мысли о высокомъ значеніи епископскаго служенія, примѣняя ихъ, въ частности, къ служенію „Архіереевъ Церкви Православнокавказскаго“. Служеніе епископовъ—тяжелый трудъ (.прача и тяжаръ“): они, по слову Спасителя, должны *пасти* порученные имъ свѣты, пасти, т. е. всегда имѣть о нихъ попеченіе, бодрствовать, соприсутствовать овцамъ, ходить передъ ними. Самое слово *епископъ*, т. е. „*въ высоты назирающій*“, указываетъ на труды и заботы архіерея, какъ лица долженствующаго имѣть всегдашнее попеченіе о благѣ и цѣлости своего стада. Высокое положеніе въ Церкви епископовъ возлагаетъ на нихъ весьма важныя сбязанности духовнаго руководства и учительства. Что же касается пасты, то она обязана оказывать епископамъ послушаніе и внимать ихъ *наставленіямъ: Архіерее повинны овца проводити прикладнымъ житіемъ и наукю, а не сеци архіереевъ.*

Свою власть Митрополита Кіевскаго какъ, *Первосвятителя и Главы Церкви .Россійской* (т. е. Западно-Русской¹²⁶), П. Могила ставилъ чрезвычайно высоко,—весьма дорожилъ своими прерогативами и требовалъ отъ всѣхъ православныхъ вспренной его попеченію Церкви безпрекословной покорности и послушанія распоряженіямъ Митрополита. О великомъ значеніи своей митрополитанской власти и долгѣ со стороны православныхъ безпрекословно подчиняться его первосвятительской власти и повелѣніямъ П. Могила говорилъ неоднократно. „Въ той Россійской землѣ, говорилъ напр. П. Могила въ посвятительномъ предисловіи въ началѣ Тріодіона 1640 г., въ надгненя Духа Святого до сердца короля его милости... и всего народу Россійского, волею (добровольно) взявши урядъ Россійскій Архіерейскій, за благословеніемъ Святѣйшемъ Столицы Апостольской Константинопольской, мушу съ повинности своеи, предначальствующи всѣмъ идучимъ до Царства Небеснаго, постгерегати, дабы... и проч. Всякія сопротивленія распоряженіямъ Высшей въ „Россійской“ (Западно-Русской) Православной Церкви, Митрополитанской Власти П. Могила считалъ законо-

126) Въ XVII и даже въ нач. XVIII ст. на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи терминъ „rossijskij“ употреблялся въ томъ же значеніи, что и „russkij“, „ruskij“, „ruskiy“, „rosskij“ и былъ чаще всего равнозначущимъ съ современнымъ искусственнымъ (употребляемымъ главн. образомъ въ наукѣ исторіи Церкви и исторіи права) терминомъ „западно-руsskij“ (совмѣщая въ себѣ, какъ частная, понятія—украинскій и бѣлорусскій), или же (рѣже) съ терминомъ „восточно-славянскій“ (совмѣщая, слѣдовательно, какъ частные, понятія—украинскій, бѣлорусскій и великорусскій; иногда терминъ „rossijskij“ („rosskij“, „ruskij“) употреблялся и взамѣнъ современного термина „украинскій“. Во всѣхъ цитируемыхъ нами въ этой статьѣ актахъ терминъ „rossijskij“ значить „западно-руsskij“ (украинско-бѣлорусскій).

преступными и объ ослушникахъ своей власти высказывался, какъ о людяхъ достойныхъ участи Корея, Даеана и Авирона. *Не ревнуй, освященный чительнику, лукавствующимъ*, — писалъ П. Могила въ предисловіи къ своему Требнику (изд. 1646 г.), — не завиди тайно прекословящимъ и спротивляющимся Архіерейской Власти Нашой; таковыи бо вѣмъ прекословници подобствуютъ въ натурѣ круку (ворону), драпежному птаху, который нивочто вомѣнивши посланіе и наказаніе Господина своего Патріарха, святаго Ноя, оставилъ корабль и паль на стервѣ, съ нимъ же и участіе свое пріять¹²⁷⁾). Когда члены могущественаго и вліятельнаго Львовскаго Братства, своевольничавши при прежнихъ Митрополитахъ (иногда даже заискивавшихъ у него), осмѣлились самовольно устранить, въ періодъ управліенія Кіевскою Митрополіею Петра Могилы, игумена изъ Львовскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря, П. Могида отправилъ имъ грозное письмо, въ которомъ выражалъ удивленіе и негодованіе, „же мил. ваша (т. е. братчики), чили за поводомъ налоговъ (страстей) давныхъ умыслъне, чили тежъ за поводомъ сквапливости неопатръне, то, что самымъ, Архіереемъ Божіимъ и шафаромъ гаемницъ Его власне належитъ, не только отдаете охотно, але и суротовы дераете, а то въ тымъ, же мил ваши, будучи простыми лаиками (простыми свѣтскими людьми), которымъ право Божіе въ Церкви и въ справахъ ее — молчане приказувтъ, подноситис, важачи, а икъ надъ самый Митрополитанскій и ексаршеский... ду-

127) Срв.: Голубевъ. Кіев. Матр. Петръ Могила, т. II.

ховный и церковный урядъ... Въдати прето мил. вашимъ належитъ, ижъ тая мил. вшихъ на духовный станъ порывающаяся смѣлость... есть грѣхомъ велице тяжкимъ и на помсту Бога взрушающимъ, Который заказуетъ помазаныхъ своихъ тыкались и Которій укривжене—свою великою зелживостю быти покладаетъ, моячи през Пророка: *кто ся васъ тыкаетъ, тыкается з деници ока моего** 128).

Таковы были взгляды Митрополита Петра Могилы на достоинство и власть Митрополита (Главы Западно-Русской Церкви) и епископовъ, на церковное управление и положеніе и роль духовенства и мірянъ въ Церкви. Эти взгляды съ присущею ему настойчивостью и энергией и вмѣстѣ съ тѣмъ съ надлежащимъ умѣніемъ проводилъ онъ въ жизнь съ самаго вступленія своего на Митрополичій Престолъ.

Пользуясь дружественнымъ расположениемъ Патріарха Кирилла Лукариса и искреннюю заботливостью его о благѣ Западно-Русской Церкви, Митрополитъ Петръ Могила при самомъ вступленіи своемъ на Митрополичій Престолъ получилъ отъ Патріарха грамоту, предоставлявшую Западно-Русской Церкви почти полную автокефалію, уничтожавшую «многоэкзаршество» и исключительная привилегіи ставропигіальныхъ братствъ и высоко поднимавшую достоинство и власть Кіевскаго Митрополита-Экзарха, какъ единаго и дѣйствительнаго Главы Западно-Русской Церкви.

128) Письмо это напечатано Голубевымъ въ прилож. ко II. т. цит. соч., № XXIII, с. 86—88.

Грамота эта весьма близка была по содержанию съ грамотами, полученными Мелетіемъ Смотрицкимъ въ 1624—25 г.г., но еще болѣе и притомъ весьма значительно болѣе расширяла и возвеличивала права Митрополита, который становился вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ экзархомъ, а фактически единственнымъ и самостоятельнымъ Правителемъ Западно - Русской Церкви.

Эта грамота, правда, формально не уничтожала ставропигії братствъ Виленского, Львовского, Луцкаго и нѣк. др.¹²⁹⁾ и нѣкоторыхъ монастырей (около этого времени установленна была даже одна новая „ставропигія“ братства Могилевского); но теперь ставропигії изымали братства и монастыри, пользовавшіеся ставропигіальными правами, только изъ-подъ власти епископовъ (да и то лишь отчасти), но не изъ-подъ власти Кіевскаго Митрополита-Экзарха; вицѣвшимъ образомъ эта перемѣна выражалась въ томъ, что ставропигіальные братства и монастыри, ранѣе поминавшіе во время богослуженія

129) Нѣкоторыми историками высказывалось мнѣніе, что Луцкое и др ставропигіальные братства, кроме Львовскаго и Виленского, въ силу грамоты Патріарха Кирилла, присланной черезъ М. Смотрицкаго и позднѣйшей, врученной депутатамъ Виленского и Львовского братствъ, съ 1625 г. утратили ставропигії; но это мнѣніе ошибочно: изъ письма П. Могила къ С. Коссову отъ 1 янв. 1640 г. (напечат. въ прилож. ко 2 т. цит. соч. Голубева, № XLIII, с. 171) ясно слѣдуетъ, что ставропигії и Луцкаго и нѣкоторыхъ „inszych Bractw“ (кромѣ Виленского, Львовского и Могилевского) продолжали признаваться и послѣ 1625 г и (въ укороченномъ видѣ, какъ вообще всѣ ставропигії въ періодѣ управления Митрополіею П. Могила) сохранились и въ 1640 г.

только имя Патріарха Константинопольского¹⁸⁰), теперь обязаны были поминать имя мѣстного епархіального архіерея¹⁸¹); по толкованію же Сильвестра Коссова (преемника Петра Могилы на Кіевскомъ Митрополитанско - Экзаршескомъ Престолѣ), ставропигіальные братства и монастыри имѣютъ законные права не признавать юрисдикціи и власти мѣстного епископа только въ томъ случаѣ, если бы епископъ этотъ поступилъ пѣдобно Поцью (т. е. отступилъ отъ Православной Церкви), а прежде и кромѣ такого поступка, пренебрегать епископской властью не смѣютъ (*Stauropigia są uczynione propter casum meritum, kiedy by kto z Episcopow Roccieowskiego chwycił lepu, że posito hoc z jurisdiciey y władzy Episcopskieu Bractwa legitime się excipować mogą: ergo ante et extra talem casum przeciw Episcopom licite wirzgać nie mogą*¹⁸²). Во всякомъ

180) Срв. грамоту Патріарха Кирилла Лукариса (въ цитир. „Матеріалахъ“ Голубева, т. I, № XLII), подтверждавшую между прочимъ, права Львовскаго и Віленскаго братствъ, какъ ставропигіальныхъ, на то, „абы жадное имъ иное опрочъ... патріархи Константинопольского на літургіяхъ святыхъ и отправованію набоженствъ вломънаемо не было отъ тыхъ, которые на тамъ тыхъ кірунтахъ мешкауть“...

181) См. письмо П. Могилы къ С. Коссову отъ 1.I.1640 г (въ прилож. ко II т. наслѣдованія Голубева „Кіев. Митр. П. Могила“, № XLIII, с. 171).

182) См. ответъ С. Коссова на цитированное выше письмо къ нему П. Могилы (тамъ же, № XLIV, с. 172); П. Могила смотрѣлъ однако иначе: признавалъ значительную самостоятельность ставропигіальныхъ братствъ и монастырей въ отношеніи епархіальныхъ архіереевъ (срв. цитир. письмо его къ С. Коссову отъ 1.I.1640 г.), но требовалъ отъ ставропигіальныхъ братствъ и монастырей безпрекословного послушанія *его* власти, какъ *власти Митрополита и Экзарха* (срв. цит. пами выше письмо П. Могилы отъ 18.IX.1635 г. къ львовскимъ братчикамъ по поводу своеевольного изгнанія вми изъ Свято-Онуфріевскаго монастыря

случаѣ, будучи не только Митрополитомъ, но и несмѣняемымъ экзархомъ, вполнѣ замѣщающимъ и замѣняющимъ въ Западно-Русской Церкви осо-
бу Вселенскаго Патріарха, П. Могила имѣлъ подъ
своимъ непосредственнымъ вѣдомиемъ всю Западно-
Русскую Церковь, не исключая изъ нея никого, въ
томъ числѣ не исключая и ставропигіальныхъ
братствъ и монастырей, утерявшихъ съ назначе-
ніемъ П. Могилы Экзархомъ право непосредствен-
наго обращенія къ Патріарху, помимо Митропо-
лига-Экзарха: „Мы таковое отъ святѣйшаго па-
стыря нашего Кирилла, Константинопольскаго
Патріархи право и листъ маемо, абы никто з на-
роду нашего Россійскаго ничего приватне и по-
таемне, безъ нашое Митрополитанское и всее
Церкви наше Россійское вѣдомости и благосло-
венія, себѣ отъ святѣйшихъ патріарховъ выпра-
вовати не важился, если же што таковаго и вы-
правиль безъ благословенія насъ, Митрополита
и безъ вѣдомости всее Церкви, абы то у насъ,
православныхъ всѣхъ, не важно и не принято
зоставало“¹⁸⁸⁾.

По существу, власть Митрополита-Экзарха
Кievскаго и всяя Руси при Петрѣ Могилѣ и его
преемникахъ (до кончины Митрополита Іоасафа
Кроковскаго въ 1718 г., когда Западно-Русская
или, какъ она называлась въ к. XVII—нач. XVIII
в., „Малороссійская“ Церковь слилась съ Цер-
ковью Великороссійскою) очень немногимъ отли-
чалась отъ власти самихъ Патріарховъ.

Правда, послѣ низложенія въ Константино-
полѣ Патріарха Кирилла Лукариса, при незакон-
ногумена Іосифа Кирилловича; тамъ же, т. II, № XXIII, с. 86—87;
см. еще „Матеріалии“.. , изд. Голубевны, т. I, с. 557).

133) „Матеріалии по ист. З.-Рус. Церкви“, изд. Голубевны, т. I, с. 557.

но возвведенномъ на Константинопольскій Патріаршій Престолъ Аѳанасію III Пателларіи (не признанномъ П. Могилою), перемышльскою шляхтою и избраннымъ ю кандидатомъ на перемышльскую епископскую каѳедру Попелемъ (не утвержденнымъ П. Могилою), была сдѣлана попытка подорвать власть П. Могилы и возстановить дѣйствительчое верховенство Константинопольскаго Патріарха. Но попытка эта не имѣла успѣха. П. Могила отвѣтилъ на это грознымъ посланіемъ ко всему духовенству и мірянамъ Перемышльской епархіи, въ которомъ объявлялъ вмѣшательство Аѳанасія Пателларія въ дѣла З. Русской Церкви незаконнымъ, самого Аѳанасія самозваннымъ, незаконнымъ „патріархомъ“ и приказывалъ, чтобы никто, подъ угрозою неблагословенія Св. Богоносныхъ Отцевъ, проклятія, а по отношенію къ духовнымъ лицамъ—изверженія изъ сана, не дерзаль сообщаться съ Попелемъ, и чтобы наоборотъ каждый, по мѣрѣ возможности, противился его замыслу, какъ Церкви Божіей и ея благочинію весьма противному“ и къ тому же склоняль и другихъ. Часть шляхты, поддерживавшей Попеля, пробовала еще „бушевать“, но все духовенство и грѣчадное большинство мірянъ не оемѣлись ослушаться воли Митрополита и избрали, вмѣсто Попеля, перемышльскимъ епископомъ другое лицо (Гулевича). Такимъ образомъ, авторитетъ и власть Митрополита П. Могилы, какъ Главы З. Русской Церкви, восторжествовали надъ попыткою возстановленія церковнаго безначалія и общественнаго папизма подъ покровительствомъ Константинопольскаго Патріарха¹³⁴⁾.

134) Срв.: Голубевъ: Кіев. Митр. П. Могила, т. I, прилож. („Материалы“), сс. 527, 555 сл.; т. II, сс. 474—478.

Съ изданіемъ П. Могилою этой грамоты (1634 г.), онъ и офиціально и фактически разрывалъ съ Константинопольскимъ Патріархомъ и становился вполнѣ независимымъ Главою Зап.-Русской Церкви, хотя номинально признавалъ свою связь съ „Патріаршимъ Престоломъ“ (но не съ Патріархомъ, по мнѣнію Могилы, незаконно занимавшимъ этотъ Престолъ); но это признаніе связи съ „Патріаршимъ Престоломъ“ (при, отсутствіи связи съ лицами, его занимавшими) было, конечно, чистою фикціей. Когда въ 1639 г. Патріархомъ въ Константинополѣ сдѣлался Пароеній I, П. Могила не счелъ нужнымъ даже „выразить ему письменно достодолжнаго почтенія“¹⁸⁵⁾. Между тѣмъ въ 1640 — 42 г.г. Митрополиту П. Могилѣ пришлось вторично преодолѣвать покушеніе на возстановленіе „старыхъ порядковъ“ — господства братчиковъ въ церковныхъ дѣлахъ подъ покровительствомъ Константинопольского Патріарха.

Въ 1639 — 1640 г.г. у Петра Могилы начались серьезныя столкновенія съ Львовскимъ братствомъ изъ-за права печатанія книгъ известнымъ въ то время типографомъ Слезкой, получившимъ привилегію на печатаніе книгъ отъ П. Могилы и наносившимъ сильный ударъ братской типографіи. Братчики обратились съ жалобой на П. Могилу къ тогдашнему Константинопольскому Патріарху Пароенію, испрашивая у него подтвержденія братскихъ привилегій, дарованіихъ патр. Іеремію, и распоряженія П. Могилѣ объ отобра-

185) Срв. посланіе Константиопол. Патр. Пароенія къ Митр. Петру Могилѣ 1642 г. (запеч. въ прилож. ко II т. изслѣд. Голубева „Кіев. Митр. П. Могила“.., № IХII, с. 249—250, на греческомъ из.).

ній у Слезки привилегії на книгопечатаніє¹³⁶⁾. Пароеній удовлетворилъ обѣ просьбы братчиковъ¹³⁷⁾. Но П. Могила считая, безъ сомнѣнія, такое вмѣшательство незаконнымъ, не только игнорировалъ распоряженія Пароенія, но и явно поступалъ вопреки имъ¹³⁸⁾. Братство снова обратилось къ Пароенію, и тотъ отправилъ П. Могилѣ (въ 1642 г.) грозную грамоту съ выговорами за „пренебреждніе каноническими правилами“ (выразившееся очевидно гл. обр. въ непочтениі къ нему, патріарху) и „нарушеніе патріаршихъ прерогативъ“ подчиненіемъ своей митрополитанской власти ставропигіального Львовскаго братства¹³⁹⁾. Но и на этотъ разъ П. Могила не подчинился распоряженіямъ Пароенія, представлявшимъ явное и грубое нарушеніе правъ Кіевскаго Митрополита-Экзарха, октроированныхъ Патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ, лучше Пароенія знаяшимъ дѣла и нужды Зап.-Русской Церкви, искренно желавшимъ ей блага и процвѣтанія и высоко цѣнившимъ П. Могилу за его многостороннюю плодотворную дѣятельность. П. Могила не могъ подчиниться велѣніямъ Пароенія не только потому, что они были въ противорѣчіи съ правами, данными патр. Кирилломъ, но прежде всего и болѣе всего потому, что подчиненіе имъ привело бы къ возстановленію братскихъ своево-

136) Письмо братчиковъ къ Пароенію — тамъ же, № XI.V, с. 176 — 179.

137) Грамота Пароенія Львовскому братству — тамъ же № XLVII, с. 182 — 184; письмо Пароенія П. Могилѣ (посланное въ іюнѣ 1640 г.) — тамъ же, № XLIII, с. 185 — 186.

138) См.: Русск. Истор. Была, изд. Археогр. Ком., т. IV, столб. 81.

139) См. цитированное выше посланіе Пароенія 1642 г. у Голубева, т. II, № LXII.

лія и господства въ церковныхъ дѣлахъ, возрожденію „общественного папизма“, паденію авторитета и власти Главы Зап.-Русской Церкви, а вслѣдъ затѣмъ къ хаосу въ церковномъ управлениі, пониженію образовательного и нравственнаго уровня духовенства, постоянному нарушению не соотвѣтствующимъ своему сану духовенствомъ важнѣйшихъ каноническихъ постановлений, упадку просвѣщенія, проникновенію протестантскихъ ученій и взглядовъ и проч., словсмъ къ новому упадку Зап.-Русской Православной Церкви. Поэтому П. Могила рѣшительно защищалъ прерогативы своей митрополитанско-экзаршской власти. И, хотя Львовское братство не оказывало въ должной мѣрѣ полнаго послушанія, однако не рѣшалось продолжать борьбу съ Митрополитомъ, признавало его юрисдикцію (отъ которой, повидимому, пыталось освободиться въ 1642 г.). Такъ, напр., въ 1645 г., избравъ нового настоятеля на осиротѣвшее мѣсто въ Онуфріевскомъ монастырѣ, братчики обратились за благословеніемъ къ П. Могилѣ, который благословилъ избраннаго ими кандидата. однако поставилъ при этомъ условіе, чтобы оъ случаѣ возникновенія какихъ-либо судебныхъ дѣлъ („всякихъ судовъ“) настоятель обращался за разрѣшеніемъ ихъ исключительно къ нему, Митрополиту, подъ угрозою *неблагословенія* въ случаѣ ослушанія; „не розумѣю еднакъ, добавлялъ Могила, абы кто власти нашего пастырства и ексаршства сопротивлялся¹⁴⁰).

140) Грамота П. Могилы съ благословеніемъ іеромонаха Аѳиногена на игуменство во Львовск. Св.-Онуфріев. мон.. напечат. у Голубева, оп. cit., т. II, № LXXVI.

Попытки вмѣшательства Константинопольскихъ Патріарховъ Аѳанасія III и Пароенія I во внутреннія дѣла Зап.-Русской Церкви, попытки опасныя, грозившія ослабить власть Митрополита и привести снова къ расцвѣту общественного папизма, безначалія и хаоса въ церковномъ управлѣніи, поставили въ 1630—40-хъ г.г. на очередь вопросъ о созданіи вполнѣ Автокефальной Православной Церкви въ Польскомъ Государствѣ, возглавляемой Патріархомъ. Вопросъ этотъ, повидимому, очень живо обсуждался среди близкаго къ дѣламъ Церкви зап.-русского православнаго населенія въ 1646 г., о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, письмо виленскихъ братчиковъ къ П. Могилѣ отъ 5 окт. 1646 г. 141). Достойно вниманія, что въ дѣлѣ предполагавшагося учрежденія православнаго патріаршества въ Польско-Литовскомъ Государствѣ (при чмъ Патріархомъ долженъ быть стать, конечно, Петръ Могила) видную роль, повидимому, играло Виленское братство, самое могущественное и самое дѣятельное среди зап.-русскихъ церковныхъ братствъ. Это ясно указываетъ на наступившее къ концу правленія П. Могилы отрезвленіе братскихъ дѣятелей и руководителей, на оздоровленіе церковной жизни, общее пониманіе великихъ заслугъ Митрополита и желаніе укрѣпить еще болѣе его авторитетъ и власть. Идея созданія Православна-

141) См.: Голубевъ, оп. cit., т. II, прилож., № LXXXIV, с. 495—496; „переходною ступенью“ отъ Митрополіи къ Патріаршеству, повидимому, предполагалось сдѣлать экзаршество, очевидно, въ древнемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ достоинства, высшаго, чмъ митрополитанское, приближающагося къ патріаршескому.

го Патріархата въ Польскомъ государстввѣ въ XVII ст., къ сожалѣнію, не была осуществлена; а между тѣмъ, если бы эта идея была воплощена въ жизнь, возможно, что въ церковной жизни зап.-русскихъ православныхъ земель избѣгнуты были бы нѣкоторыя тяжелыя события 2-ой пол. XVII и XVIII в.

Во всякомъ случаѣ, заслуги П. Могилы въ дѣлѣ возрожденія Зап.-Русской Церкви въ XVII стол. очень велики. Онъ сумѣлъ устранить многие недостатки и направить общественные силы на путь творческаго, полезнаго для Церкви служенія. Рѣшительно борясь со всякаго рода чрезмѣрнымъ, переступавшимъ допускаемыя каноническими правилами, вмѣшательствомъ свѣтскихъ элементовъ въ церковныя дѣла, П. Могила сумѣлъ провести грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ; въ значительной мѣрѣ устранилъ братчиковъ и др. свѣтскихъ лицъ отъ вмѣшательства въ дѣла, которыя „Архіереомъ Божіимъ и шафаромъ таємницъ Єго“ принадлежать; но не оттолкнулъ ихъ отъ Церкви. П. Могила постоянно подчеркивалъ громадную пользу дѣятельности братствъ, поскольку она направляется на защиту церковныхъ интересовъ, развитіе просвѣщенія, содѣйствіе церковной іерархіи въ поддержаніи церковной дисциплины, благотвореніе, строеніе храмовъ и поддержаніе благолѣпія въ нихъ и т. п., и поскольку не вырождается въ стремленіе руководить Церковью, начальствовать надъ духовенствомъ и даже іерархіей, поскольку, словомъ, не переходитъ въ превышеніе правъ мірянъ, во вмѣшательство свѣтскихъ людей въ управлениѣ церковными дѣлами; противъ автономіи братствъ

въ этомъ отношеніи П. Могила всегда и рѣши-
тельно боролся, всемѣрно заботясь объ ограни-
ченіи ихъ власти въ дѣлахъ, подлежащихъ архи-
пастырскому вѣдѣнію (въ частности, въ отноше-
ніи духовенства братскихъ церквей и монасты-
рей) и, хотя встрѣчалъ иногда неудовольствія и
даже сопротивленіе, въ значительной степени
достигъ желаемой цѣли. Въ сущности, особенно
подъ конецъ его управлениія Зап.-Русскою Цер-
ковью, только съ однимъ Львовскимъ братствомъ
выходили у П. Могилы значительныя тренія;
остальные братства, а въ частности и въ осо-
бенности, Киевское (возглавлявшееся самимъ Мо-
гилою), Виленское и Луцкое оказывали Митро-
политу полное повиновеніе и глубокое почте-
ніе¹⁴²⁾. Больше трудностей представляла борьба
съ патронатомъ. По отношенію къ такъ назыв.
господарскому патронату, П. Могила старался,
чтобы монастыри и церкви, числящіеся за право-
славными, предоставлялись королемъ наиболѣе
достойнымъ, имъ самимъ рекомендуемъ ли-
цамъ или прочно стоявшимъ православнымъ уч-
режденіямъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ—на
всегдашнія времена, что въ сущности было равно-
сильно отказу короля отъ патронатскихъ правъ.
Равнымъ образомъ, по мѣрѣ возможности, старал-
ся Митрополитъ ограничить и власть патроновъ—
землевладѣльцевъ надъ зависѣвшими отъ нихъ
церквами и монастырями и даже освобождать
ихъ изъ-подъ опеки патроновъ, въ чёмъ конечно
встрѣчалъ сочувствіе среди благочестивыхъ пра-

142) Срв. испр. цитированное нами письмо виленскихъ брат-
иковъ къ Митрополиту Петру Могилѣ отъ 5 окт. 1646 г.

вославныхъ патроновъ (такъ нпр. удалось освободить совершенно отъ частновладѣльческаго патроната Загаецкій монастырь, Низкиничскую обитель и рядъ другихъ), а иногда и среди толерантныхъ иновѣрцевъ; благодаря же своимъ родственнымъ и дружескимъ связямъ со знатнѣйшими фамилиями въ Польскомъ государствѣ, П. Могилѣ удавалось иногда оказывать вліяніе и на пользованіе патронатскимъ правомъ людей, даже и не сочувственно относившихся къ Православной Церкви. Во всякомъ случаѣ, П. Могила принималъ настойчивыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ поставленіе по желанію свѣтскихъ лицъ священнослужителями людей недостойныхъ, недостаточно образованныхъ, не могущихъ быть священнослужителями въ силу запрещенія каноническихъ правилъ (какъ нпр. двоеженцы). Вообще, П. Могила сильно стѣснилъ свободу выбора священнослужителей тамъ, где не могъ выборы замѣнить назначеніемъ. П. Могилою введена была довольно сложная, но стройная система церковно-административного управлениія въ епархіяхъ, весьма содѣйствовавшая, между прочимъ, и контролю надъ тѣмъ, чтобы на священническія мѣста поставлялись люди достойные. Непосредственное руководство приходскими ~~священниками~~ и надзоръ за ними ввѣрены были ~~протопопамъ~~. Ближайшимъ начальствомъ надъ протопопами были визитаторы, большую частью изъ ученыхъ монаховъ, пользовавшихся довѣріемъ Митрополита. Въ вѣдѣніи каждого визитатора находилось нѣсколько протопопій. Высшими церковно-должностными лицами были намѣстники — постоянные (два: одинъ для „земель Короны Польской“, другой — для земель вел. князя

жества Литовского) и временные (въ отдельныхъ епархіяхъ и т. д.). Митрополичи намѣстники (часто изъ архимандритовъ) облекаемы были очень широкою властью: они были представителями Митрополита и исполняли его воли въ дѣлахъ первостепенной важности. По епархіямъ Митр. Петромъ Могилою возстановлены были ежегодные епархиальные съезды или соборы духовенства для непосредственнаго ознакомленія епархиальныхъ архіереевъ съ подвѣдомственнымъ духовенствомъ, прямого контроля надъ ними и преподанія духовенству руководственныхъ указаний. П. Могила придавалъ большое значеніе такимъ „соборамъ“ и требовалъ аккуратной явки на нихъ всѣхъ протопоповъ, а въ первые годы и всѣхъ вообще священниковъ, впослѣдствіи же, кажется, только нѣкоторыхъ изъ приходскихъ священниковъ. Для разслѣдованія проступковъ духовенства и суда надъ нимъ учреждены были консисторіи. Собирались, разумѣется, и Помѣстные Соборы, общіе для всей Зап. Русской Церкви: Соборы эти иногда состояли только изъ епископовъ; иногда же призывались по желанію Митрополита и другія значительнѣйшія духовныя лица, а иногда и представители братства, особенно, когда обсуждались дѣла, касающіяся защиты правъ и привилегій Православной Церкви въ Польскомъ Государствѣ.

На основаніи грамоты Патріарха Кирилла Лукариса, предоставлявшей Петру Могилѣ экзаршество, важнѣйшія церковныя дѣла должны были решаться съ „вѣдомости“ .. „всее Церкви наше Рѣсійскoe“¹⁴⁸⁾, т. е. повидимому съ вѣдо-

148) „Матеріали по исторіи З.-Рус. Церкви“, изд. Голубевъмъ, т. I, с. 557.

ма возможно широкаго числа духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которыхъ очевидно въ такихъ слу-
чаяхъ должно было созывать на Соборы. Но, зная взглядъ Митрополита Петра Могилы на ис-
ключительное право епископовъ руководить и управлять Церковью и на недопустимость, по
его мнѣнію, вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ церковное управлѣніе, не можетъ быть сомнѣ-
ній, что рѣшающимъ голосомъ на такихъ Собо-
рахъ пользовались исключительно духовныя ли-
ца и даже, по всей вѣроятности, только еписко-
пы. Свѣтскіе же участники такихъ соборовъ при-
зывались, несомнѣнно, главнымъ образомъ для осенданія ихъ о принятіи важнѣйшихъ рѣше-
ній (потребность въ чемъ объясняется тревогой
части свѣтскаго православнаго общества, какъ
бы не повторились события, произшедшія въ
1590-ыхъ годахъ); слѣдуетъ думать, что свѣт-
скимъ лицамъ, присутствовавшимъ на этихъ со-
борахъ, могло быть также предоставлено право
совѣщательнаго голоса. Но въ решеніи дѣль эти
свѣтскіе представители на соборахъ участія не
принимали, такъ какъ, согласно твердому убѣжд-
енію П. Могилы, „Архіерее повинны овца проводи-
ти, а не овца Архіереевъ“¹⁴⁴); „лаикамъ“ (т. е.
свѣтскимъ людямъ) „право Божее въ Церкви и въ
справахъ ее молчане приказуетъ“¹⁴⁵). Такова была
система церковнаго управлѣнія, созданная Митро-
политомъ Петромъ Могилою¹⁴⁶.

144) Предисловіе къ Требнику, изд. 1646 г.

145) Письмо Кіевскаго Митрополита Петра Могилы къ Львовскимъ братчикамъ 18 сент. 1685 г. у Голубева, Кіев.
Митр. П. Могила, т. II, приложенія, № XXIII, с. 86.

146) Срв.: Голубевъ, оп. сіт.. т. II, отд. V, особенно
стр. 470—499.

Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка этой системы церковнаго управлениѧ съ точки зрењія догматико-богословской, какъ равно и оцѣнка съ той же точки зрењія — взглядовъ Петра Могилы на достоинство „епископскаго служенія“ (какъ „преемственаго служенію апостольскому“), на свою Митрополитанскую власть (власть Первовсвятителя и Главы Помѣстной Церкви), на права духовенства и мірянъ въ Церкви и т. п. (вопросъ этотъ, можетъ быть, впослѣдствіи мы попытаемся освѣтить въ специальномъ очеркѣ). Равнымъ образомъ, мы не будемъ здѣсь рѣшать вопроса, должны ли быть возстановлены въ современной Православной Церкви въ Польскомъ Государствѣ „традиції“ феодально-шляхетскаго господства въ церковномъ управлениѣ, или традиціи „общественнаго папизма“ (временно охватившаго церковную жизнь на Украинѣ и Бѣлоруссіи въ концѣ XVI и нач. XVII вѣка), или, наконецъ, традиціи Митрополита Экзарха Петра Могилы, продолженные Митрополитами Сильвестромъ Коссовымъ, Варлаамомъ Ясинскимъ, Іоасафомъ Кропивскимъ, Стефаномъ Яворскимъ и др.; не будемъ здѣсь касаться и вопроса о томъ, хорошо ли было бы слѣдоватъ въ настоящее время завѣтамъ Петра Могилы. Но мы должны сказать, что для XVII вѣка реформа церковнаго управлениѧ, произведенная Митрополитомъ Петромъ Могилою, была спасительной: она вывела Западно-Русскую (Украинско-Бѣлорусскую) Православную Церковь изъ состоянія упадка, хаоса и даже нѣкотораго уклоненія въ сторону протестантизма и содѣйствовала ея всестороннему возрожденію.

Закончено 1.VI(19.V.)1930
въ Недѣлю Св. Отецъ.

